

Глава 6. Образ жизни, жизненный процесс, жизненный путь

...«Я есть жизнь, которая хочет жить среди жизни, которая хочет жить». Это не выдуманное положение. Ежедневно и ежечасно я сталкиваюсь с ним. В каждое мгновение сознания оно появляется передо мной. Как из непересыхающего родника, из него постоянно бьет живое, схватывающее все факты бытия миро- и жизневоззрение...

...С неутомимой жизненной энергией чувство благоговения перед жизнью вырабатывает в человеке определенное умонастроение, пронизывая его и привнося в него беспокойство постоянной ответственности. Подобно винту корабля, врезающемуся в воду, благоговение перед жизнью неудержимо толкает человека вперед...

А. Швейцер. «Культура и этика». 1923 (@)

...Категория **лица** (выделено мною. — А. А.) должна быть принята в качестве вполне самостоятельного и исключительного фактора опыта и жизни наравне с такими категориями как «причина», «бытие», «единство», «множество», «цель» и т. д. И мое убеждение в том, что человеческая деятельность, культура, исторический подвиг являются поистине «звенящей медью и бряцающим кимвалом», пока человек не внес в свой обиход категорию лица, пока доминанта его не поставлена решительно на лицо вне его...

А. А. Ухтомский. Из писем к Е. И. Бронштейн-Шур. 1927 (@)

...То чувство благоговения перед жизнью, о котором пишет Альберт Швейцер, у Любищева имело свой оттенок — благоговение перед Временем. Система его была одухотворена чувством ответственности перед Временем, куда входили и понятие человека, и всего народа, и история...

Д. Гранин. «Эта странная жизнь». 1974 (@)

6.1. Образ жизни и жизненный процесс (конспект доклада. 1981)

[Ниже — конспект доклада, произнесенного социологом-рабочим на заседании сектора социальных проблем личности и образа жизни ИСЭПАН СССР 13 июля 1981 года. Публикуется в сокращении. — А. А.]

I. Объяснение цели и специфики доклада. Эмпирическая база

Цель настоящего доклада — попытка систематизации и своего рода концептуализации основных содержательных и теоретико-методологических результатов работы автора (как правило, работы не индивидуальной, а коллективной) на различных «социологических полях».

Все результаты так или иначе относятся к проблематике, которая ныне, уже традиционно, объединяется понятием **образ жизни**. В названии доклада фигурирует также не столь популярное пока еще понятие **жизненный про-**

цесс. Этим акцентируется одна из основных методологических особенностей реализуемого автором на протяжении ряда лет исследовательского подхода.

Уровень предлагаемых в сегодняшнем докладе обобщений и выводов достаточно высок; это выводы, опирающиеся на богатую совокупность эмпирических наблюдений и фактов, но не выводимые из них непосредственно (в отличие от выводов, формулировавшихся во включенных в «Материалы к докладу» научных отчетах; те, как правило, имели характер прямых «логических следствий» из представленной совокупности социологических фактов).

Таким образом, здесь автор претендует совершить методологически ответственный и всегда рискованный для рядового исследователя шаг. (Ведь на «всестороннее обоснование» — способны только классики!..) Такой шаг всегда обосновывается не только логическими операциями, но и **научно-жизненной** позицией исследователя.

Критерием истинности методологических положений может быть только эвристическая ценность результатов, полученных при использовании соответствующей методологии. Критерий же истинности содержательных результатов самих по себе — в конечном счете — **социальная практика** (причем не столько актуальная, сколько практика будущего).

Пожалуй, пора снизить пафос этого вступления, чтобы не возбудить слишком больших ожиданий. Многие наши выводы, пожалуй, не более оригинальны, чем известное заявление мальчика из сказки Андерсена («Новый наряд короля»).

<...> Какова же все-таки более или менее имеющая отношение к делу **эмпирическая база** этого доклада? Ею являются исследования, в которых автору довелось участвовать на протяжении последних 8–10 лет. Кроме тех, что отражены во включенных в «Материалы к докладу» научных отчетах («О тех, кто живет в Ленинграде», «Человек, его работа и жизнь на БАМе» и «Личность в процессе жизни»), следует упомянуть:

— исследование проблем общественной активности рабочих на производстве (в рамках исследовательского проекта «Человек и его работа. 1976» (ИСЭП АН СССР);

— исследование проблем театральной и — шире! — социокультурной жизни крупного города (проводимое, начиная с 1973 г. по настоящее время, группой «Социология и театр» при ЛО ВТО).

Отчасти использовались также проводившиеся автором ранее:

— исследование образа жизни сельской молодежи (Ленинградские секторы Института философии АН СССР) — 1971–1973 гг. ;

— исследование читательской аудитории центральных газет (Институт истории, филологии и философии СО АН СССР; группа социологии печати при Новосибирском университете) — 1969–1970 гг.

Принципиальное значение для формулирования ряда выводов имеет также осуществляемое ныне докладчиком исследование производственной жизни изнутри, «глазами рабочего» (см. наш отчет 1980 г.).

Ремарка: все идет в дело!

Здесь перечислены практически все основные исследовательские проекты (как принято теперь говорить), в которых мне довелось участвовать за 10 лет предшествующей научной карьеры.

Похоже, что ни один из этих проектов не оказался «лишним» для той попытки теоретико-методологического обобщения, которая здесь предпринята. Получается, что, не формулируя изначально научной «стратегии», в известном смысле интуитивно, социолог может работать на одну «магистральную» тему.

Этот факт индивидуальной научной биографии, пожалуй, небезынтересен для жизненной и профессиональной ретроспективы. (Декабрь 1999).

II. Исходные методологические принципы¹

1. Принцип различения гносеологических и онтологических моделей (образа жизни).

Советская социология, выступая в своей идеологической функции (сближающей ее с пропагандой), довольно часто смешивает: (а) социалистический **образ** жизни — представление о жизни, какой она может или должна быть (гносеологическую или ценностно-нормативную модель), и (б) социалистический **способ** жизни — реальную систему жизнедеятельности социального субъекта (будь то индивид, социальная общность или общество в целом) в современных конкретно-исторических условиях.

(Некоторые, наиболее осторожные теоретики, например — А. Бутенко, не случайно настаивают на употреблении понятия «образ жизни социалистического общества», как не тождественного «социалистическому образу жизни». При этом предполагается, что первый, т. е. реальность, — развивается в плане приближения ко второму — идеалу, в частности, изживая собственные «не социалистические» элементы.)

Разумеется, для науки, которая хочет не только описывать и объяснять, но и **изменять** мир, нужны модели обоих типов (равно как и особые модели перехода от сущего к должному). Но ничего кроме вреда не могут принести эклектические смешения «идеальных», «нормативных» и «реальных» моделей. И способы построения, и способы работы с этими моделями — принципиально различны.

Резюме: не выдавать желаемое за действительное, а действительное — за необходимое.

2. Принцип дифференциации уровней социологического анализа (в исследованиях образа жизни).

Эти уровни принято различать по **социальным субъектам**-носителям «образа жизни»: субъект-индивид; субъект-группа или общность (куда попадают и семья, и трудовой коллектив, и социально-демографическая

¹ В сокращенном виде, данный раздел доклада был опубликован. См.: Алексеев А. Н. Образ жизни и жизненный процесс (методологические заметки) / Социальные проблемы труда и управления. Томск, 1983.

группа, например «молодежь», и социально-территориальная общность, например «население города»). Но при этом часто забывают, что:

— **Живут**-то только люди (социальные индивиды), а группы и общности — **существуют и воспроизводятся**; общество же, само по себе, есть структура, которая может только **функционировать и развиваться** (но не «жить»!).

Последний роман Ч. Айтматова² средствами художественного исследования великолепно обнажает сущностную разницу между способом жизни личности (с ее повседневными жизненными заботами) и способом функционирования общества (с его космическими контактами и т. п.).

Для описания образа жизни «на уровне» личности, группы и общества нужны принципиально различные средства (модели, понятия, показатели). То, что для «системы жизнедеятельности» (правильнее сказать — системы функционирования и развития) общества является собственным **элементом** (например, социальная инфраструктура, уровень обслуживания), то для человека выступает **условием** его жизнедеятельности (в данном случае — бытовой деятельности).

Например уровень рождаемости или обеспеченности детскими учреждениями, — это несомненная характеристика «образа жизни» общества. Собственная же жизнедеятельность, способ жизни индивидов характеризуется их вовлеченностью в семейно-бытовую сферу (что может измеряться соответствующими временными затратами, субъективными самооценками и т. д.). Конечно, доля лиц, поглощенных семейными заботами, в некоторой социальной совокупности оказывается показателем образа жизни уже «на уровне» группы или общества. Но это лишь элементарный, так сказать, формально-статистический способ перехода от одной системы описания к другой.

Во всяком случае, описание способа жизни социальной общности не сводимо к более или менее полному описанию повседневной деятельности составляющих эту общность людей.

Резюме: не смешивать жизнь человеческих индивидов с функционированием социальных систем.

3. Принцип приоритета системного представления (об образе жизни) перед «конгломератным».

Широко распространившаяся трактовка образа жизни как «совокупности форм жизнедеятельности людей» (нередко говорят — «система форм», но это не меняет сути дела!) фактически ориентирует на социально-описательный, а не объяснительный подход. Образ (= способ) жизни — это **структура жизнедеятельности** социального субъекта. Структуру же, в соответствии с известными системными представлениями, уместно понимать как **способ связи между элементами**, а отнюдь не как «морфологический состав» системы.

В системе элементы не рядоположены (как нередко предстает в описаниях образа жизни, например: труд, быт, досуг и т. д.), а взаимно координированы и субординированы.

² Иметсяя в виду «И долгие века длится день...». Другое название этого романа — «Буранный полустанок».

Целостность системы обеспечивается реальными механизмами взаимосвязи, и задача состоит в раскрытии этих механизмов (социально-психологических — для способа жизни личности, социальных и социально-экономических — для «жизнедеятельности» группы, общности, общества).

Системный анализ (а не «конгломератное» описание!) способа жизни в конкретно-историческом обществе предполагает ответы на вопросы типа:

— Выступает ли труд по преимуществу в функции средства для жизни или самоценной деятельности?

— Каково соотношение свободной и вынужденной деятельности в непосредственном бытии индивидов?

— Какова мера совпадения общественных идеалов и личностных смыслов жизнедеятельности?

— Какие из сфер жизнедеятельности индивидов являются на деле системообразующими?

— Что является реальной побудительной силой или понуждающей причиной тех или иных форм социальной активности людей? И т. д.

Сам характер этих вопросов (здесь не претендуем на систематизацию предмета!) демонстрирует социологический подход, радикально отличающийся от привычных описаний повседневного поведения людей в рамках определенной их общности (к которым зачастую сводятся исследования образа жизни).

Резюме: сосредоточить главные усилия на выявлении и раскрытии системообразующих отношений.

4. Принцип приоритета динамического (исторического, генетического) подхода (к исследованию образа жизни) **перед структурно-функциональным.**

До сих пор исследования образа жизни грешат статичностью, фактическим превалированием интереса к «способам функционирования», а не к «механизмам развития». Примечательно, что само представление об образе жизни личности, как трансформирующейся во времени, **развивающейся** структуре, пока не имеет устоявшегося терминологического обозначения. Докладчик надеется, что со временем понятие **жизненный процесс** (кстати, широко употреблявшееся К. Марксом и Ф. Энгельсом) получит статус категориальной пары «образа жизни» (на уровне индивида).

Во всяком случае, несомненно, что как «на уровне» общества (в ходе исторического развития), так и «на уровне» личности (на протяжении жизни) совершаются закономерные переходы от одного способа жизни к другому. Причем всякий данный образ жизни не может быть адекватно объяснен вне собственного генезиса, вне контекста целостного жизненного или исторического процесса.

Категориальной парой для **способа жизни общества** могло бы стать **социальное развитие**. Этот термин прочно утвердился в нашей науке (планы социального развития и т. п.), однако концептуально понятие социального развития пока не связывается с «образом жизни», т. е. вовсе не истолковывается в смысле процесса трансформации последнего.

Если образ жизни, как таковой, есть актуальное состояние системы жизнедеятельности социального субъекта, то **жизненный процесс** (для индивида) и **социальное развитие** (для социальной общности) суть обозначения движения от одного состояния этой системы к другому, или смены состояний.

Резюме: искать объяснение сложившемуся способу жизни социального субъекта, опираясь на выявленные закономерности его (этого способа жизни) становления и развития.

5. Принцип единства условий и деятельности (в исследованиях образа жизни).

Этот принцип можно считать утвердившимся в исследованиях образа жизни последних лет (работы М. Руткевича, И. Бестужева-Лады и др.). Однако не вполне прояснена **диалектика взаимопревращения социальных условий и деятельности**. Всякий социальный субъект так или иначе творит будущие условия своего бытия — своей нынешней деятельностью. А эта последняя обусловлена результатами прошлой деятельности.

Экстраполяционные прогнозы относительно образа жизни оказываются малоэффективными, в частности, потому, что неявно исходят из постулата саморазвития как условий, так и деятельности (то и другое рассматриваются сами по себе!). Но именно **созидая** новые жизненные условия (если говорить об индивиде), человек создает объективные предпосылки для **изменения** собственной деятельности, причем вовсе не обязательно в том направлении, в каком она развивалась, пока эти условия еще не были созданы. Для жизненного процесса (с его естественными возрастными и циклическими трансформациями) это как будто очевидно. Однако это справедливо и для диалектики общественных условий и деятельности групповых социальных субъектов.

В частности, поэтому докладчик склонен с осторожностью оценивать перспективы использования метода так называемых «опережающих групп» для социальных прогнозов. Может быть, больше шансов разглядеть образ будущего в тех **социальных процессах**, которые оказываются «опережающими» относительно современного хода общественной жизни.

Резюме: отказаться от вульгарного представления об однонаправленной зависимости жизнедеятельности людей от объективных условий ее развертывания.

6. Принцип единства сознания и деятельности (в исследованиях образа жизни).

Логикой теоретического анализа, да и опытом конкретных исследований советская социология, пожалуй, подведена к отказу от трактовки образа жизни лишь как «системы» эмпирически наблюдаемых форм повседневного поведения (сам докладчик в свое время энергично отстаивал именно такую ошибочную трактовку!). Такой путь дальше инвентаризационных и статистических описаний так называемых «стереотипов социального поведения», судя по всему, не ведет. Вероятно, полезно было пройти через этот искус вульгарного позитивизма.

Сегодня нам кажутся схоластичными споры, относить условия жизни и сознание людей к «образу жизни» или нет. «Формами жизнедеятельности» — ни условия деятельности, ни сознание субъекта, понятно, не являются. Но образ жизни — это нечто совсем другое. Докладчик полагает, что образ жизни следует рассматривать как **способ взаимосвязи условий, сознания и деятельности** субъекта. Отсюда ценностно-мотивационная сфера личности входит в предмет исследования образа жизни именно в ее взаимосвязи с условиями и деятельностью, а не автономно. То же можно сказать и о субъективном факторе общественного развития (для исследований «образа жизни» на уровне общества).

Вне представлений о единстве субъективной и объективной сторон человеческой жизнедеятельности — способ жизни (как личности, так и общества) не объяснить. Не предсказать и путей его развития, не разработать и способов направленного формирования образа жизни, в интересах личности и общества.

Резюме: исходить из представления о жизнедеятельности людей как некой целостности, о единстве сознания и деятельности субъекта...

Ремарка: новое время — новый социологический язык.

Понятие «образ жизни» было очень «популярно» в советской социологии вплоть до середины 80-х гг. При этом велись активные научные дискуссии по поводу его содержания и объема.

...Трактовка образа жизни не просто как совокупности форм жизнедеятельности или «системы» повседневных занятий, а как способа взаимосвязи условий, сознания и деятельности социального субъекта, равно как и попытка обоснования «динамического» подхода к исследованию образа жизни (жизненный процесс), как мне кажется и сегодня, была довольно эвристичной и перспективной, однако широкого распространения не получила.

Последнее обстоятельство можно отнести отчасти за счет того, что само понятие «образ (способ) жизни» постепенно утратило свое ключевое положение в дискурсе отечественной социологии. (Октябрь 2000).

...Изложенные методологические принципы так или иначе уже реализуются в некоторых из известных нам конкретных исследованиях. Но эта реализация не всегда вполне осознана, а потому зачастую и недостаточно последовательна. Не каждый исследователь предъявляет их себе как «методологические запреты» (что мы здесь попытались сделать в своих «резюме»).

III. Основные содержательные результаты

(Выводы = гипотезы; все они относятся к современному состоянию советского общества.)

1. Вывод об относительном преобладании интеграционных тенденций в образе жизни (как в «способе жизни» общества, так и в системах жизнедеятельности индивидов) над дифференцирующими тенденциями.

Это положение опирается на известные факты возрастания социальной однородности нашего общества. Наши собственные наблюдения вливаются в общий поток эмпирических данных о сближении образов жизни горожан и сельских жителей, работников умственного и физического труда, об ослаблении межклассовых различий, что связано с изменениями характера труда, общим ростом образовательного уровня, материального благосостояния и проч.

Специфическим, как будто не встречавшимся в литературе, является следующее утверждение. Интеграционные тенденции в способе взаимосвязи элементов жизнедеятельности, являются, по-видимому, более сильными, чем в отдельных элементах. Рабочие и инженеры, горожане и жители села, представители разных поколений различаются в существенных характеристиках жизнедеятельности, в ее системообразующих отношениях (таких, как уровень творческой активности, социальная ответственность, отношение к труду, степень «приватизации» образа жизни, общественная инициатива, жизненная позиция), меньше, чем в эмпирически легко регистрируемых характеристиках повседневного поведения.

Немаловажными здесь являются также установленные нами в ряде исследований факты преобладающей роли **общих**, равно действующих в различных социальных общностях и коллективах, факторов, по сравнению с факторами местными, **локальными**. Это относится и к воспроизводству негативных социальных явлений, среди которых нами специально исследовалось, например, развитие элементов формализма в общественной активности рабочих на производстве.

Отсюда известное положение о примате интеграционных тенденций и росте социальной однородности утрачивает однозначно позитивный смысл.

2. Вывод о широком распространении практики побочных и даже обратных эффектов социальной политики и ее противоречивой взаимосвязи со «стихийными» проявлениями и тенденциями развития образа жизни.

Наше исследование социальных проблем строительства БАМ, например, дает убедительные свидетельства таких обратных эффектов социальной политики в районах нового освоения, как дестабилизация, повышенная текучесть кадров. Тем самым сводятся к минимуму социальные предпосылки комплексного освоения этих районов. Это отмечалось и на XXVI съезде КПСС.

Несколько слов о том, какое отражение находит эта политика в сознании строителей. По нашим данным, около 2/3 участников «стройки века» удовлетворены своей нынешней жизненной ситуацией на БАМе. Однако не более чем у четверти эта удовлетворенность является всесторонней и связана с планами жизненной стабилизации в зоне БАМ. Для большинства же эта удовлетворенность является односторонней (частичной, ситуационной) и рассчитана на скорый отъезд. Наша типология строителей по их «жизнеощущению» включает также «всесторонне не удовлетворенных» (и подавно планирующих отъезд!), а также таких, кто (будучи не

удовлетворен) намерен «осесть» в районе строительства, просто не имея лучших жизненных перспектив. Ясно, что во всех трех последних случаях социальная политика имеет те или иные **обратные** эффекты.

Другой пример — отмеченное нами в исследовании образа жизни ленинградцев (первая половина 70-х гг.) противоречие между жилищной и демографической политикой в Ленинграде. Наихудшими жилищными условиями характеризовались семьи, имеющие в своем составе несовершеннолетних детей.

Вообще, побочные и обратные эффекты социальной политики в различных общественных сферах, на наш взгляд, заслуживают специального социологического изучения. Причем надо признать, что современная журналистика (в лучших своих образцах) в этом вопросе опережает социологическую науку, и не только в оперативности (что естественно), но и в глубине анализа.

3. Вывод о доминирующей роли «отложенных» эффектов пройденного исторического или жизненного пути в ряде ключевых моментов образа жизни поколений и структуры жизнедеятельности индивидов.

Нами получены разнообразные подтверждения выдвинутой ранее гипотезы об относительно высокой (а в некоторых отношениях и преобладающей!) роли прошлых обстоятельств жизненного пути (таких, как социальное происхождение, условия социализации, «стартовое» образование и др.) для формирования различных аспектов актуальной жизнедеятельности человека.

Особенно заметна связь между социально-биографическими переменными и характеристиками социокультурной активности людей.

Может показаться даже удивительным, что зависимость «культурного ценза» семьи опрошенного (измерявшегося, впрочем, довольно грубо — размерами домашней библиотеки) от «образовательного ценза» родителей (учитывался наивысший уровень образования среди родителей) больше, чем от собственного образовательного статуса (уровня образования) опрошенного (данные ленинградского обследования «100 вопросов о Вашей жизни», начало 70-х гг.).

Еще более существенно обусловленными социальным происхождением и условиями социализации предстают образовательный и социально-профессиональный статусы обследованных. Широкий круг данных подобного рода получен также в исследованиях зрительской аудитории ленинградских театров (70-е гг.).

Разнообразные «отложенные» эффекты исторического пути, пройденного целыми поколениями (участие в войне, общественная ситуация середины 50-х гг. и проч.), на наш взгляд, могут оказаться ключом к объяснению многих современных явлений в сферах труда, быта, досуга, а также особенностей жизненной позиции представителей этих поколений.

4. Вывод-гипотеза о складывающейся диспропорции между семейно-бытовой, индивидуально-потребительской, и социально-творческой, общественно-гражданственной компонентами в структуре жизнедеятельности личности.

Этот вывод базируется на разнообразных социологических данных, в том числе полученных нашим научным коллективом [*сектор социальных проблем личности и образа жизни ИСЭП АН СССР. — А. А.*] — насчет распространения и укрепления «инструментального» отношения к труду (труд как средство для жизни), в отличие от отношения к труду как к «самоценной» деятельности.

Многokrратно отмечавшийся рост индивидуально-потребительских тенденций, усугубляющаяся вовлеченность людей в семейно-бытовую сферу, «рецидивы мещанской психологии» (упоминаемые в партийных документах) — все это позволяет говорить о том, что на передний план сегодня выдвигается потребительская компонента образа жизни, в отличие от компоненты социально-творческой, а также — общественно-гражданственной.

Дополнительное подтверждение этому получено недавно нами в совместном с С. Минаковой исследовании структуры и динамики жизнеощущения личности после завершения вуза без отрыва от производства.

Мы задавали, в частности, вопросы о том, насколько человек удовлетворен своими нынешними жизненными обстоятельствами, «счастлив ли он», а также о том, насколько ему удастся удовлетворять свои потребности (материальные и культурные) и насколько удастся развивать и реализовывать свои способности. Анализ связей между ответами на эти вопросы показывает, что развитие и реализация способностей (вкуче с удовлетворением культурных потребностей) относительно автономны от удовлетворения материальных потребностей.

Примечательно, что «дух» не выдерживает конкуренции с «бытом» — в формировании «ощущения счастья». Счастливым (в картине данных упомянутого исследования) предстает скорее тот, кто удовлетворяет свои материальные потребности, чем тот, кто реализует свои способности или развивает их. Кстати, «наиболее счастливыми» оказываются люди с доминирующей вовлеченностью в общественно-трудовую сферу (в нашей выборке это, как правило, хозяйственные руководители среднего и высшего звена). Но, как показывает анализ, жизненный мотив удовлетворения материальных потребностей у людей даже и с такой направленностью личности — превалирует над мотивом реализации способностей.

5. Вывод-гипотеза о социально-экономической и общественно-политической базе перераспределения «приоритетов» в структуре жизнедеятельности личности.

Относительное снижение заинтересованности в самом процессе и результатах труда (усматриваемое и «на глаз», без помощи науки) обусловлено в первую очередь, скорее всего, социально-экономическими факторами. Современные меры по совершенствованию хозяйственного механизма пока оставляют неизменной ныне действующую тарифную систему, которая пришла в явное противоречие с социалистическим принципом распределения по труду. Работники практически лишены возможности

регулировать свой заработок собственными трудовыми усилиями; оплачивается не столько их трудовой вклад, сколько — **рабочая сила**. Такой порядок противоречит ценностным ориентациям работников.

Из материалов нашего исследования на БАМе видно, что подавляющее большинство строителей ищут там вовсе не «длинного», а **заработанного** рубля. Степень удовлетворенности своей «работой в целом» почти не зависит от размеров заработка. Зато она существенно связана с удовлетворенностью организацией труда, а также с удовлетворенностью производительностью своего собственного труда. Решающим обстоятельством, таким образом, оказывается усмотрение людьми возможности эффективного (и с точки зрения трудовой отдачи, и с точки зрения заработка!) трудового вклада.

Важнейшим фактором трудовой активности людей несомненно является степень производственной и гражданской самостоятельности личности и/или коллектива. Сегодня недостаток такой самостоятельности выступает мощным тормозом. Этот вывод подтверждается, в частности, нашим анализом проблем развития и эффективности социалистического соревнования (обследование промышленных рабочих Ленинграда; середина 70-х гг.). Дополнительные подтверждения его получены в нашем исследовании производственной жизни изнутри, «глазами рабочего».

Вся эта совокупность социально-экономических и общественно-политических факторов во многом определяет «перетекание» личностной и общественной энергии за пределы общественно-трудовой сферы.

По данным ряда исследований, включая исследования, проведенные нашим научным коллективом, влияние так называемого «функционального» содержания труда на отношение к труду ныне не столь уж велико. Не случайно роль **условий труда** ныне начинает превалировать над ролью **содержания труда** (в этом смысле). Но условия — вовсе не только физические, санитарно-гигиенические и т. п.! Решающим здесь оказывается влияние **социально-экономических условий** труда.

Сохраняется (и даже, пожалуй, возрастает!) обусловленность отношения к труду его **социальным содержанием** (включая возможность осмысленного труда, участия в управлении производством и т. д.). Здесь — узкое место и, как нам кажется, узловой пункт, фактор ныне распространяющегося индифферентного отношения людей к своему труду.

6. Вывод о мере взаимного рассогласования подсистем декларируемых социальных норм-требований и социальных норм-стереотипов поведения, а также об отражении этого рассогласования в ценностно-мотивационной структуре личности.

Как и все предыдущие, это — вывод-гипотеза. Он обосновывается в нашем отчете «Социальные нормы производственной организации и жизненная позиция личности».

7. Вывод о прогрессирующем развитии феномена «ситуационно-ролевой» морали в сферах трудовой, общественной, бытовой и т. д. активности.

На термине не настаиваем. Но речь идет о развитии особого социального-нормативного комплекса, в котором рассогласование норм-требований и норм-стереотипов поведения является минимальным.

Массово одобряемым и общественно-санкционируемым все более становится поведение, которое иногда называют конформным, но точнее его характеризовать как «ситуационно-ролевое». Это поведение, направленное на сохранение системы взаимосвязей субъекта с окружающей средой или на такое изменение этой системы, которое способствует увеличению ее стабильности. Отсюда — феномен «ситуационно-ролевой» морали, в пределе приближающейся к абсолютной адаптивности. Один и тот же человек ведет себя прямо противоположным образом в зависимости от ситуации, в которой он оказался, или той из своих социальных ролей, которая в этой ситуации актуализируется. Внутренние максимы поведения как бы «стираются», отступают перед внешними императивами и теряют всякую регулятивную роль.

При этом человек не осознает этой своей ситуативно-ролевой зависимости. Он равно убежден в своей «правоте»: и в роли дружинника, задерживающего того, кто выпивает в садике, и в роли пьющего водку у пивного ларька; и в ситуации хронометража рабочего времени, когда надо скрыть свои производственные резервы, чтобы не пересмотрели нормы, и в ситуации инициативного (со стороны рабочих) пересмотра норм, упреждающего их (эти нормы) неизбежный административный пересмотр.

Это мораль не «двойная», а именно **ситуационная**, в ней нет сознательного «лицемерия». При этом достигается относительная свобода поведения (не осознаваемого в качестве вынужденного).

Само по себе инициативное (не «ситуационное»!) поведение оказывается эффективным тогда, когда оно предстает — в общем мнении — как «инициатива вынужденная». Принцип **вынужденной инициативы** может выступать также и своеобразным адаптационным средством, если человек ставит перед собой цели «овладения ситуацией», творчески-преобразовательной или нормотворческой деятельности.³

(Конечно, это уже не «чистая» социология! Но социология, по нашему убеждению, должна не только способствовать формированию личности согласно общественным требованиям, но и «учить» личность эффективно действовать в социальной среде.)

8. Вывод о складывающейся диспропорции между материальной и духовной компонентами в структуре жизнедеятельности личности и о наблюдаемом феномене «материализации» духовных потребностей.

Различие материальной и духовной компонент человеческой жизнедеятельности вовсе не сводимо к привычным показателям «материального» и «духовного» потребления или «материального» и «духовного» производства. Материальное потребление может быть наполнено духовным содержанием, равно как и так называемое культурное потребление мо-

³ См. ранее, в главе 2: раздел «Формула разгильдяйства» и вынужденная инициатива».

жет быть начисто обездуховлено. Сам по себе умственный труд не более «духовен», чем физический. Человек может вполне одухотворенно заниматься собственным физическим развитием. Личное общение может быть материальным («выгодные знакомства», «Ты — мне, я — тебе!») и духовным (бескорыстным, личностным).

Сейчас мы встаем перед тревожным фактом **обездуховления** самых разнообразных видов деятельности (в этом смысле — диспропорция «материального» и «духовного»), а социология наша к исследованию этого процесса практически еще и не приступала. Но кое-какие научные предпосылки для анализа указанного процесса имеются:

— разнообразные факты (в том числе полученные нами с С. Минаковой), свидетельствующие о том, что улучшение материальных условий само по себе еще не способствует духовному обогащению и развитию личности;

— свидетельства относительной независимости степени вовлеченности в различные виды деятельности от ценностной ориентации на соответствующую сферу жизнедеятельности (например, «общественная работа», по нашим наблюдениям). Это значит, что участие в данной, конкретной деятельности может двигаться мотивами, вовсе не адекватными ее истинному назначению и смыслу (как вынужденная, так и демонстративная, показная деятельность принципиально обездуховлены!);

— факты относительно низкой избирательности в разнообразных формах культурной активности («всеядность» культурного потребления). И т. д.

Феномен «материализации» духовных потребностей, нам кажется, заслуживает особого внимания как механизм способа жизни, резко усиливающий так называемые потребительские тенденции.

9. Вывод о социально-психологических резервах становления индивидуальных и коллективных субъектов конструктивного общественного действия и исторического творчества.

Такие резервы имеются. Только надо уметь находить их, в том числе, и в данных социологических исследований. Можно найти подобные резервы и в известных примерах разнообразных социально-экономических инициатив (в тех случаях, когда они являются действительно инициативами, а не результатом формального внедрения некоторого новшества, часто — с обратным результатом). Пример: сквозная демократизация управления производством («калужский вариант»). Свообразным индикатором действительной значимости общественной инициативы зачастую оказывается сила оказываемого ей явного или неявного бюрократического противодействия (Щекинский метод; эксперименты Худенко).

Пусть это покажется парадоксальным, но резервы прогрессивной активности могут быть усмотрены как раз в установленных рядом исследований (и прежде всего — в исследованиях, проводимых нашим научным коллективом) фактах **рассогласования диспозиционной структуры личности**.⁴

⁴ См.: Саморегуляция и прогнозирование социального поведения личности. Л.: Наука, 1979, и др. работы под ред. В. А. Ядова.

Наиболее общественно опасной в этой связи представляется **циничная** жизненная позиция. Ведь само по себе «рассогласование» диспозиционной структуры в ней как раз отсутствует; она — в своем роде — гармонична!

С учетом сказанного, особого внимания заслуживают так называемые несанкционированные формы социальной активности, наполненные духовным содержанием (к каким бы сферам эти формы активности ни относились: труд, быт, досуг, общественная работа, учеба) и инициативная **нормотворческая** деятельность (безотносительно к тому, осознает ли сам субъект свое поведение в качестве таковой).⁵

IV. Основные теоретико-методологические результаты

(«Теоретико-методологические» результаты здесь не раскрываются, а только называются. Существенна, однако, их «инвентаризация».)

1. Вывод о междисциплинарном характере предмета исследования образа жизни, что предполагает координацию и интеграцию, как минимум, трех способов анализа: социологического, социально-психологического и социально-экономического.

Интеграция подходов может и должна осуществляться на базе определенной **научно-жизненной**, гражданской позиции. Нет общности такой позиции — не будет ни координации, ни интеграции.

2. Вывод о безусловной приоритетности проблемного подхода перед социально-описательным в исследованиях образа жизни на уровне социально-территориальной общности.

См. наш отчет «Социальные проблемы труда и образа жизни населения крупного города», 1979.

3. Вывод о необходимости преодоления «математического фетишизма» и изживания элементов «редукционизма» при соотношении теории и эмпирии в исследованиях образа жизни, а также о необходимости интенсификации качественных методов социального исследования.

Позиция докладчика на этот счет известна.

Между прочим, любой из обсуждаемых здесь выводов (они же — гипотезы!) исключает полную («естественно-научную») верификацию. Исходные посылки и конечные заключения, по существу, лежат **вне** процесса конкретно-социологического исследования как такового.

4. Вывод о необходимости включения социально-биографической компоненты (истории жизни) в концептуальные схемы исследования способа жизни личности, а также о возможности и перспективности выдвижения собственно «человеческой жизни» (жизненного процесса) в качестве объекта социологического и социально-психологического анализа.

См. наши публикации на эту тему. Разработанная совместно с С. Минаковой методика социально-психологического, направленного на выявление «логики» жизненного пути, интервью «Размышление о жизни».

⁵ См. ранее, в главе 3: раздел «Как переплыть реку».

5. **Вывод об эвристической ценности таких понятий, как «жизненная ситуация», «жизненная активность», «ведущий жизненный мотив», «жизненная позиция», о необходимости их дальнейшей разработки и включения в концептуальный аппарат исследования жизненного процесса и образа жизни.**

Эмпирическая интерпретация этих понятий может быть разнообразной (пример: «жизнеощущение» в наших исследованиях на БАМе и «жизнеощущение» в исследовании образа жизни бывших студентов-вечерников имеет разные эмпирические референты). Во всяком случае, это — понятия, вполне укладывающиеся в концептуальные схемы и допускающие операционализацию.

6. **Вывод-гипотеза (концепция) о перманентном развитии личности как смене жизненных периодов, не сводимых к обычно трактуемым в науках о человеке «стадиям (фазам) жизненного цикла».**

См. наши публикации, индивидуальные и в соавторстве с С. Минаковой.

7. **Вывод-гипотеза о «трех фазах» развития личности в рамках всякого данного жизненного периода и о социально-психологическом механизме смены жизненных периодов, как подготовленной этим развитием «микро-революции» личности.**

Концепция «трех фаз» развития личности («овладение»; «плата»; «приспособление либо взрыв») принадлежит С. Минаковой. Далее разрабатывалась нами совместно, в рамках более широкой социологической концепции **жизненного процесса.**

8. **Вывод (гипотеза) о системообразующей роли «жизненной позиции» в способе жизни личности, а также о необходимости преодоления элементов вулгарного социологизма в объяснительных анализах и прогностических моделях образа жизни.**

9. **Наконец, вывод об исторически и ситуационно подвижном соотношении социально-адаптационных и социально-преобразовательных потенций личности и о перспективности «ситуационно-максималистской» жизненной позиции, сознательного индивидуального и группового «адаптационного нормотворчества».** <...>

А. Алексеев, 27.06.81

Ремарка: соотношение «приспособления» и «преобразования».

Формулировка «соотношение социально-адаптационных и социально-преобразовательных потенций личности» здесь не точна. Автор имеет в виду соотношение социально-приспособительных и социально-преобразовательных потенций, или «социально-адаптивных» и «социально-адаптационных».

Адаптивный — «приспосабливающийся к среде»; адаптационный — «приспосабливающий среду к себе»... (Сентябрь 2000).

6.2. Жизненный путь как смена способов жизни

Р. Ленчовский — А. Алексееву (ноябрь 1981)

Здравствуй, Андрей!

<...> Мне совестно, что для первого обращения к тебе у меня чисто деловой повод. (К письмам я отношусь особо: как к акту сокровенного — один на один — общения.) <...> Но повод для меня приятный и даже обязывающий.

С этой запиской передаю две странички реферата твоего доклада в Киеве, который предполагается опубликовать в бюллетене социологической ассоциации.

Текст обзора материалов «Круглого стола» я увидел случайно и не узнал бы наши выступления (плюс Валерия Хмелько и мое), если бы не фамилии. И если бы не наши имена, не стал бы ничего делать.

А пускать, как есть, мне показалось неудобным. Ты можешь судить сам, если продерешься сквозь грим, который я наложил на вариант, не устроивший бы, как я уверен, и автора. Это мое «алиби», потому что, конечно, наглость с моей стороны — выражать твои мысли (еще вопрос, как я их понял) своими, как говорят в школе, словами.

Хорошо, если бы ты успел заменить мой пересказ собственноручным текстом. Особенно трудно было воспроизвести ту часть, которая посвящена эмпирическому исследованию, поскольку я не располагал стенограммой, а мои собственные записки по твоему докладу слишком кратки...

Единственное, чем я лыщу себе, так это тем, что я проникся **духом** твоего выступления и духу этому не изменил даже там, где ты не договорил (об эксперименте над собой).

<...> С симпатией и приветом от Валерия Хмелько и Володи Паниотто.
Роман, 16.11.81

* * *

[Ниже — реферат доклада на тему «Структура жизнедеятельности, жизненный процесс, динамика жизнеощущения личности», произнесенного социологом-работником на «Круглом столе» «Жизненный путь личности» (Киев, сентябрь 1981).

Этот реферат был составлен киевским философом и социологом Романом Ивановичем Ленчовским. Со встречи на упомянутом «Круглом столе» началась наша дружба: многолетнее со-участие, со-беседничество и со-авторство.⁶

Участие Романа в событиях «драматической социологии» можно назвать «весьма конструктивным». (Я вначале написал — «судьбоносным», имея в виду свою личную судьбу, но Роман попросил заменить это слово, и я оставляю его только в скобках). — А. А.]

Структура жизнедеятельности, жизненный процесс, динамика жизнеощущения личности

С социологической точки зрения, недостаточность структурно-функционального подхода к образу жизни обнаружилась в полной мере. Особенно ограничен эвристический и прогностический потенциал этого под-

⁶ В ту пору Р. Ленчовский учился в аспирантуре Института философии АН УССР. Потом — работал в Институте истории партии при ЦК КП Украины (80-е гг.). В 90-х — в Киевском международном институте социологии (КМИС). Ныне — в Киевском институте иудаики (руководитель проекта, посвященного исследованию жизненных путей).

хода при обращении к проблематике жизненного пути. Те или иные абстрактно зафиксированные данности поведения и «факты сознания» очень мало говорят о личности в целом как субъекте собственного образа жизни и его трансформаций, о динамике, развитии личности. А ведь это главное.

Жизненный путь личности в своих социально наиболее существенных и индивидуально дифференцированных характеристиках не укладывается в возрастные схемы. Чтобы раскрыть «механизм» индивидуального развития, целесообразно проанализировать жизненный путь в его **периодичности**: образование и смену «вех», переходные рубежи.

В самой общей форме можно было бы выделить три фазы в пределах всякого периода жизнедеятельности (или этапа жизненного пути):

1) **подъем**, связанный с новизной в способе и содержании деятельности, круге общения и т. д. ;

2) **плато**;

3) **остановка** в развитии (привыкание, подчинение своих способностей требованиям данной формы жизнедеятельности) либо **взрыв** — переход к иным формам деятельности, который очерчивает и границу двух периодов.

Эта модель разрабатывается нами совместно с С. Ф. Минаковой.⁷

В эмпирическом исследовании мы стараемся выявить ведущую направленность личности в определенных периоды жизни. Особый интерес представляет выявление противоречивых тенденций, моментов, которые не укладываются в стереотипные представления.

Естественной для нормального развития личности оказывается необходимость своевременной смены форм деятельности в тех случаях, когда поставленная жизненная цель в рамках ведущей направленности личности реализована, воплощен некоторый круг потенциалов и в самоощущении личности начинает господствовать чувство **насыщения**. Это чувство амбивалентно: вместе с избыточностью ощущается, как правило, пустота. Такая реакция вполне закономерна, если иметь в виду потребность личности в развитии, но она чревата психической травмой, кризисом.

Жизненный путь предстает, таким образом, как **смена** образов (способов) жизни, сфер и форм жизнедеятельности, как **динамика** жизненных целей, установок, направленности, в конечном счете, как **развитие** личности (или как отсутствие, «дефицит» развития!).

Особое значение в рассматриваемом контексте приобретает то, что можно было бы назвать личным **жизненным экспериментом**. В нем реализуется сознательно-критическое отношение индивида к собственному жизненному пути. Только на поверхностный взгляд «жизнь складывается по обстоятельствам». В одних и тех же обстоятельствах люди ведут себя по-разному и различны их индивидуальные пути.

⁷ О Светлане Федоровне Минаковой см. выше: «Загадка «сжимающейся вселенной» и др. разделы. «Трехфазная» модель развития личности в общем виде была предложена С. Минаковой еще до начала нашего с нею сотрудничества. Подробнее об этой модели см. ниже: раздел «Что такое счастье».

Как же «жизнь складывается» — это еще предстоит исследовать. Причем задача эта не только научная, но и **жизненно-практическая**, и решаться она может как в стереотипных формах, так и в формах личностного творчества.

Точка зрения стороннего наблюдателя жизни (в том числе и своей собственной) исключает возможность приобщения к сердцевине жизни, ее творческому началу. Не отсюда ли — потребность в «делании жизни»? А для таких общих философско-мировоззренческих понятий, как «жизненная позиция», «жизненное кредо», «жизненный план», следует искать эмпирические референты, которые имели бы также индивидуально-личностный смысл.

Сентябрь 1981⁸

* * *

А. Алексеев — Р. Ленчовскому (ноябрь 1981)

Телеграмма

Ты написал лучше, чем я смог бы сам. Начало абзаца после «трех фаз» прошу дополнить словами: «Эта модель разрабатывается нами совместно с С. Ф. Минаковой». Следующую фразу сформулировать так: «В эмпирическом исследовании мы стараемся выявить ведущую направленность личности в определенные периоды жизни». Счастливый твоей дружбой = Андрей Алексеев, 27.11.81.

* * *

А. Алексеев — С. Минаковой (декабрь 1981)

<...> Посылаю Тебе реферат моего сентябрьского доклада на «Круглом столе» о «жизненном пути личности» в Киеве.

История возникновения этого текста сопоставима разве что с парапсихологическими явлениями.

Дело в том, что Роман Ленчовский писал реферат этого доклада — **без стенограммы** <...>, по памяти и по собственным записям на заседании, не предполагавшим последующего использования. Такого не сумели бы ни Ты, ни я...

Вот такие уроки синтеза Творчества, Восприятия и Общения преподносит жизнь, в лице ранее не ведомых нам гениев. <...>

Тв. Андр. Ал., 12.12.81

6.3. Мой «заслуженный собеседник» (Диалог с Романом)

6.3.1. Заметки о классике и неклассике, о познании и преобразовании мира

[Ниже — фрагмент одной из ранних (70-е гг.) работ Романа Ленчовского. — А. А.]

⁸ Более подробное изложение этого доклада опубликовано в журнале «Філософська думка» (1982, № 2), на украинском языке.

Из статьи Р. Ленчовского (1977)

<...> Процесс включения определенной теоретической системы в систему социально и культурно обусловленных трансформаций научного знания далеко не прост. Дело не только в том, что та или иная теория не может подняться до уровня задач практики или существенно опережать ее возможности (достаточно вспомнить релятивистскую космологию или социальные утопии). Остаются еще и другие, а именно духовно-практические формы трансформации знания, которые призваны вносить смысл и целевую динамику в историческое бытие.

В **духовно-практических** формах реализуются такие общекультурные функции знания, как образовательная, философско-мировоззренческая и, как можно предположить, нравственная и эстетическая. Все эти трансформации как формы материально-практической и духовно-практической деятельности общеизвестны и в обосновании в данном случае не нуждаются. Суть проблемы состоит в том, чтобы выявить саму **возможность** трансформации теоретической системы во внетеоретическую форму.

Эта возможность заложена в диалектическом отношении знания к действительности: **явной неклассичности**, открытости, внутренней ориентированности на проблемную трансформацию неклассических форм знания, и **потенциальной неклассичности** классических форм, которые, хотя и строятся с претензией на «систематическую целостность, завершенность, монистичность», таковой в принципе не достигают. Иллюзорность той или иной претензии на абсолютность обнаруживается очень скоро, и сам переход от классической теории к новой теории, даже если последняя также претендует на классичность, есть явное обнаружение **неклассичности процесса познания**, его включенности в широкий социально-культурный контекст.

Культурно-историческая типология знания раскрывает, таким образом, дополнительные возможности для мировоззренческой интерпретации науки. Есть все основания предполагать, что в полярности классики и неклассики как моментов структуры знания находит своеобразное выражение фундаментальная структура отношения человека к миру — **теоретическая и практическая** формы этого отношения.

Наука не просто представляет теоретическое отношение к предмету, который в рамках этого отношения не изменяется, а лишь идеально воспроизводится. Только классика как логически, социально и культурно определенный тип знания ориентируется на создание «идеального» мира, который был бы **независим** от превратностей эмпирической действительности, от условий познания, однако вполне их объяснял. Но в целом научное познание отражает мир — как локальный предмет, так и объективные возможности его изменения («самоотрицания») — в системе предметных связей, в какой-то части уже освоенных человеком. В неклассических формах знания непосредственно угадывается текучесть предмета, его «несебестождественность», которая объективно существует и воспроизводится в практической деятельности.

<...> **Преобразование невозможно без познания.** Всякое изменение мира как проявление человеческой свободы базируется на знании. Оно потому есть сила. Эта идея была выстрадана не только в тиши кабинетов, но и в длительной борьбе с «неразумностью» условий жизни, со всякого рода обскурантизмом, апологией стихийности. Мы испытываем чувство глубокой признательности за этот действительный вклад рационалистически ориентированной классики в человеческую культуру, который стал одним из ее краеугольных камней. Только останавливаясь на этом достижении — значит оставаться в прошлом.

Преобразование невозможно без познания, как и [скорее: «но и...» — А. А.] познание невозможно без преобразования. Утверждение этого марксистского принципа является главным шагом в развитии духовной культуры человечества.

Мы не можем познать мир, оставляя его нетронутым, не воздействуя на него, не экспериментируя, не воплощая знание в практике и не проверяя его практикой. [Здесь и далее выделено мною. — А. А.]. То, что было осмыслено первоначально в отношении социальной действительности и социально обусловленных закономерностей ее познания, после революции в естествознании стало принципом всей науки.

Преобразование мира не есть процесс, начинающийся лишь после того, как **завершится** познание. Ведь это — чисто классическая иллюзия! — А. А. / возможность достижения полного знания, пусть на ограниченном участке, и последующего действия согласно этому знанию (данная предполагаемая ситуация осуществима, пожалуй, только в очень узких рамках построенной на ньютоновской механике технологии). Марксистская общественная наука и передовое естествознание отражают **единство познания и практики**, воплощают это единство непосредственно в специфических способах познавательной деятельности, нацеленных на практическое преобразование.

(Р. И. Ленчовский. Классичность и неклассичность науки как мировоззренческая проблема / Диалектический и исторический материализм — философская основа коммунистического мировоззрения. Киев: Наукова думка, 1977)

Ремарка: диалог с Романом.

*Стоит заметить, что проблема соотношения **познания и действия** (преобразования) в мировоззренческом плане исследовалась моим другом раньше, чем она актуализировалась для социолога-рабочего в его эксперименте.*

Вообще, начиная с первых лет нашей дружбы с Романом Ленчовским, мы многому учились друг у друга.

*Так, например, именно Р. Л. открыл для меня в начале 80-х широкий и богатый круг идей, связанных с проблемой **собеседничества** (идея «доминанты на Лице другого» А. А. Ухтомского, идея **приоритета диалога перед монологом** и проч.). Для Романа же тогда оказались созвучны и значимы мои профессионально-жизненные поиски: эксперимент социолога-рабочего, метод наблюдающего участия и т. п.*

К сожалению, здесь нет возможности представить в полном объеме нашу переписку (тех и последующих лет) на мироотношенческие темы.

Ниже — лишь начало этой переписки. (Февраль 2001).

6.3.2. Эпистолярные дары

Р. Ленчовский — А. Алексееву (февраль 1982)

Добрый день, Андрей!

<...> Твои отчеты, вместе с запротоколированным социальным раздражением и «кругами», которые эти отчеты вызвали, — вполне в традициях русского романа. Мы ведь привыкли о правде **читать** (удивляясь при этом, «как это напечатали», и не удивляясь тому, что «не напечатали»). А если с «правдой» сталкиваешься боком своим, то она представляется чем-то нафантазированным...

Наша (лучшая, конечно!) литература «жизненное» самой жизни именно по тому, сколь **густа** в ней правда, в быту весьма разжиженная. Твое слово — именно в этих традициях, оно вовсе и не рассчитано на, так сказать, литературный эффект.⁹ Являясь частью дела, оно (слово) не погружается, однако, в практический круговорот, не подвержено **изнашиванию**. Слово это — слишком **пережито**, впитано **всей душой**, а потому несет в себе **смысл**, и смысл — **целого**...

У Мих. Мих. Бахтина, о котором писать тебе — это праздник для меня (даже если ты и знаком с ним — тем больше будет радость «узнавания»), есть слова, которые я в качестве «критерия» прикладываю к любому научному действию: «...ложная наука, основанная на **непережитом общении**, т. е. без первичной данности подлинного объекта...» (в его сб. «Эстетика словесного творчества». М., 1979, с. 350; это — из записок 1970–71 гг.).

«...Для слова (а следовательно, для человека) нет ничего страшнее **безответности**. Даже абсолютно ложное слово не бывает абсолютно ложным и всегда предполагает инстанцию, которая поймет и оправдает, хотя бы в форме: «всякий на моем месте солгал бы». Слово, которое ищет только временного признания... у ближайших адресатов...». (Это — о слове исключительно ситуативном, вне того «большого времени» культуры, в котором «нет ничего абсолютно мертвого: у каждого смысла будет свой праздник возрождения»).

«...Смысл всегда отвечает на какие-то вопросы. То, что ни на что не отвечает, представляется нам бессмысленным — изъятим из диалога». «Стенограмма гуманитарного мышления — это всегда стенограмма диалога... текста и контекста, ответа и вопроса...».

«...В гуманитарных науках точность — преодоление чуждости чужого, без превращения его в чисто свое, т. е. без растворения в себе, без снятия «чужой» субъективности. Если объект — это личность, личностное, то это «не объект, а другой субъект», и понимание здесь — это вовсе не «перевод» и даже, вопреки общему мнению, не результат того, что один субъект ставит себя на место другого».

...Встреча как «внешний момент понимания», как «внутренняя социальность», ибо «предел здесь не Я, а я во взаимоотношении с другими личностями, т. е. **Я и другой, я и ты**...».

«...Нет ни первого, ни последнего слова и нет границ диалогическому контексту. Даже **прошлые**, т. е. рожденные в диалоге прошедших веков смыслы никогда не могут быть стабильными...». «Ложная тенденция к сведению всего к **одному** сознанию, к сознанию одного».

И, еще раз: «...Ложная наука, основанная на **непережитом общении**...».

⁹ Имеются в виду «Письма Любимым женщинам». См. главы 2 и 3.

<...> Мих. Мих. Бахтин — это не просто концепция разрушения авторского монолога в романах Достоевского, одна из возможных историко-литературных интерпретаций, как то представляется ныне присяжным литературоведением. Вообще, это не профессорская наука, по какому-то ведомству. Ее имя — это имя (одно из многих!) **социальной идеи**, разработанной очень тщательно и глубоко, идеи равноправности, «полифонизма» человеческих «голосов» в мире культуры — голосов, звучащих в бесконечном диалоге, не разъединяющем субъектов, а, напротив, только и создающем субъективность как то, чем отличается **лицо** от **вещи**, Лица людей, обращенные друг к другу, в отличие от вещей в их механической взаимозависимости и в их взаимоуничтожении. <...>

Андрей! Я пишу об этом не потому, что хочу «обсудить» некую литературную «новость», «факт»...

В этой же бандероли — книжка Анчарова [М. Анчаров. *Самшитовый лес*. — А. А./], которая опять-таки — не «интересная новинка», а нечто другое. (Я второпях, после прочтения, написал с десяток страниц — «письмо Анчарову», которое не отправил, поскольку это, скорее, сублимация моего общения с тобой; почитай, поговорим).

Вместе с выписками из Бахтина у меня — специально для нашего общения — и выписки из Ухтомского (из его писем, опубликованных в 10-м выпуске «Путей в неизвестное»)¹⁰ О доминанте на лицо «вне и независимо от меня», вообще — о категории **лица**, которая изъята из привычного ряда «научных» категорий...

И по этому же поводу, т. е. о человеческом **общении** писал Маркс. Посмотри обязательно «заметки о книге Милля» в 42-м томе; там есть страницы, например, 35–37, читая которые трудно отделаться от впечатления, что именно они «фундировали» концепцию «полифонизма» (Бахтин) и «заслуженного собеседника» (Ухтомский). Не правда ли?

Так вот: и Бахтин, и Ухтомский, и Анчаров (в большой степени), и Маркс (с которого этот список можно было бы «по заслугам» начать) — это некоторые, так сказать, **пунктиры того круга идей, которые я хотел бы обсудить с тобой** (и никак не могу приступить к этому обсуждению, хотя исписал кучу бумаги; потом постараюсь из этой кучи что-то выловить). Так мне легче, это уже не «моменты идеи», а **живые люди, пути которых важны так же, как и идеи**. <...>

[Здесь опущена значительная часть письма, посвященная проблеме отношений человека и мира. — А. А.]

<...> **Лицо** придает делу новый оборот — это и есть **инициатива**, «личное участие». Как сделать, чтобы «индивидуальное» было значимым и для «общего»? Ведь именно апеллируя к «общему» — **блокируют** всякое новшество, как «индивидуально-незначительную» новацию!

Речь идет о такой социально-организационной структуре, которая оставляла бы за каждым индивидом некоторое поле для «свободных колебаний», т. е. для «сверхслужебной» инициативы.

¹⁰ Ухтомский А. А. Письма / Пути в неизвестное. Писатели рассказывают о науке. Сборник 10. М.: Советский писатель, 1973.

Штатно-позиционно-должностной жесткости должна прийти на смену **гибкая** функциональная структура: за «местом» закрепляется не полный (закрытый) набор функций, а некоторый «принцип функционирования» (цель? и не единственно возможная?). А каков объем «необходимых» функций? Ладно. Не все сразу. <...>

...Я теперь вижу, что вопросы, которые хотел задать тебе, обсудить с тобой, я так и не сформулировал. Ведь меня потому **изнутри** потянуло к твоему «эксперименту», что я увидел в нем попытку **органичной** жизни, без той фальши и — главное — **обесмысливания**, которое несет в себе всякое позиционно-профессиональное замыкание, изъятие (и «само-», и «не само-») из **живой** общности, из круга человеческого общения.

<...> Но я помню себя, восемнадцатилетнего первокурсника, на заводе...

Ремарка: слесарь — студент философского факультета.

Р. Ленчовский, одновременно с учебой на вечернем отделении философского факультета Киевского университета, в 1965–1966 гг. работал на одном из киевских машиностроительных заводов, слесарем, — такое вот «совпадение случайностей» на некоторых участках наших жизненных путей. (Декабрь 2000).

...Образы эти — живые и нужные мне, однако в ту **реальность** я не сумел войти, я все время был чужим и чувствовал искусственность своего положения. Меня «окружали» (буквально так!) люди разные, в основном даже «хорошие» (на уровне поверхностного общения), но я остро чувствовал, что моя тогдашняя жизнь на заводе — это выдумка, «нездешность». Я был «наблюдателем» — не столько для себя, ибо задачи такой не имел, а старался просто жить-перебыть (жил-то я в это время трактатами Платона и Аристотеля; наблюдателем же был — «для них»). Но **участвующего** наблюдения не получилось.

Поэтому мне интересно — как это получилось у тебя. Может быть, то, что ты пришел *[на завод. — А. А.]* не мальчиком? Может, какая-то **внутренняя сопряженность**? Или способность быть настолько **независимым от окружения** (это мне удавалось, и то, «если...», очень редко), что Ты навязываешь этому окружению **свое видение** вашей ситуации, что ли?

Социальный смысл твоего эксперимента — очевиден. Но **эмоционально-психологические** возможности «эксперимента» для меня загадка. Я не из праздности любопытствую, я решаю **свою** «путежизненную» задачу...

<...> Я ведь хочу снова — **Тебя** услышать, хоть два слова для начала...

<...> Валерий Хмелько и наши общие друзья Володя Паниотто и Леня Финкель, которого ты еще не знаешь (но что и он будет твоим другом <...> не сомневаюсь) — не просто «передают привет». Это самое серьезное жизненное соучастие, личная заинтересованность в каждом повороте твоего «пути».¹¹

¹¹ В. Е. Хмелько — ныне докт. филос. наук, декан факультета социологии и социальной технологии Национального университета «Киево-Могилянская академия», Президент Киевского международного института социологии; В. И. Паниотто — ныне докт. филос. наук, директор Киевского международного института социологии; Л. С. Финкель — ныне живет и работает в ФРГ.

<...> Прощаюсь. Обнимаю и очень жду.

Роман.

Киев, 8–9.02.82

* * *

Из писем А. А. Ухтомского к Е. И. Бронштейн-Шур (1927):

<...> ...в порядке нарочитого труда следует культивировать и воспитывать доминанту и поведение «по Копернику» — поставить «центр тяготения» вне себя, **на другом**; это значит устроить и воспитывать свое поведение и деятельность так, **чтобы быть готовым в каждый данный момент предпочесть новооткрывающиеся законы мира и самобытные черты и интересы другого «лица» всяким своим интересам и теориям касательно них.**

...В этом переломе внутри себя человек впервые открывает «лица» помимо себя и вносит в свою деятельность и понимание совершенно новую **категорию лица**, которое «никогда не может быть средством для меня, но всегда должно быть моею целью. С этого момента **и сам человек, встав на путь возделывания этой доминанты, впервые приобретает то, что можно в нем назвать лицом.**

Вот, если хотите, подлинная «диалектика»: только переключивши себя и свою деятельность на других, человек впервые находит себя, как лицо.

...Вот видите, — тут ужасно спаяны между собой темы о Двойнике и о Собеседнике: пока человек не освободился еще от своего Двойника, он, собственно, и не имеет еще собеседника, а говорит и бредит сам с собою; и лишь тогда, когда он пробьет скорлупу и поставит центр тяготения **на лице другого**, он получает впервые Собеседника. **Двойник умирает, чтоб дать место собеседнику. Собеседник же, т. е. лицо другого человека, открывается таким, каким я его заслужил всем моим прошлым и тем, что я есть сейчас.** <...>

(А. А. Ухтомский. Письма / Пути в незнаемое. Писатели рассказывают о науке. Сб. 10. М.: Советский писатель, 1973, с. 384–385)

Ремарка: открываем Ухтомского.

Об Алексее Алексеевиче Ухтомском (1875–1942) мне в ту пору было известно едва ли больше того, что академик Ухтомский сделал «какие-то» открытия в области нейрофизиологии...

Помнится, я тогда, сразу по получении письма от Романа, отправился в Публичную библиотеку. Обратился к 6-томному собранию сочинений (40–50-е гг.) и к первым, опубликованным к тому времени, очеркам жизни и творчества Ухтомского.

Оказалось, что профессионально-научные труды академика Ухтомского удивительно гуманитарны, а сам он, также и в этих трудах, вовсе не только естествоиспытатель. В частности, его учение о доминанте несет в себе глубокий социально-философский смысл...

Лишь теперь тот факт, что Ухтомский является не только физиологом с мировым именем, но и ярким гуманитарием, одним из проницательнейших

русских мыслителей XIX века, становится, пожалуй, общепризнанным. Этому способствовали новые (последнего пятилетия) публикации, приоткрывшие ранее неизвестные страницы его творческого наследия:

— А. А. Ухтомский. *Интуиция совести. Письма. Записные книжки. Заметки на полях*. СПб.: Петербургский писатель, 1996, 528 с.; А. А. Ухтомский. *Заслуженный собеседник. Этика. Религия. Наука*. Рыбинск: Рыбинское подворье, 1997, 576 с.; А. Ухтомский. *Доминанта души. Из гуманитарного наследия*. Рыбинск: Рыбинское подворье, 2000, 608 с.

См. также:

— А. А. Ухтомский в воспоминаниях и письмах. СПб.: Издательство СПб университета, 1992; М. Г. Ярошевский. *Наука о поведении: русский путь*. М.-Воронеж, 1996; В. Хализев. *Нравственная философия Ухтомского // Новый мир*, 1998, № 2; И. Кузьмичев; А. А. Ухтомский и В. А. Платонова. *Эпистолярная хроника*. СПб.: журнал «Звезда», 2000.

...Но в ту пору (80-е гг.) ничего из гуманитарно-философского наследия Ухтомского, кроме упомянутой публикации Е. Бронштейн-Шур (сначала в «Новом мире», а потом в «Путь в неземное»), нам известно не было. (Май-декабрь 2000).

* * *

Из Марковского «Конспекта книги Джемса Милля “Основы политической экономии”» (1844)

<...> Предположим, что мы производили бы как люди. В таком случае каждый из нас в процессе своего производства **двоим образом** утверждал бы и самого себя и другого: 1) Я в моем **производстве** опредмечивал бы мою **индивидуальность**, ее **своеобразие**, и потому во время деятельности я наслаждался бы индивидуальным **проявлением жизни**, а в созерцании от произведенного предмета испытывал бы индивидуальную радость от сознания того, что моя личность выступает как **предметная, чувственно созерцаемая** и потому **находящаяся вне всяких сомнений** сила. 2) В твоём пользовании моим продуктом или твоём потреблении его я бы **непосредственно** испытывал сознание того, что моим трудом удовлетворена **человеческая** потребность, следовательно, опредмечена **человеческая** сущность. 3) Я был бы для тебя **посредником** между тобою и родом и сознавался бы и воспринимался бы тобою как дополнение твоей собственной сущности, как неотъемлемая часть тебя самого, — и тем самым я сознавал бы самого себя утверждаемым в твоём мышлении и в твоей любви. 4) В моем индивидуальном проявлении жизни я непосредственно создавал бы твоё жизненное проявление, и, следовательно, в моей индивидуальной деятельности я непосредственно **утверждал бы** и **осуществлял бы** мою истинную сущность, мою **общественную сущность**. <...>

(К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 42. М.: ИПЛ, 1974, с. 35–36)

Ремарка: открываем Маркса.

В отличие от Ухтомского, многие «ранние произведения» К. Маркса, от «Дебатов о свободе печати» до «Экономическо-философских рукописей 1844 года», были мне хорошо знакомы.

«...свободная пресса — нескромный, неделикатный язык народа, обращенный им к самому себе...» и т. д. Мне не раз приходилось ссылаться на это и другие высказывания молодого Маркса в пору своих занятий социологией печати (в конце 60-х — начале 70-х).

Однако указанный Романом Марксов «Конспект книги Джемса Милля «Основы политической экономии» мне известен не был... (Сентябрь 1999).

* * *

Р. Ленчовский — А. Алексееву (февраль 1982)

Здравствуй, Андрей!

Поздравляю с многомиллионной аудиторией!..

Справка

7 февраля 1982 г. в «Литературной газете» была опубликована наша с Г. А. Климентовым статья «Для всех — как для себя!». Ее основные положения отражены в ряде работ, и в частности — в той, что представлена в приложениях к главе 7: раздел «Предложения в Госкомтруд».

...Даже без публицистического заострения (мысли о вздорности «соревнования» как социального регулятора при социализме)¹² идея ваша с Г. К. звучит вполне убедительно: **равенство** при социализме — это **равные доли** в труде каждого члена общества, **отдаваемые им обществу**; то, что «остаётся» при каждом, прямо зависит от того, что отдано, и зависимость эта — **равная** для всех.

Естественно, что тем самым еще не решается проблема **соизмерения** труда, но только при такой постановке она впервые (для нашего общества) и возникает: ведь сегодня, насколько я могу судить, никакого значения (для производителя) не имеет, какой реально труд вложен в тот или иной продукт, поскольку вознаграждение за труд не поставлено в жесткую связь с общественной ценой произведенного продукта.

Что интересно: хотя «соревнование» — это, конечно, **идеологическая фикция, видимость** соизмерения труда, но «видимость объективная», как выразился бы Маркс.¹³ В многочисленных и разнообразнейших «показателях», по которым происходит «сопоставление» деятельностей различных субъектов, отражается общественная потребность иметь «шкалу» (вообще, какую-то совокупность средств измерения), операционального и **рационального** «посредника» для более-менее эквивалентного обмена общественными продуктами (вместо иррациональной денежно-биржевой стихии).

Речь, в конечном счете, идет об определении **общественной необходимости** в той или иной деятельности с точки зрения **системы потребностей** общества — его членов, прежде всего, и разнообразнейших инфраструктур, как производственных, так и непроизводственных (относительно,

¹² Это «заострение» содержалось в известной моему корреспонденту рукописи, однако не вошло в опубликованный текст.

¹³ Современное примечание Р. Л.: «то есть “превращенная форма”, по Марксу же эпохи “Капитала”. Декабрь 2000».

конечно). **Оценка** этих потребностей есть в каком-то смысле резюме всей политико-экономической проблематики. «Мешанина» оценок здесь — производна от механики управления, механики **власти**.

Главная идея **представительной** (точнее было бы сказать: «подставительной») демократии — отчуждение от субъекта деятельности функции общественного регулирования (координации и проч.), носителем какой становится, в условиях господства товаро-денежных отношений, капиталодержатель (неважно, в какой степени персонифицированный).

«Народовластие», при любом «представительстве», если не предполагает реализованными «божественное всеведение» и не менее необходимую «божественную вселюбовь», — это фиговый листок на интересах господствующей группы. Что можно было бы противопоставить такому «неразумию»? Только **непосредственную** демократию, как прямое выражение интересов (потребностей) каждого. Вот вы с Г. К. и вышли в статье, вполне закономерно, на эту проблематику.

Первое и последнее в истории явление «непосредственной демократии» — Греция эпохи полисов (рабы при этом были, конечно, не в счет!).¹⁴ Для «народовластия» необходим соответствующий базис, тем более сложный, чем большее число граждан («экспертов») принимает участие.

Капитал (и в этом социологическая суть открытий Маркса!) есть форма специфической связи людей, форма **выражения, учета и сопоставления** их интересов и **интегрирования** этих интересов в управленческих акциях. Что интегрирование в одном аспекте, а именно — в аспекте социальной **общности**, есть одновременно **разобщение** во всех других аспектах, — само собой разумеется при данном [капиталистическом. — А. А.] базисе, когда имеет место редукция всех общественных связей и отношений к товаро-денежным («вещным», в смысле социально-философском, т. е. противостоящим **личностным** связям и отношениям).

Может ли «базис» быть **другим** — вот «вопрос вопросов» социальной теории!

(Тут как раз не «зады» истмата, а самый передний «фронт»: социализм до сих пор не имеет базиса, адекватного его «предназначению»; и даже теоретически еще не ясно, каким этот базис должен был бы быть; любая наипрекраснейшая **идеология** базисом — и по Марксу и по логике вещей — стать не может).

«Микроэлемент» искомого базиса вы, пожалуй, определили. Это — непосредственно-демократические производственные отношения в первичном производственном коллективе. В общем, «артельность», производственное «общение»... (Как тут не вспомнить отечественных общинников с Герценом и Чернышевским во главе! Все возвращается «на круги своя»!). А дальше что?

(Я все это к тому, что вы, как я уверен, в самом «эпицентре» нашей общественной проблематики находитесь...)

¹⁴ Современное примечание Р. Л.: «Тогда я еще не знал о системе референдумов почти по любому вопросу управления государством в кантонах Швейцарии. Декабрь 2000».

* * *

...Тебе, наверное, известна идея Валерия [В. Е. Хмелько. — А. А.] об **информационном производстве** как **доминирующем** виде постиндустриального производства.

Сердцевина этой идеи, как мне представляется, — это то, что при одновременном сосуществовании всех основных видов деятельности, обеспечивающих целостность общественной жизни, линии **зависимостей** (социального структурообразования) таковы, что некоторые виды деятельности — в определенной исторической **последовательности** — оказываются **базисными** для всех других, причем ведущим (это я уже домысливаю!) представляется (это надо еще исследовать!) **отношение** двух исторически соседствующих доминант: коллизия аграрного и промышленного производства при переходе к буржуазным отношениям (соответственно, промышленного и информационного — в нашем случае).

Так вот, базис — это **предшествующая доминанта**. Базис промышленного производства — аграрное, базис информационного — промышленное.

[Нетрудно заметить, что такая трактовка «базиса» существенно отличается от принятой в марксизме. — А. А.]

Вывод: при доминировании промышленного производства непосредственная демократия — дело будущего, она не может быть надстройкой при данном базисе. Место денег как всеобщего эквивалента, всеобщего **посредника** в обмене деятельностями, должна занять **информация** (ср. у Маркса о значении бумажных денег, учетных ставок и т. п., а затем телеграфа и вообще средств информации — для развития обмена).

Речь, собственно, о том, в каком направлении развивать те или иные общественные механизмы, в каком направлении на них **воздействовать**.

Как цена — это, по Марксу, превращенная форма стоимости, а последняя — превращенная форма **потребительной** стоимости, так и «соцсоревнование» — не просто вздор, а вздор, так сказать, **показательный**, а именно: место абстрактного всеобщего эквивалента занимает **система показателей**, которые в идеале и должны быть самыми **конкретными** (конкретность — абстрактность — превращенность — отчужденность, — интереснейший в философском отношении понятийный ряд).

<...> Собственно, в социальной конкретности — вся (для философии) проблема: если **товарный фетишизм** сменяется фетишизмом тех или иных **показателей** (именно — не их целостной системы!), вовсе не показывающих, как же обстоит дело **в его реальной целостности**, то — мы все еще очень далеки от искомого отношений!

Теоретическое, точнее, практико-теоретическое **положение о «показателях»** в высшей степени «показательно» демонстрирует проект «системы» показателей для социального планирования — выкидыш Госкомтруда (см. «Социологические исследования», 1981, № 4). Выкидыш — не только по многим несообразностям, о которых надо бы говорить отдельно, но

еще и потому, что не учтены исследования на эту тему, например, в отделе Бестужева-Лады. Вообще, тема эта — ключевая во многих отношениях.

А ведь «производство» социально-политических планов — одна из фаз, разновидностей **информационного** производства (социальные и экономические показатели — «материя» планов), и рассмотреть плановую деятельность целесообразно было бы **внутри** всей системы информационного производства.

При этом и демократия как форма общественной связи (самоуправления) внутри себя расщепляется на базисные и производные элементы — информационные потоки и формы самодеятельности (принятие управленческих решений — как уже не просто информационная деятельность, а «обработка людей людьми», или «производство человека», по Марксовой терминологии).

* * *

<...> Я только теперь добрался к тому, о чем хотел с тобой поговорить, — к «инновационным процессам», проще, к **инициативе**, которая по отношению к планам есть **другой полюс**. Но сегодня, зная свою привычку «начинать сначала» всякий раз, когда я оставляю что-то для себя незавершенным, я поостерегусь останавливаться на полуслове.

Ты, наверно, уже заметил, в какой связи я хотел бы говорить об инициативе. Это, абстрактно говоря, ведущее звено социальной динамики (ведомым — была бы всякая институциональность!) и, пожалуй, только в общей картине глобальной «смены доминант» вырисовываются координаты этой темы.

Инициатива как вид деятельности вырастает из частного момента **всякой** деятельности тогда, когда информационное производство становится **базисным**, т. е. определяющим моментом внутри целостной системы общественных отношений. О том, как я представляю себе субъекта и механизм этой особой деятельности, — в следующий раз. Но вот что является исходным: инициатива есть выражение, реализация **демократии**, причем именно **непосредственной**, а не **подставной**.

«Инициатива руководителя», «инициатива по долгу службы» — это все подстановки на место **внеслужебной** и **внесубординационной** деятельности, возможности для которой — важнейший социальный показатель.

Ну вот, здесь-то я себя и оборву... Тем скорее, может быть, обращусь к этой теме, что точку не успел поставить...

Ремарка: три вида демократии.

*Несколько лет спустя (уже во времена «перестройки») мною, не без подспудного влияния соображений, высказанных Р. Ленчевским в этом письме, предпринималась попытка обосновать понятие **инициативной** демократии как равноправной с **представительной** и **прямой** (непосредственной) формами демократии (системная триада, по Р. Г. Баранцеву?).*

При таком подходе становится возможной интерпретация в качестве проявления демократии любой самодеятельной коллективной акции или индивидуального действия, выходящего за рамки институциональных норм и структур (не исключая и «эксперимента социолога-рабочего»). (Август 2000).

* * *

...Скажу еще несколько слов о характере моих занятий, так как об этом у нас с тобой еще не было речи.

<...> Работаю я, так сказать, на двух этажах (сейчас, после освобождения от издательской каторги).¹⁵

Главный нерв, «стратегическое направление» — это крайне спекулятивно-углубленные штудии над проблемой проблем: выяснение «сущности человека», раскрываемой в сущностных же формах его отношения к миру. Только в этой проблематике естественно замыкается моя потребность в бесконечном рефлексировании, причем предмет здесь достаточно значим общественно (и методологически, и мировоззренчески), чтобы не стыдно было есть хлеб.

То есть это не философский камень, хотя решить эту проблему в обычном смысле — закрыть и перейти к новой — невозможно: сам **переход** (от одной проблематики к другой) основывается в данном случае не на исчерпании темы, создании, например, достаточно полной и строгой теоретической модели, а на **принципе диалога**.

<...> Занятие этими «проклятыми» вопросами было бы вполне почтенным, если бы удалось доказать его возможность и какую-то эффективность. Возможность — не «в принципе», а для отдельного адепта его *[занятия]*. — А. А./: по силам ли «конечному» уму?

О том и забота моя. Человек, как Мюнхаузен, поднимает сам себя за «волосы» разума, преодолевает центростремительные силы «конечных» ситуаций. **Каждый** может создать образ того мира, **которым** он живет и — отчасти — **в котором** живет. Только образы эти создаются самосознательной личностью как бы для «внутреннего пользования». Философ же производит **свой** мир — «для продажи»: он образ внутреннего мира должен довести до такой степени определенности, чтобы его можно было выразить в общезначимой форме (языке конкретной общности).

Поскольку люди живут **в одном мире**, образы их внутренних миров **сопоставимы**, и тем в большей степени, чем более выраженной будет **общность**. (Уже здесь дано то противоречие, что выраженность этой общности — сугубо **индивидуальна**, ибо только во внутреннем мире личности представлена **цельность** человеческой общности.) <...>

(«Разъехался», так что и двух страниц мало стало...)

Иными словами, я должен найти **в себе** то, что — под углом зрения границ, целости мира человека — могло бы стать интересно и полезно **другим людям**, которым недосуг заниматься подобной рефлексией. А для этого — я должен не просто углубиться в свой мир. (В последнем, отдельно взятом — ничего кроме «пупа» нет, к тому же созерцание пула должно было бы сразу напомнить, сколь **конечен** индивидуальный организм.)

¹⁵ До аспирантуры Р. Л. несколько лет работал редактором в научном издательстве.

<...> Это искомое философическое углубление в себя есть интеграция в себе всей индивидуально и конкретно-исторически доступной человеческой культуры...

Ремарка: открываем Гете.

Прерву ненадолго Романа Ленчовского, чтобы процитировать Гете:

«...большая и столь значительная задача — познать самого себя — с давних пор казалась мне подозрительной, как хитрость тайного союза жрецов, которые хотят недостижимыми требованиями запугать человека и совратить его от направленной на внешний мир деятельности на путь внутренней ложной созерцательности. **Человек знает себя лишь постольку, поскольку он знает мир, который он постигает только в самом себе и себя только в нем.** [Выделено мною. — А. А.] Каждый новый предмет, хорошо рассмотренный, раскрывает в нас новый орган...» (Гете И. В. Избранные философские произведения. М., 1964, с. 277–278). По-моему, очень созвучно размышлениям моего друга! (Май 2000).

... Проблема **личной** профессиональной деятельности в философии (и в этом специфика философии как феномена культуры!) — именно в **индивидуально-личностной** интеграции всего, что может вобрать в себя индивид в максимально широком **общении с другими** людьми — «всех эпох и народов», но также и тех, кто рядом, ибо **близость** — это такой же неустранимый полюс индивидуального социального бытия, как и историческая и актуальная **перспектива**.

Тогда, когда, «углубляясь в себя», мы одновременно отправляемся на «свидание со всем миром», мы действуем как философы. А это не только трудно психологически (ведь «со всем миром», а не только с невестой или другом!), но и не всегда объективно возможно.

Закругляюсь.

<...> Я в юношеском пылу поспешил «обвенчаться» со своей «неизведанно-неизбывной любовью», а теперь все сложности наших интимных вполне отношений¹⁶ поневоле приходится выставлять перед чуждой мне (в массе своей) публикой. А иначе — «не любя» — не мог.

Выражать нынешнее мое понимание предмета на человеческом языке (я имею в виду и текст для публикации, и это послание к Тебе) нет сейчас возможности...

* * *

<...> Так в чем же я вижу **свою** задачу?

В том, чтобы мерой того разума, которая мне отпущена, а значит — и мерой всего мною **пережитого**, в поле моей социальной ангажированности, насколько я адресую самому себе **вопросы**, возникающие в диалогах моих с бесчисленным рядом людей (что-то больно вычурно закрутил!), — соразмерить **распадающиеся части** моего **общественного бытия** («моего» — только по «способу существования»). Проверить **на себе** те зависимости (соподчинения и т. д.), которые я нашел уже вполне выраженными или открыл в себе самом.

¹⁶ Имеется в виду научная тема Р. Л.: проблематика **мироотношения**.

<...> А другой этаж моих занятий — это не «в лоб», а, так сказать, по лбу, без **явной** демонстрации своей «социальной страсти». Но и об этом — после.¹⁷ Прощаюсь, наконец. И жду — «в гости»... Роман, 24–25.02.82

Ремарка: перепечатаваю письма Друга и высылаю ему копии...

*Эти письма Романа, адресованные одному человеку, а не аудитории, пусть дружеской (как, скажем, мои «Письма...»), акт общения лицом к лицу (и только!), в котором автор так безотчетно **щедр**, вызвали у адресата (т. е. у меня) импульсивную реакцию: перепечатать их и послать «обратно» автору (ксероксом-то тогда «простые смертные» не пользовались!). (Сентябрь 1999).*

* * *

А. Алексеев — Р. Ленчовскому (апрель 1982)

Дорогой Роман!

Пишу Тебе сейчас из Вильнюса.

<...> Дней десять назад я отправил из Ленинграда **копии** трех твоих писем, закончить перепечатку которых успел накануне отъезда в отпуск. Думаю, Ты их уже получил.

От отпуска, как такового, у меня оставалась неделя, т. к. предыдущие две ушли на расплату по научным счетам, на оформление на очередную совместительскую работу (в Высшую профсоюзную школу культуры) и просто так — утекли между пальцев...

А в Вильнюсе у меня — старый друг, социолог, ныне скоро уже два года как работающий... сборщиком перфораторных машин на одном из здешних заводов.¹⁸

Трудится он на заводе так же истово, как когда-то в философской аспирантуре (Ленинградский университет) писал диссертацию о «социальных иллюзиях». Но вот диссертацию тогда не дописал, а сегодня — как раз в эти дни! — ему (как «само собою разумеющееся») **подтвердили** на заводе звание «ударника коммунистического труда» (забыв, что «раньше» это звание ему не присваивалось).

Вообще, «коммунистическое отношение к труду», похоже, характерно для adeptов «драматической социологии»...

<...> Чем **значимее** то, что человек слышит, тем **труднее** высказаться самому. А значимость трех твоих писем — для адресата безусловна.

В отличие от меня, Ты разбрасываешь свои сокровища <...>; я — берегу не только «чужие», но и собственные архивы. Ты абсолютно реализу-

¹⁷ Современное примечание Р. Л.: «Другой этаж» — это то, что сегодня называется «политологией»; сам я это называл «лирической политологией», а более наукообразно — политической антропологией. Март 2000».

Позднейшие занятия моего друга этим нетрадиционным, в ту пору, предметом были отчасти подстегнуты «делом» социолога-рабочего. См. в главе 8: раздел «Наука, политика, нравственность...».

¹⁸ Речь идет об Анри Абрамовиче Кетегате. См. о нем в главе 5: раздел «Все мы, Серега, лошади. Стреноженные. Но ржем по-разному...».

есть доминанту **на лицо другого** (по Ухтомскому); я же — каким-то противостественным (с точки зрения целостной личности) образом — совмещаю положение **внутри** ситуации общения и **вне** ее.

(«Слушаю» — и другого, и себя, и нас обоих **сразу**: но тогда остаюсь ли «самим собой»?!)

* * *

<...> И дальше — до мистики — «в резонанс» оказались твои вещественные и духовные дары.

Мих. Бахтина (вот уж царский подарок! правда ли, что Ты прислал не последний, собственный экземпляр?) <...> осваиваю гомеопатическими дозами...

Уже добыв было **А. А. Ухтомского** у одного из своих знакомых, я вдруг обнаружил этот самый 10-й выпуск «Путей в незнаемое», с его письмами [к **Е. И. Бронштейн-Шур.** — **А. А.**] ... во втором (дальнем) ряду одной из своих (излишне многочисленных!) книжных полок.

Выписав оттуда пару абзацев, я отправил их (без ссылки на источник!) Светлане Минаковой, мистифицируя ее тем, что у нее... «украли» концепцию общей, **поведенческой** направленности личности (разрабатывавшейся ею 15 лет и защищенной в 1979 г.).¹⁹

Сам же, понятно, переставил «твоего» Ухтомского в передний ряд — к «своему» **Альберту Швейцера**, который вряд ли Тебе не знаком (а вот мне, да, по-видимому, и Светлане, Ухтомский знаком не был...).

Ремарка: открываем Швейцера.

С учением **А. Швейцера** о «благоговении перед жизнью» (*Ehrfurcht vor dem Leben*), в частности, с его книгой «Культура и этика» мне довелось познакомиться в конце 70-х. Подвиг жизни Швейцера и названная книга тогда произвели на будущего социолога-испытателя очень сильное впечатление. Уже в начале 80-х, помню, в часы простоя читал — в инструментальной кладовой цеха № 3 — швейцеровские «Письма из Ламбарене».

Здесь заметим, что имя **Альберта Швейцера (1875–1965)**, одного из величайших мыслителей XX века, философа-гуманиста и общественного деятеля, музыканта, богослова и естествоиспытателя, легендарного миссионера и «доктора из джунглей» в Ламбарене (Габон, Экваториальная Африка), у нас долгое время замалчивалось. (Например, его нет в многотомной Большой советской энциклопедии 50-х гг.)

В середине 60-х завеса молчания была прорвана (работы **В. Петрицкого**, **Ю. Левады** и др.). В начале 70-х:

— вышел сборник статей: **Альберт Швейцера — великий гуманист XX века**. М.: Наука, 1970; была защищена первая диссертация о Швейцере: **В. А. Петрицкий**. *Этическое учение А. Швейцера*. Автореф. канд. дисс. Л.: ЛГУ, 1971; вышла книга в серии «Жизнь замечательных людей»: **Б. М. Носик**. *Альберт Швейцера*. М.: Молодая гвардия, 1971.

В 1973 г. (через полвека после первоиздания), появился первый русский перевод *opus magnum* Швейцера — «Философия культуры» (часть I: «Упадок и

¹⁹ Имеется в виду учение А. А. Ухтомского о доминанте, имеющее фундаментальное значение не только для физиологии, но и для всего комплекса наук о живом и о человеке.

возрождение культуры»; часть 2: «Культура и этика»). В 1978 г. в издательстве «Наука» (серия «Литературные памятники») вышли труды Швейцера «Между водой и девственным лесом» и «Письма из Ламбарене» (впервые опубликованные на Западе в 20-х гг.).

Характерна тогдашняя сдержанная официальная оценка этического учения **А. Швейцера**:

«...Внутренняя логика его убеждений (пусть не всегда совпадающая с логикой реальной действительности), страстность его веры в торжество добра и человечности, бескорыстное служение принятым идеалам, обаяние его незаурядной личности — все это внушает глубокое уважение к **Альберту Швейцера**. Вместе с тем нельзя не признать, что автор книги не дает, и по вполне понятным причинам не может дать, точного диагноза недугов западной культуры, не ставит ее деградацию в прямую связь с кризисом устоев буржуазного общества, не видит реальных путей выхода из этого кризиса... Путь к жизнеутверждению через этическую мистику и религию уводит в сторону от столбовой дороги развития человечества...». (От издательства / **А. Швейцера**. *Культура и этика*. М.: Прогресс, 1973, с. 4).²⁰

...В те времена у нас это называлось «абстрактным гуманизмом». Коего не избежали, кстати, и молодой **Маркс** (см. выше), и, разумеется, **Ухтомский** (в своем императиве «доминанты на лицо другого», вместо «классовой морали»).

Только в 90-х труды Швейцера стали широко публиковаться в России:

— **А. Швейцера**. *Благоговение перед жизнью*. М.: Прогресс, 1992; **А. Швейцера**. *Упадок и возрождение культуры*. Избранное. М.: Прометей, 1993. (Оба названных издания включают также «Культуру и этику»); **А. Швейцера**. *Жизнь и мысли*. М.: Республика, 1996.²¹ (Май 2000).

* * *

<...> Поразителен в «организованном» Тобой моем восприятии всей этой духовной пищи (Ухтомский, Бахтин, «Самшитовый лес» Анчарова, Марксовы «Заметки о Милле») — эффект узнавания. С учетом некоторой, относительной между нами разницы, я идентифицировал Тебя — чуть чаще — с позицией Ухтомского и образом анчаровского Сапожникова, а себя — чуть больше — с некоторыми рассуждениями Бахтина, с одной стороны, и «не вполне зрелого» Маркса, с другой. В известном смысле, Ухтомский и Анчаров «списывали» с Тебя, Маркс и отчасти Бахтин — как бы с «меня».

В первом случае — позиция **деятельности в общении**, где деятельное Я «растворяется», как бы «исчезает» непосредственно в другом (последовательная доминанта на Другое лицо!). Во втором — **общение в деятельности**, где деятельное Я «исчезает» в Продукте, создаваемом для Другого, и часто — вместе (в соавторстве) с этим Другим.

Одной из центральных категорий у Ухтомского не случайно является **Со-беседник** («заслуженный собеседник», тот, которого «ты заслужил»...). Если бы я был способен на мировоззренческую рефлексию подобной глупости

²⁰ Издание 1973 г. имело гриф — «для научных библиотек», предполагающий ограниченное распространение.

²¹ Некоторые извлечения из книги Швейцера «Культура и этика» см. в приложениях к настоящей главе.

бины и силы, я бы, наверное, рассуждал о **Со-деятеле** («со-участнике», «со-авторе», «со-творце...»). Здесь — вряд ли альтернатива, а скорее — «взаимодополнение» жизненных позиций.

Первая позиция — более «самоотверженна», вторая — более «самоутверждающа». Первая — «альтруистична», вторая — «эгоцентрична». Первая видит цель и смысл в отдаче себя **другому**, вторая — в отдаче **себя**.

Понятно, что обе позиции отрицают использование как других, так и себя — в качестве **средства**. В этом их принципиальная «ортогональность» цинизму (я — «использую» весь мир) и бесхребетности (весь мир — «пользуется» мною).

Итак, мое самоутверждение может быть **самоотверженным**, но не циничным. Твоя самоотверженность может быть **самоутверждающей**, но не бесхребетной. «Мы» оба можем быть Со-беседниками и Со-авторами одновременно.

А вот Циник и «Размазня» неспособны — ни к подлинному общению, ни к подлинному творчеству.

Собеседники и соавторы в конечном счете — **творцы**. А циники и «христосики» (не путать с Иисусом Христом!) — **потребители** (не важно, они ли потребляют или «их» потребляют...).

Мир движется «нами» (это уже из области самоутверждения!). «Мы» движемся этим миром (своего рода самоотречение!).

Парадоксально, что именно «со-беседники» чаще создают уникальные **продукты** (сами не ведая, что творят). А «со-участники» могут оказаться уникальными в самом **процессе** своей самоотдачи (хотя думают, что создают «продукты»).

Этими последними строками я реабилитирую Собеседника в качестве творца (имея в виду, в частности, твои письма) и оправдываю собственную (может быть, уже замеченную Тобой) «продуктивность» тем, что она может провоцировать Беседу.

А впрочем... Кукушка хвалит петуха «за то», что хвалит он кукушку. Самоирония столь же уместна в устах Со-участника, как и Со-беседника (в отличие от бесконечно самодовольного Циника или страдающего «Размазни»).

Нечаянно получилось что-то вроде идеальной типологии («идеальные типы!»). Вполне в духе «философа-любителя», каковым я, похоже, становлюсь, пройдя разнообразные профессионально-социологические искусства.

...Но этот «монолог» — всего лишь реплика в предложенном Тобой **диалоге**.

* * *

<...> Для меня очень ценны были твои соображения об Инициативе и Планах, инновационных процессах, хозяйственном механизме и т. д., отличающие в Тебе такое **практическое любомудрие**, до какого любомудряющему практику (т. е. мне) еще далеко.

<...> К сожалению, оставляю пока не отвеченными большинство из поставленных Тобой вопросов. На каждый **отдельный вопрос** легче и эффективнее отвечать в **непосредственном общении** (а я надеюсь на это, благо что тексты сохраняются до встречи). А на **всю совокупность** вопросов лучше отвечать совокупностью **вопросов** же (которая,

в ситуации «соавторства», не алчет немедленного ответа, а просто... «депонируется» Другу как еще одна пара поленьев в общий костер)...

*Ремарка: **собеседник и соавтор.***

То обстоятельство, что я, на протяжении ряда лет, систематически высылал другу-корреспонденту свои сочинения, впоследствии сыграло важную роль в моей судьбе. Именно Роман Ленчовский сделал потом из этих сочинений «соавторскую» композицию и отослал ее в «Литературную газету» (1986). Что дало повод газете, год спустя, энергично выступить в защиту социолога-рабочего от политических обвинений и т. д.²² (Сентябрь 1999).

...Присланный Тобой «устав» философического студенческого общества (очевидно, изрядной давности, жаль, что без даты!) вызывает ощущение трогательной чистоты родника, который не успели загнать в железную трубу. Хорошо, что не загнали... Он сам ушел вглубь... чтобы забить в других местах. А на все родники — труб не хватит!

А теперь — улыбнись и Ты над двумя «нормотворческими» документами социолога-наладчика последних месяцев (августенограмма выступления на партийном собрании цеха и «Предложения по усовершенствованию технологии...»).

Ну, чем мы с Тобой не пара: «философы, преобразующие мир...»!

* * *

<...> Пора все же заканчивать это письмо, которое почти не уступает твоим по размерам, однако остается скорее сопроводительной запиской (имея в виду приложения!), чем самодостаточным текстом.

Мой поклон общим друзьям, нынешним и вероятным. Все, что в этом конверте, можно показывать им.

...И мое настойчивое приглашение, в частности, **Тебе** — на «летние каникулы» (впрочем, в любое время!) — в Ленинград, можно и **всей семьей!** Здесь у Тебя всегда есть кров на берегу Финского залива (Наличная ул. — «наличник» окна в море) и... «огонек в камельке».

А что еще «бедному философу» надо?! Обнимаю Тебя.

Твой Андр. Ал.

Вильнюс-Ленинград. 17–18.04.82

*Ремарка: **монолог и диалог.***

Интересно сравнить это письмо с авторскими же «Письмами Любимым женщинам» (особенно — первыми из них).

*Те, по существу, были все же **монологами** («эпистолярное хулиганство» и т. п.), исполненными эйфорией овладения (новой жизненной ситуацией), но без самолюбования (вызывавшего у корреспонденток сочувственный отклик, а иногда и дружескую иронию).²³*

²² См. об этом в главах 7–10.

²³ См., например, дружеский шарж С. Минаковой в главе 2: раздел «Производственные драмы и “ужасное дитя” цеха № 3».

Философия активизма и — «самоупор на себя», в отличие от «упора на лицо другого», по выражению Ухтомского...

Здесь же (в этом письме) — скорее диалог, искусством которого автор этих строк начинает постепенно овладевать, отвечая на исповедальность «писем к Другу» своего корреспондента и заражаясь его доминантой на лицо другого. (Сентябрь 1999).

* * *

Р. Ленчовский — А. Алексееву (май 1982)

Здравствуй, Андрей!

Писать Тебе и читать Тебя — не один раз улыбнуться. Улыбаюсь поэтому чуть не каждый день, но сегодня только «улыбками» и придется объясняться. Своего «письма» к Тебе — «жду» и я сам, и прошу Тебя еще немного подождать.

(Прекрасная опечатка в одном из твоих вложений: мое «жду в гости» — на «хочу в гости»; вообще, я был обрадован твоим восприятием и одновременно озадачен...)

...«Социологию в документах», пожалуйста, присылай, по возможности: мы все следим за нею с заинтересованным вниманием. <...> Обнимаю, прощаюсь. Твой Роман, май 1982

6.3.3. Продолжение следует

Из письма Р. Ленчовского в «Литературную газету» (май 1982)

<...> («Читая Цветаеву...»)

...Талантливая жизнь — это и есть жизнь успешная, если слово «успех» имеет какое-либо положительное, не увязшее в одиозной аксессуарности содержание. Талант — наша **взаимответственность**: умение распорядиться собой, своими возможностями, и бережно-ответственное приятие того дара, который несет нам другой человек. «Есть вещи, которые люди должны делать за нас, те самые, которые нам дано делать только за других. Любить нас».

Для Марины Цветаевой талант — **человек**, «все из себя дающий». Для нас очень часто — **вещь**, и не единожды вещь.

Не начинаем ли мы быть «бережными» к таланту, когда **живого человека** уже нет с нами, когда наша «забота» — вполне безопасна и самую строптивость духа можно выставочно отглянцевать. И не видим ли мы талант — в вещи, «талантливо сделанной»? А уж идя от вещи, снова-таки, в самом таланте, в процессе творчества усматриваем сплошную вещьность: вещь, создающую вещь. Человека превращаем в вещь. Человека превращаем в **куклу**, заставляем его играть игрушечную жизнь, а потом еще удивляемся, что наша кукла — кукла.

Талант, говорим мы, «вещь редкая». Потому-то не замечаем, пробегаем мимо самого главного в жизни таланта — человечности. В отличие от способностей музыкальных, шахматных и т. д. как «игры природы», комбинации уникальной по «вещественному составу», талант быть человеком — в каждом человеке. Нет нужды в высокоученых дефинициях, все

знают, о чем речь. И если все еще редки встречи с талантливостью человеческой, то это означает: пренебрегаем самым важным, обрекаем себя на автоматическое, рефлексное поведение. Если нет того **незаменимого**, что каждый из нас может дать другому и что «нам дано делать только за других», остаются — «стандарты жизни». Хотим мы того или нет, все другие наши «таланты» — без талантливости общей, личностной — под эти стандарты будут подгоняться. А там уже дело «техники» — дать имя некогда живого человека стандарту-вещи, превратить ее в эталон — «единицу талантливости», а потом соразмерять, дозировать, отпускать — **порциями...**

...У Цветаевой «**все — только из всего**»; «**все из себя**», поскольку — «**все в себя**»...

Перечитывая очерк поэта о художнике (полностью, не вывлечении), убеждаешься: человек оживлен в слове; за словом, за вещью — не другая вещь, а личность — событие (Со-бытие!), самое важное во «взаимной связи людей». <...>

Другой человек, вошедший в нас, — наша с вами реальность, посторонность нашей жизни, возможность нашей подлинности... <...>

Р. Ленчовский, май 1982

Ремарка: «Творению — предпочитаю творца!»

*Такова краткая формула М. Цветаевой, встреченная мною давно, в каком-то из ее писем, и заявленная ею, как обычно, не в качестве манифеста, а попутно, по конкретному поводу, в применении к конкретному лицу; но от того не утрачивающая, а лишь «прибавляющая» в общезначимости. (Ср.: «Все из себя» и «все в себя»; **не** — «в себе»!) (Октябрь 2000).*

...А главных тайн бытия три. Самая большая тайна Вселенной — это **жизнь**. Самая большая тайна жизни — это **человек**. Самая большая тайна человека — это **творчество**. (Выделено мною. — А. А.)

Ф. Горенштейн («Искушение». 1990-е гг.)

* * *

В. Хмелько — А. Алексееву (май 1982)

Дорогой Андрей!

Надежда повидаться в Ленинграде (и поработать в секторе Ядова дней 10–15) меня не оставляет. Но ее осуществление все отодвигается.

Спасибо за твои материалы и письма к Роману. С большим интересом все читаю и радуюсь твоей работе — и ее направленности, и той манере, в которой ты это делаешь. Удачи тебе, вдохновения, энергии и терпения!

Если будешь писать Роману или мне, сообщи, как отнеслись коллеги («интеллигенты-рабочие») к предложению о совместном эксперименте «человек в производственных отношениях». Эта проблема меня интересует уже лет 15.

<...> Мои теоретические изыскания по структуре производственных отношений привели к убеждению, что особенно важно проследить те их *[этих отношений]*. — А. А.] компоненты, которые существуют в виде различных форм **зависимости** — и материальной, и функциональной.

Материал проявлений этих зависимостей в повседневной производственной жизнедеятельности кроме как из наблюдений получить практически неоткуда. <...>

Всего тебе доброго!

Валерий.

Киев. 4.05.82

Ремарка: расширение дружеского круга.

Как видно, диалог с Романом не остался только «перепиской двоих». В его орбиту довольно скоро оказались вовлечены ближайшие друзья обоих.

Несколько лет спустя к этому кругу эпистолярного общения присоединились также и те мои корреспонденты с Украины, которые узнали об эксперименте социолога-рабочего из публикации Лидии Графовой в «Литературной газете» (1987). Р. Ленчовский оказался здесь своего рода «медиатором».

Диалог с Романом продолжается вот уже 20 лет. (Декабрь 2000).

6.4. Что такое счастье

6.4.1. Способ быть счастливым (социально-психологический этюд)

[Ниже — одноименная статья, написанная в соавторстве с С. Ф. Минаковой и опубликованная в журнале «Нева» (1982). — А. А.]

Счастливы ли вы сегодня? Такой вопрос был задан в одной из социологических анкет выпускникам вечернего факультета Ленинградского горного института в заполярном городе Кировске. При этом нас интересовало не только то, стал ли каждый окончивший институт хоть чуточку счастливее. Хотелось углубить наши профессиональные представления о человеческом счастье, об истоках удовлетворенности жизнью.

Невозможно, изучая личность, обойти этот вечный вопрос. Вечный потому, что каждый человек по-своему решает его, и еще потому, что счастье всегда было в дефиците на нашей планете.

Обыденное сознание чаще всего связывает радость жизни с целями и достижениями. Мать скажет вам, что счастье в том, чтобы вырастить детей, и она испытает удовлетворение только тогда, когда поставит их на ноги. Человек, увлеченный работой, возразит, что лишь тогда, когда он что-то там внедрит, улучшит, выполнит, он сможет вздохнуть свободно и почувствует себя удовлетворенным. Изобретатель будет уверять, что счастье в том, чтобы решить наконец-то головомомную техническую проблему. Потребитель скажет, что он будет счастлив тогда, когда приобретет вещи, о которых давно и страстно мечтает. Влюбленный скажет, что счастье в любви. Студент-вечерник заметит, что сейчас о счастье некогда и задуматься, а по-настоящему все начнется только с получением диплома.

И каждому кажется, что, лишь **достигнув** определенных целей, он, **владеющий** всем, о чем мечтал, к чему стремился, чего добивался, сможет зажить особой жизнью, наконец-то «заняться собой» и делать что-то такое, «до чего раньше руки не доходили».

Загадка халифа

Если бы счастье и впрямь состояло в обладании, то кто бы был счастливее халифа Абдурахмана III Победителя, которому в X веке удалось объединить мусульман в Испании и основать Кордовский халифат? Халиф был не только прекрасным организатором, но и самобытным социальным психологом: объектом исследования он сделал собственную жизнь и вечную проблему человеческого счастья.

Перед смертью его волновали не столько блистательно разрешенные им политические проблемы, сколько проблема парадоксальной неуловимости счастья, которое невозможно «овеществить» и удержать в руках. А поскольку халиф не был склонен писать философские трактаты, он ограничился тем, что велел начертать на своей гробнице следующую надпись:

Я наслаждался всем — почетом, богатством, высшей властью. Государи, мои современники, завидовали моему счастью и моей славе: они искали дружбы моей. Я отмечал в течение всей своей жизни все те дни, когда я испытывал чистое и настоящее удовольствие, и за 50 лет царствования я насчитал их только 14.

Халиф не справился с решением проблемы, но еще тысячу лет назад он поставил интересный эксперимент и получил убедительный результат: счастье и удовлетворенность жизнью вовсе не обязательно сопутствуют достижению высокого социального статуса, влияния на ход дел, признания, материальной обеспеченности... Халиф, правда, не упоминает так называемого «счастья в личной жизни», но можно предположить, что в то время у восточных владык не возникало семейных осложнений.

А теперь представим на миг, что в одно прекрасное утро добрый волшебник разрешил все проблемы, стоящие перед людьми. Мать вдруг обнаружила, что ее дети выросли и в ее опеке больше не нуждаются, на производстве все улучшено, внедрено и выполнено, изобретение сделано, волновавшие воображение вещи приобретены, а новенький диплом вместе с нагрудным знаком лежит на письменном столе, на том самом месте, где только что громоздились чертежи к дипломному проекту. Мир и благополучие многих из этих людей разрушатся. С иными случится примерно то же, что происходит с железнодорожным составом, который вдруг попытались остановить вместо того, чтобы перевести на другой путь.

Человек окажется вырванным из привычной ему сферы вовлеченности, исчезнут напряжения и заботы, расшатаются внутренние скрепы личности, окажутся парализованными ее динамизирующие силы. Этого не будет, если только человек сумеет найти себя в новой сфере деятельности, забот и тревог. А это уже новая жизнь, новая история.

Ведь если сказка кончается словами: «И стали они жить-поживать и добра наживать», — то дальше уже рассказать нечего, да и самим героям сказки жить скучновато. Разве что вздохнет иногда Василиса Прекрасная: «А помнишь, Иван-Царевич, как ты Змея-Горыныча победил?». Теперь-то Иванушка и не совладал бы с окаянным при своей полноте... «Твоя правда, Василисушка! Блинов у нас много, а забот никаких!».

Есть ли у счастья слагаемые

Нам тоже многие секреты человеческого счастья стали известны не сразу. Один из авторов этой статьи был удивлен не меньше, чем халиф-психолог, когда в 1969 году опросил выпускников вечернего факультета, оправдались ли их надежды в связи с окончанием вуза, и получил следующее соотношение ответов: оправдались полностью — 45%, частично — 40%, совсем не оправдались — 5%. (Не ответили — 10%.) Как! С таким трудом добытый диплом радует далеко не каждого? С тех пор проблема удовлетворенности людей собственными достижениями стала предметом специального исследования.

Одно за другим шли анкетирования, углубленные интервью, экспресс-интервью, фотографии бюджета времени... Сопоставлялись образы жизни, жизненные тонусы, мотивы деятельности студентов-вечерников и инженеров — выпускников того же вуза. Когда десять лет спустя авторы, объединившие свои усилия, не только получили очередное подтверждение устойчивости приведенного выше соотношения, но и обнаружили некоторое, пусть небольшое смещение в минус по шкале ответов, они готовы были именно к такому результату.

В 1979 году ответы на вопрос об удовлетворенности после окончания вуза распределились так: надежды оправдались полностью — 35%, частично — 50%, совсем не оправдались — 10%. (Не ответили — 5%.)

Сейчас не будем останавливаться на том, о чем именно мечтали студенты, когда они самоотверженно, совмещая работу с учебой, сражались за диплом, и какие именно обстоятельства помешали их мечтам сбыться. Заметим только, что сам по себе факт достижения поставленной цели не сделал этих людей счастливее. Особенно трудно пришлось тем из наших героев, кто рассматривал диплом как счастливый конец к сказке своей жизни. Серьезных «поломок» при резком торможении избежали те, кто сумел сразу переключить высвободившуюся энергию в новую сферу деятельности.

В одной из анкет мы предложили нашим инженерам оценить степень их удовлетворенности восемнадцатью различными «сторонами жизни» и жизнью в целом — в годы учебы и теперь, то есть после окончания вуза. Динамика жизнеощущения, по данным исследования, проведенного в небольшой группе из ста двадцати девяти выпускников вечернего факультета Ленинградского горного института, ныне работающих в производственном объединении «Апатит» (люди по преимуществу сорокапятилетнего возраста, из них двадцать девять женщин), даст повод для размышлений.

Нет такого аспекта, обстоятельства жизни (кроме, разве что, состояния здоровья, редко улучшающегося с годами), для которого не наблюдалось бы хотя бы небольшого роста удовлетворенности опрошенных, от периода обучения в вузе к настоящему времени. Для некоторых же сторон жизни этот рост просто разителен.

Например, своим нынешним материальным положением, обеспеченностью вещами, жилищными условиями довольны около 80% опрошенных против 40% довольных этим же раньше. Существенно возросли также удовлетворенность занимаемым общественным положением и возможностью участия в общественной жизни (тоже в 1,5–2 раза). Несколько более умеренным предстает прогресс удовлетворенности своей основной профессиональной деятельностью.

Эти субъективные самооценки вполне согласуются с наблюдаемым у наших героев ростом благосостояния, приобретенным социальным статусом — со всем тем, что принято относить к жизненным достижениям.

С другой стороны, более чем скромным оказывается нарастание удовлетворенности некоторыми иными сторонами жизни — такими, например, как возможности расширения культурного кругозора или содержания досуга. Мера удовлетворенности кругом повседневного общения для нынешнего момента не выше, чем для прошлого.

Исходя из расхожего представления о счастье, естественно было ожидать, что итоговые самооценки удовлетворенности жизнью и «ощущения счастья» в целом все же взлетят вверх. Но нет! Правда, наши инженеры несколько чаще, чем говоря о времени обучения в вузе (впрочем, ненамного чаще!), характеризуют обстоятельства своей жизни как благоприятные. Что же касается счастья... Выясняется, что признающих себя счастливыми ныне среди опрошенных не больше, чем счастливых тогда, когда они работали и учились.

Показательна следующая пропорция, выявленная специальным анализом. Свыше тридцати пяти процентов инженеров, судя по их ответам, теперь чувствуют себя «менее счастливыми» чем раньше. Около сорока процентов сегодня счастливы «не более», чем в годы учебы. И лишь у четверти опрошенных счастья как будто «прибавилось».

Вот лишнее подтверждение тому, что счастье — не в достижении и обладании. Его нельзя выводить как сумму нескольких благополучно изменяющихся социальных переменных. Все отмеченные признаки жизненного благоустройства — в лучшем случае более или менее важные условия для счастья, но не его слагаемые, ибо слагаемых у счастья нет, потому что счастье — это не сумма достижений, а состояние. Счастье — это... Но погоди-те, секрет счастья пока еще не раскрыт и до рецептов дело не дошло.

Не владеть, а овладевать

Говорят, что дети — прирожденные гедонисты, они умеют быть счастливыми, здоровый инстинкт им подсказывает, что счастье не в том, чтобы

владеть, а в том, чтобы овладеть новым предметом, постигать его устройство, узнавать, что у него внутри, что он может и чего «не умеет» делать. В процессе познания и овладения эти маленькие счастливицы буквально снимают сливки удовольствия, ломая новую игрушку. Страсть к овладению настолько велика, что она преодолевает страх перед наказанием.

Не эта ли страсть к овладению (не к обладанию!) выделила человека из мира животных? Не в том ли первое человеческое стремление, чтобы понять и подчинить себе силы природы вместо того, чтобы приспособиться к ним? По-видимому, психология стремления к «достижению» и обладанию начала развиваться с появлением частной собственности. В капиталистическом обществе она стала господствующей.

«Достижения», фиксированные в материальном достатке, богатстве, стали поистине всеобщим мерилем преуспевания. Однако теперь уже не надо долго доказывать, что преуспевание и успех не то же самое, что счастье и удовлетворенность жизнью. Иначе американские кинодивы никогда не кончали бы самоубийством, а миллионеры были бы самыми счастливыми жителями планеты (как и некоторые халифы).

Именно поэтому люди, ориентированные на «достижения», в итоге нередко оказываются разочарованными и чувствуют себя обманутыми.

Ошибочно думать, что личность взрослого человека есть нечто неизменное, не требующее развития, так что зрелому человеку ничего более уже не остается, как нести свою раз навсегда сформировавшуюся личность через изменяющиеся жизненные обстоятельства. Личность нельзя представлять также как сосуд, который можно непрестанно наполнять знаниями и опытом, обеспечивая тем самым ее (личности) «углубление» и «обогащение».

Наши наблюдения показывают, что на протяжении жизни человека личность нуждается в многократных структурных преобразованиях. По-видимому, в каждый этап или период жизни (характеризующиеся своими конкретными жизненными целями, кругом занятий, направленностью интересов) личность проходит три фазы развития.

Первая фаза — **«овладение»**. Это пора подчинения себе внешних обстоятельств. Сама новизна объекта (новая работа, учеба, хобби, семья, любовь и т. д.) требует постоянного принятия решений. Каждый шаг сопряжен с выбором, подлежит осмыслению, превращается в Поступок.

Вторая фаза — **«плато»**. Здесь наступает относительное равновесие и включаются инерционные механизмы. Навыки усвоены, знания получены, новая сфера деятельности обжита, взаимное узнавание закончилось, все меньше шероховатостей в отношениях, в мелочах достигнут удобный автоматизм. Все меньше элементов риска, эксперимента, усилий.

Третья фаза — **«приспособление»** либо **«взрыв»**. Человек начинает ощущать психологический и именно поведенческий «недогруз» (творческий, познавательный и т. д.). Действия, ранее требовавшие решений, риска, выбора, становятся рутинными, поступки вытесняются «текучкой», собственно деятельность сменяется функционированием. Она утомляет, не принося радости.

Далеко не всегда человек рискует сменить сферу преимущественной вовлеченности. Зачастую он, увы, боится расстаться с миром внешнего благополучия, пренебрегая благополучием внутренним. А иные решаются на жизненную перемену, уходят на новую работу или поступают в вуз, аспирантуру, находят себе новую область творчества, отваживаются полюбить или перейти в отстающую бригаду. Тогда прежняя структура личности «взрывается», на ее месте возникает новая — личность как бы обновляется.

Не каждый может «бросить все» и уехать на целину, на БАМ, перейти в отстающую бригаду или заняться творчеством, это не так просто сделать. Но каждый может решить насущную проблему развития своей личности, например продолжить образование. Учеба — один из наиболее благородных и престижных способов выхода из кризисного состояния личности.

Учеба дает ощущение перспективы, устремленности в будущее. Это как бы овладение будущим. Учеба тонизирует, навязывает напряженный ритм жизнедеятельности, способствует росту самоуважения. Конечно, учиться и работать трудно, но кто сказал, что счастье — это легко?

Как самое радостное и светлое в памяти обследованных нами инженеров-выпускников, бывших заочников и вечерников, сохранилось именно то, что связано с напряжением, познавательными нагрузками, овладением. Дадим им слово:

«Прекрасная пора! В жизни есть цель! Стремись ее достичь. Это делает тебя более организованным и собранным»... «Постоянная загруженность, нехватка времени, увлеченность начатым делом»... «Состояние занятости, целеустремленности, широкий круг общения»... «Было трудно, но интересно познавать новые науки»... «Постоянное насыщение новым, цейтнот, бессонные ночи, желание знания свои применить на практике»... «Напряжение жизни»... «Постоянная нехватка времени, а вместе с тем всюду успевали»... «Самое интересное, что на все хватало времени».

Тут все психологические компоненты счастья: ощущение перспективы, увлеченность, интерес, целеустремленность, собранность, загруженность, нехватка времени и победа над временем — овладение ситуацией. Именно отсюда — «чувство молодости, энергии, дружбы, товарищества, стремительный бег времени, быстрый водоворот жизни».

Но счастье — это не вещь, которую можно всегда хранить при себе. Окончен институт, получен диплом, достигнута заветная цель, преодолен очередной рубеж, но впереди еще целая жизнь, и счастлив в ней тот, кто сумел найти новое увлечение, новую цель, новую перспективу, загруженность, собранность, новую нехватку времени и новые победы над временем...

«Не то» счастье

А если ничего этого найти не удалось? Прежняя работа перестала увлекать, никаких существенных жизненных перемен не предвидится,

кажется, что и учиться уже больше «нечему», а главное «незачем». Структура личности стареет. Возникает психологическое напряжение, которое разные люди снимают по-разному. Чаще всего напряжение снимается, точнее — снижается — за счет снижения претензий.

Происходят и другие социально-психологические метаморфозы.

Здесь уместно рассказать о результатах сопоставления «внутренних структур» жизнеощущения обследованных нами инженеров в разные периоды их жизни. Одни и те же вопросы задавались каждому в прошедшем, настоящем и будущем времени.

Вопросы такие (для минувшего периода обучения без отрыва от производства):

«Считаете ли Вы, что...

...обстоятельства жизни в этот период складывались для Вас благоприятно?

...в эти годы Вам удавалось удовлетворять свои материальные потребности?

...в эти годы Вам удавалось удовлетворять свои культурные потребности?

...в этот период жизни Вам удалось развить свои способности?

...в этот период жизни Вам удавалось свои способности реализовать?

...в это время Вы были счастливы?»

Аналогичный блок вопросов — применительно к современному периоду жизни, и почти такой же — по поводу жизненных ожиданий...

Справка

Использовалась стандартная 7-пунктовая шкала: 1 — «это совсем не так»... 4 — «нечто среднее (трудно сказать)»... 7 — «это так и есть». Для будущего времени: 1 — «уверен, что будет не так»... 4 — «нечто среднее (трудно сказать)»... 7 — «уверен, что так и будет».

(Эта методика, позволяющая получить комплексную характеристику жизнеощущения — ретроспективного, актуального и прожективного — является оригинальной и впервые применена авторами настоящей статьи.)

Читателю уже известно, что сегодняшняя жизненная ситуация оценивается нашими инженерами позитивно («обстоятельства складываются позитивно») несколько чаще, чем прежняя, а счастливых сегодня не больше, чем счастливых вчера. Добавим к этому: число считающих, что им сегодня удастся удовлетворять свои материальные потребности, вдвое больше, чем число удовлетворивших их раньше, а для культурных потребностей рост показателя удовлетворенности оказывается куда менее значительным. А как же развитие и реализация способностей? Тут просто удивительная стабильность массовой самооценки (разумеется, при том, что у кого-то эта самооценка от прошлого к настоящему возрастает, у кого-то снижается, и лишь у 35–40% остается неизменной).

Итак, жизнь наших героев, бывших студентов-вечерников, а ныне инженеров, в целом «улучшилась», их потребности удовлетворяются все

полнее; правда, их способности развиваются и реализуются как будто «не больше», чем прежде. А счастливых поубавилось... Судите сами, чего людям не хватает для счастья.

Но главный интерес представляют все же качественные, структурные изменения, происходящие в жизнеощущении личности. Эти качественные изменения видны со всей отчетливостью, если проанализировать, как сопрягаются друг с другом ответы наших героев на уже известные читателю вопросы.

(В математической статистике это называется корреляционным анализом. Вычисляемые при этом коэффициенты связи показывают, часто или редко, случайно или закономерно позитивные ответы на один вопрос сочетаются с позитивными же ответами на другой, соответственно, негативные ответы — с негативными.)

Жизнеощущение человека в период учебы без отрыва от производства, как правило, отличается целостностью. Все компоненты этого жизнеощущения тесно связаны между собой. «Ощущение счастья» предстает производным из благоприятных жизненных перспектив, реализации способностей, их саморазвития, «на службе» у которого стоит удовлетворение материальных потребностей.

Немало людей, которые были счастливы вопреки тому, что их материальные потребности удовлетворялись не в полной мере. Развитие и реализация способностей — вот чем обусловлено «тогдашнее» счастье.

Жизнеощущение того же человека пять-десять лет спустя приобретает своеобразную «разорванную» структуру. В ее графическом изображении усматриваются две автономные части. В одной — по-прежнему тесно связанные друг с другом реализация и развитие способностей. В другой — не менее тесно связанные друг с другом удовлетворенность жизненной ситуацией в целом и «мера счастья», с которой теснейшим образом связано удовлетворение материальных потребностей.

Счастливым здесь оказывается скорее тот, кто наиболее полно удовлетворяет свои материальные потребности. Развитие и реализация способностей отходят на второй план, они как бы на периферии интересов человека. Это уже в буквальном смысле «не то» счастье.

Из чисто методических соображений мы не рискнули спросить, ожидают ли наши герои счастья впереди. Но все остальные вопросы о будущем были заданы. И здесь выяснилась принципиальная и, в известном смысле, обнадеживающая особенность «прожективного» жизнеощущения.

Для будущего благоприятность жизненной ситуации теснейшим образом связывается уже не с удовлетворенностью материальных и даже культурных потребностей, а — вновь — с развитием способностей и их реализацией. Вот, оказывается, какого счастья хотелось бы!

Сказанное, разумеется, не следует понимать буквально, в том смысле, что каждый ждет своего «звездного часа». Многие как раз уже и не ждут, и их низкая самооценка перспектив развития и реализации способностей

обеспечивает низкую же итоговую самооценку жизненных перспектив в целом. Но нас сейчас интересовало не то, ожидают ли для себя «лучшего» или «худшего», а то, с чем связывается очередное ожидание.

Подведем краткий итог. В воспоминаниях наших инженеров-выпускников удовлетворенность жизнью (равно как и связанное с нею «ощущение счастья») тем выше, чем больше развивались и реализовались способности; в их оценке настоящего она оказывается обусловленной главным образом удовлетворением личных потребностей (прежде всего — материальных); в их жизненных ожиданиях — удовлетворенность тем ниже, чем менее вероятна новая жизненная самоактуализация личности.

Но у иных она наверняка состоится.

Человек, решившийся на ту или иную жизненную перемену (и тем самым обеспечивший вступление своей личности в очередную фазу «овладения»), становится в значительной мере хозяином своей судьбы. Человек, не сумевший быстро выйти на новый жизненный рубеж, становится целиком зависимым от внешних обстоятельств.

* * *

О людях, которые умеют «ловко устраиваться», говорят, что они умеют жить. Это неверно. Умеет жить тот, кто умеет жить так, как живут, например, многие студенты — вечерники и заочники. Но можно ли так прожить всю жизнь?

Чтобы разобраться в этом, мы берем углубленные интервью у наших выпускников, совершенно счастливых и не очень счастливых. Кропотливо сравнивая разные периоды в жизни каждого, мы надеемся понять, почему одни счастливы, а другие нет. Итоги этого исследования подводить еще рано. Но уже ясно, что счастье — это всегда подъем в гору, это усилие, напряжение, победа над собой и над обстоятельствами, это преодоление и овладение.

Разумеется, продолжение образования — далеко не единственный «рецепт» счастья. Но сейчас, когда широко дискутируются проблемы так называемого «непрерывного образования» — образования на протяжении жизни, этот избранный нами пример («оселок» для оттачивания определенного взгляда!) приобретает особую актуальность.

Итак, будьте счастливы именно сегодня!

Не откладывайте свое счастье до той поры, когда окончательно, бесповоротно добьетесь своего, достигнете цели, результата, успеха, финиша. Когда, наконец, получите диплом, защитите диссертацию, женись на любимой, изобретете новое устройство, купите заветный автомобиль. Будьте счастливы сегодня.

Не торопитесь наживать
Того, с чем жаль расстаться.
Не бойтесь вовремя бросать,
Не бойтесь заново начать,
Не бойтесь начинаться!²⁴

²⁴ Стихи С. Ф. Минаковой.

Потому что счастье — это даже не только овладение внешними обстоятельствами, это прежде всего преодоление пределов, которые нам ставит собственная стареющая структура личности. Потому что только **овладевая** действительностью, человек создаст себя.

(А. Алексеев, С. Минакова. Способ быть счастливым (социально-психологический этюд) // Нева, 1982, № 3)²⁵

6.4.2. Преодолевать пределы (Призыв к себе самому)

[Ниже — извлечения из романа Г. Гессе «Игра в бисер». Выписки сделаны в марте 1983 г. — А. А.]

<...> Когда-то, еще будучи студентом он заполнил эти листки стихотворными строчками. <...> Он написал их в один из тех особенных дней, когда его посетило душевное состояние, называемое им пробуждением.

Четко на самом верху был написан заголовок: «TRANSCENDERE!» [преодолевать пределы — лат. — А. А.]. Впоследствии, в другое время и в другом расположении духа появился другой заголовок, гласивший: «Ступени». <...> (Г. Гессе. Игра в бисер. М., 1969, с. 365–366)

Ступени

Любой цветок неотвратимо вянет
В свой срок и новым место уступает:
Так и для каждой мудрости достанет
Час, отменяющий ее значенье.
И снова жизнь душе повелевает
Себя перебороть, переродиться,
Для неизвестного еще служенья
Привычные святыни покидая, —
И в каждом начинании таится
Отрада благодатная и живая.
Все круче поднимаются ступени,
Ни на одной нам не найти покоя,
Мы вылеплены божьею рукою
Для долгих странствий, не для косной лени.
Опасно через меру пристраститься
К дано налаженному обиходу:
Лишь тот, кто вечно в путь готов пуститься,
Выигрывает бодрость и свободу.
Как знать, быть может, смерть, и гроб, и тленье —
Лишь новая ступень к иной отчизне.
Не может кончиться работа жизни...
Так в путь — и все отдай за обновленье!

(Там же, с. 428–429)

²⁵ Вышеприведенная статья — «Способ быть счастливым» — была одной из трех работ «тандема» С. Минакова — А. Алексеев на эти темы, опубликованных в массовой печати в начале 80-х. См. также: Алексеев А., Минакова С. «Скажи мне, чем ты увлечен?» (проблема с острым сюжетом) // Литературное обозрение, 1980, № 9; Минакова С., Алексеев А. Овладение специальностью и овладение собой // Молодой коммунист, 1982, № 10.

Ремарка: прочтения разных лет.

В более распространенном сегодня переводе С. Анта это стихотворение звучит иначе:

*«Цветок сникает, юность быстротечна, / И на веку людском ступень любая, / Любая мудрость временна, конечна, / Любому благу срок отмерен точно. / Так пусть же, зову жизни отвечая, / Душа легко и весело простится / С тем, с чем связать себя посмела прочно, / Пускай не сохнет в косности монашьей! / В любом начале волшебство таится, / Оно нам в помощь, в нем защита наша. / Пристанищ не искать, не приживаться, / Ступенька за ступенькой, без печали, / Шагать вперед, идти от дали к дали, / Все шире быть, все выше подниматься! / Засасывает круг привычек милых, / Уют покоя полон искушенья. / Но только тот, кто с места сняться в силах, / Спасет свой дух живой от разложенья. / И даже возле входа гробового / Жизнь вновь глядишь, нам крикнет клич призывный, / И путь опять начнется непрерывный... / Простись же, сердце, и окрепни снова». (Г. Гессе. *Игра в бисер*. СПб.: Азбука, 2000, с. 385–386).*

Однако именно в первом варианте перевода «услышал» я, в свое время, Германа Гессе.

Сегодня стоит добавить к этим выпискам, тогда «не замеченное», обсуждение этих стихов героями «Игры в бисер» — самим Магистром музыки Кнехтом и его другом Тегуляриусом. См. ниже. (Сентябрь 2000).

[Тегуляриус. — А. А.]:

*<...> Стихотворение это никогда, в общем-то, не нравилось мне, потому что в нем есть какая-то властная нравоучительность и назидательность. <...> Заглавие «Ступени» неплохо передает его суть; но с таким же и даже с бóльшим правом вы могли бы назвать его «Музыка» или «Сущность музыки». Ведь, если убрать тот резонерский, назидательный тон, останется, собственно, размышление о сущности музыки, или, пожалуй, хвалебная песнь музыке, ее постоянной сиюминутности, ее веселости и решительности, ее подвижности, ее неутомимой решимости и готовности спешить дальше, покинуть пространство или отрезок пространства, куда она только что вступила. <...> В том виде, в каком оно *[это стихотворение. — А. А.]* существует, оно, по-моему, не только слишком нравоучительно и назидательно, но и уязвимо из-за одной логической ошибки. Оно, только ради нравственного воздействия, отождествляет музыку и жизнь, что по меньшей мере сомнительно и спорно, делая из естественного и свободного от нравственности порыва — а это и есть движущая сила музыки — «жизнь», стремящуюся воспитывать и развивать нас призывами, приказами и напутствиями. <...>*

[Кнехт. — А. А.]:

<...> Может быть, ты прав! — сказал он полушутливо. — Во всяком случае, ты прав насчет отношения этого стихотворения к музыке. Образ «от дали к дали» и главная мысль моих стихов идут и правда от музыки,

а я этого не знал и не замечал. Загубил ли я эту мысль и искажил ли этот образ, не знаю; возможно, ты прав. Когда я сочинял эти стихи, речь ведь в них шла уже не о музыке, а об одном ощущении, что эта прекрасная музыкальная метафора показала мне свою нравственную сторону и стала во мне призывным кличем, зовом жизни. Повелительная форма этого стихотворения, которая тебе особенно не нравится, не говорит о желании приказывать и поучать, ибо **приказ, призыв обращен к себе самому** [*здесь и далее выделено мною. — А. А.*]. Даже если бы ты и так не знал это, дорогой мой, ты мог бы вычитать это из последнего стиха. Итак, я что-то понял, узнал, открыл для себя и **хочу втолковать, втемашить смысл и мораль своего открытия себе самому**. Поэтому-то стихотворение и застряло у меня в памяти — хоть и без моего ведома. Хороши эти стихи или плохи, цели своей они, стало быть, достигли, их призыв продолжал жить во мне и не был забыт. Сегодня он опять звучит для меня как бы по-новому; это прекрасное ощущение, твоя насмешка его не испортит. <...>

(Г. Гессе. *Игра в бисер*. СПб.: Азбука, 2000, с. 331–332).

6.4.3. Из «Письма к дочери, когда она вырастет»

[Ниже — одна из заметок Романа Ленчовского, обнаруженных мною в своем архиве, вместе с его письмами первой половины 80-х гг. — А. А.]

<...> Недоговариваем в себе, про себя, берем истины нравственные как бы взаимно, будто пущены они были «в оборот», а не сказаны опять-таки «про себя» — о себе, хотя бы и с надеждой быть услышанными...

Федор Михайлович Достоевский: «...Счастье личности есть вольное и желательное отрешение ее, лишь бы другим было лучше» (о «бесах»).

*Почему бы не возникнуть «соблазну» стать безусловным «творцом своего счастья» (как это ни банально звучит), «осчастливив» или, по меньшей мере, «одарив» собою ближнего? Но не все так просто с этой максимой, положенной в основу тысячелетних идеалов... Решаешь суверенно: «сниму с себя рубашку». Это можно. А вот **чтобы отдать — нужно, чтобы приняли**. Что же — о душе говорить! Если же «отдавать» себя «всему человечеству», то и вовсе не понятно, как можно надеяться на «счастье»: совершенно очевидно, что такая самоотдача очень мало связана с понятием **тебя как Лица**.*

*Счастье — это цель для лица, ибо не может оно быть *[только. — А. А.]* результатом личной деятельности. Счастье — дар, который сумели принять, **взаимодарение и взаимоприятие**.*

*На «самоотдаче» как принципе, «законе счастья» останавливаться в своем нравственном развитии нельзя. Это монизм, парадоксально игнорирующий «другого», хотя и хлопочет о нем. «Отдавать» себя, — но только без всякого самообнадеживания насчет собственного и всех «осчастливливаемых» лиц счастья. **Отдавать — как быть.***

Целью же может быть только достойная жизнь, выполнение долга как реализация собственного понятия о жизни, о своем «предназначении». <...>
Р. Л. [начало 1984 г. — А. А.]

Ремарка: интегральное представление о счастье.

...Очень глубоко и точно сказано Романом Ленчовским: «Счастье — дар, который сумели принять!»

Интересно, что в моих собственных рассуждениях тех лет на эту тему, включая вышеприведенный опыт социально-психологического рассмотрения «проблемы счастья», последнее трактуется довольно эгоцентрично. В полемике с «потребительской», «достижительной», «целевой» трактовкой («счастье — сумма достижений» и т. п.) выдвигалась «деятельностная», «экзистенциальная», «процессная» трактовка счастья как апофеоза духовно-практического овладения миром, «преодоления пределов», подчинения себе (опять же — себе!) как внешних, так и внутренних («внутри-себя...») обстоятельств, и т. д.

Между тем, пожалуй, не менее значимо и перспективно представление о счастье как процессе *жизненной самоотдачи*, выходя за пределы эгоистического «я»; можно сказать — «альтруистическая трактовка» счастья, или «доминанта на Лицо другого», по А. А. Ухтомскому.²⁶

При таком переструктурировании «пространства» счастья оказывается, что: и «достижительная» стратегия — не так уж ущербна (возможно достижение, которого ждешь от тебя другой...); и «деятельностная» — не бессорна (тут ведь можно и другого «осчастливить», против его желания...); и даже самоотдача для другого (других) имеет смысл лишь тогда, когда... «дар принят» (как справедливо замечает мой друг).

Тогда приходим к интегральному представлению о счастье, которое, как нам кажется, близко к швейцарскому «благоговению перед жизнью»:

«Я есть жизнь, которая хочет жить среди жизни, которая также хочет жить».

...А дочь моего друга — Анна Ленчовская — выросла. Сейчас она — студентка психологического факультета Киевского университета. (Май-декабрь 2000).

6.4.4. Счастье, или как я был хорошим (8 марта 1943 г.)

[Ниже — один из цикла рассказов «Про меня маленького (рассказы для Саши)» моего друга и коллеги Анри Кетегата.²⁷ — А. А.]

Когда я был маленький, я очень боялся оказаться плохим. Потому что, если я не слушался, мама сердилась и говорила: «Ты не мой сын. Мой сын хороший мальчик». Я пугался, что меня подменили, и, вцепившись в маму, кричал: «Я твой! Мама, я твой сын!». И со страху начинал слушаться.

²⁶ См., в частности, уже цитировавшиеся письма А. А. Ухтомского к Е. И. Бронштейн-Шур (20–30-е гг.). См. также: Ухтомский А. А. Интуиция совести. Письма. Записные книжки. Заметки на полях. СПб., 1996.

²⁷ См. о нем ранее, в главе 5: раздел «Все мы, Серега, лошади. Стреноженные. Но ржем по-разному...».

Жили мы втроем: мама, я и совсем большая сестра Неля, которая уже ходила в школу. А папы не было. Плохие люди посадили его в тюрьму и там мучили, хотя он ни в чем не был виноват. Но это я узнал, когда подрос, а пока думал, что папа в длительной командировке.

Потом эти люди забрали и маму, и мы стали жить с тетей Любой, маминой сестрой. Тетя Люба работала в мужской парикмахерской. Она там стригла и брила почти одних только солдат и офицеров, потому что шла война и почти все дяди были солдатами или офицерами. Я очень гордился тем, что тетя Люба помогает военным. Когда идет война, все военные герои, и шетина на их мужественных лицах отрастает потому, что им некогда бриться, надо стрелять.

Целыми днями тетя Люба делала героев красивыми. Неля полдня училась в школе и еще полдня что-то шила в швейной мастерской. За это ей давали рабочую карточку, по которой в магазине хлеба отрезали больше, чем по детской.

Они работали, а я их ждал. Я их ждал и хотел есть. Я так хотел есть, что даже не играл, да и не во что было играть. По карточкам игрушек не давали, а купить было не на что. Я хотел есть и прилипал носом к оконному стеклу, высматривая ближе к вечеру тетю Любу и Нелю.

Но однажды я отлип от окна. Я решил быть хорошим и встретить моих кормилиц не только голодными глазами. Это было в женский праздник, 8 марта 1943 года.

Я надумал вымыть пол. Как мою пол, я, правда, не очень знал, но дело-то, в общем, нехитрое. Ну вот стоит на столе кувшин с кипяченой водой. Для питья. Но если эта вода годится для питья, то уж для пола-то тем более...

Я вылил весь кувшин на пол и принялся тряпкой гонять воду по комнате. Что дальше надо делать, я не знал. «Высохнет», — решил я, лег на диван и стал смотреть, как сохнет пол.

...Проснулся я от лязга ведра. Босая тетя Люба шлепала по лужам, собирая тряпкой воду. Я обмер: вот-те на! Не высохло! Но тетя Люба почему-то не выглядела сердитой. Похоже, даже наоборот. Она увидела, что я проснулся, и совсем не страшно замахнулась на меня тряпкой: «Что, труженик? Устроил наводнение и дрыхнуть завалился?».

Тут пришла и обомлела Неля. Я рассказал им, как мыл пол. И тогда они стали хохотать. Они так хохотали, что в глазах появились слезы. Тетя Люба забыла, что у нее в руке, и вытерла слезы грязной тряпкой. Тут уж и я расхохотался.

Мы смеялись — и забыли про войну и про хлебные карточки. Про то, что у меня нет игрушек, у Нели теплых ботинок, а у тети Любы мужа, который пропал на фронте. Мы смеялись, и нам было хорошо. Так хорошо, что я даже почувствовал, как где-то у меня внутри, на свободном от хлеба месте появилось что-то такое, что, наверно, называется счастьем.

Потому что я почувствовал себя хорошим. Как мама хотела.

А. Кетегат, 1995

* * *

...Счастье нечто совсем-совсем иное, чем представляют себе те, кто его не знает... Я никогда не считал счастье чем-то веселым и легким, а всегда чем-то таким же серьезным, трудным и строгим, как сама жизнь, — и, может быть, я **подразумеваю под ним** саму жизнь. Я его не «выиграл», оно мне не «выпало» — я его **взял на себя**, повинувшись некоему чувству долга, некоей морали, некоему врожденному императиву...

«Счастье» — это **служение**... Я ничего себе не облегчил. Счастье, **мое** счастье, **мое** счастье — это слишком в высокой степени переживание, волнение, познание, мука, оно слишком чуждо покою и слишком родственно страданию...

Томас Манн. Из письма брату Генриху. 1904. (@)

...Настоящее, подлинное, на всю жизнь незабываемое счастье человек переживает лишь в эти напряженные и мучительные моменты подъема и труда, когда он хоть временно выходил из себя и видел то, что выше его!..

А. А. Ухтомский. Из письма к И. И. Каплан. 1923

(цит. по: А. Ухтомский. Интуиция совести. Письма.

Записные книжки. Заметки на полях. СПб., 1996, с. 222)

...В качестве чувствующего, говорящего, жестикулирующего, я порожаю мое «здесь» как некий круг близости. В качестве слушающего я воспринимаю не просто другого, но именно «**его**-здешность» или «**твою**-здешность»... Круги **здешности** партнеров по диалогу должны пересечься, без этого общего «здесь» (участка совместности), видимо, не обойтись. Но каждая реплика, идущая оттуда, освещает область вокруг моего партнера, моя же в этот момент пребывает затененной. Потом происходит обратное.

...Голос, взятый сам по себе, источник в темноте, создает свой расширяющийся круг, заботясь обо всех сразу, но ни о ком отдельно. Так было бы, если бы голос вдруг не срывался, не иссякал, не пропал внезапно. Но он пропадает, и тогда, храня его в уме — мысленно поддерживая его — я в самом деле оказываюсь адресатом, который ловит эту искру в бескрайнем поле...

Б. Ф. Шифрин. О ситуационных аспектах коммуникации

(Цит. по: Проблемы общения в пространстве тотальной

коммуникации. Международные чтения по теории,

истории и философии культуры. Вып. 6. СПб.: Эйдос, 1998)

6.5. Человек, смотрящийся в часы (По стопам А. А. Любищева)

...Обеднением, отвлечением, отвержением действия нельзя достигнуть полноты и высшего богатства бытия. Для того, чтобы дойти до последнего, или по крайней мере, чтобы стать на его пороге, необходимо пройти все ступени не одного только познания, но и совершения. Для этого нет иного пути, как овладения временем путем создания своего подвластного времени. Для этого надо ввергнуться всем существом в пучину жизни, завоевать ее целостным и всесторонним действием...

Валериан Муравьев. Овладение временем как основная задача

организации труда. 1924 (Цит. по: В. Н. Муравьев.

Овладение временем. М.: РОССПЭН, 1998, с. 295).

Время есть другое название для жизни...

Валериан Муравьев. Мысли и афоризмы (Там же, с. 283).

6.5.1. Система «времяпользования» А. А. Любищева и возможности ее применения и развития

[Ниже — рассказ о том, как социолог-испытатель пытался, на рубеже 70–80-х гг., следовать системе «времяпользования» А. А. Любищева, о которой впервые узнал из книги Д. А. Гранина «Эта странная жизнь».

Эта статья, в сокращенном виде, под названием «Концептуализированная самофотография бюджета времени как способ индивидуальной рефлексии», была опубликована в сборнике: Проблемы социального познания и управления. Томск, 1984.

Здесь публикуется по тексту рукописи 1983 г. — А. А.]

После опубликования документальной повести Даниила Гранина «Эта странная жизнь» в 1974 году [1; 2] стал широко известен эксперимент, поставленный на самом себе нашим выдающимся современником, ученым-энциклопедистом, биологом, философом Александром Александровичем Любищевым [3]...

Ремарка: кем был Любищев.

Вклад А. А. Любищева (1890–1972) в науку далеко выходит за пределы собственно биологических дисциплин, в которых он специализировался (энтомология, сельскохозяйственная наука, генетика, биометрия, морфология и систематика живого, эволюционная теория), — и является также крупнейшим общенаучным и общекультурным вкладом: философия природы, история и методология науки, гносеология, история и философия культуры, эстетика, этика, экономическая и политическая история, литературоведение... Список — не исчерпывающий! (Декабрь 1999).

...Это пример человека, отважившегося собственной жизнью если не решить, то поставить фундаментальную проблему **отношений человека со временем**.

На протяжении десятилетий, изо дня в день, А. А. Любищев вел кропотливый и неуклонный учет своего «времяпользования» в соответствии с выработанной им для себя **системой**. Эта система предполагала не только особым образом организованный хронометраж собственной жизни, но и регулярный самоотчет и оценку жизненной продуктивности...

Ремарка: учет, самоотчет и планирование.

Система «времяпользования» А. А. Любищева включала в себя:

*а) **учет**, с точностью до 5 минут, затрат времени на всякое конкретное занятие;*

*б) **самоотчет** — ежемесячная и ежегодная статистика времени, посвященного основной научной работе: научному творчеству, чтению специальной литературы, научной переписке, — а также временных затрат на другие виды занятий: лекции, доклады, чтение художественной литературы, чтение газет, личная переписка и т. д. (что не относилось Любищевым к основной работе);*

*в) **планирование** «времяпользования» — на месяц, на год.*

Результаты: в среднем за день — из года в год — порядка 5 часов только «основной» научной работы. Точность выполнения планов на год — до 1%. (Декабрь 1999).

...Вот как об этом пишет Д. А. Гранин:

...Для Системы нужно было знать **все деятельное время**, со всеми его закоулками и проблемами. Система не признавала времени, негодного к употреблению. Время ценилось одинаково дорого. Для человека не должно быть времени плохого, пустого, излишнего. И нет времени отдыха. Отдых — это смена занятий, это как правильный севооборот на поле... В этом была своя нравственность, поскольку любой час засчитывается в срок жизни, они все равноправны, и за каждый надо отчитаться... ([4], с. 35).

...Любищев вглядывался в отчет как в зеркало. Амальгама этого зеркала отличалась тем, что отражала не того, кто есть, а того, кто был, только что минувшее. В обычных зеркалах человек под собственным взглядом принимает некое выражение, не важно какое — главное, что принимает. Он — тот, каким хочет казаться...

У Любищева отчет беспристрастно отражал историю прожитого года. Его Система в свои мелкие ячи уплавливала текущую, всегда ускользающую повседневность, то Время, которого мы не замечаем, недосчитываемся, которое пропадает неведь куда... ([4], с. 41–42).

...Меня поражала у Любищева смелость, с какой он обращался с плотью времени. Он умел ее осязать. Он научился обращаться с пульсирующим, ускользающим «теперь». Он не боялся измерить тающий остаток жизни в днях и часах. Осторожно он растягивал Время, сжимал его, стараясь не уронить, не потерять ни крошки. Он обращался с ним почтительно, как с хлебом насущным, ему и в голову не могло прийти — «убивать время». Любое время для него было благом. Оно было временем творения, временем познания, временем наслаждения жизнью. **Он испытывал благоговение перед временем** (выделено мною. — А. А.). Оказалось, что жизнь вовсе не так коротка, как это считается. Дело тут не в возрасте и не в насыщенности трудом. Урок Любищева состоял в том, что можно жить каждой минутой часа и каждым часом дня, с постоянным напором отдачи... ([4], с. 88).

...Через свою Систему он изучал себя, испытывал: сколько он может писать, читать, слушать, работать, размышлять? Сколько и как? Не перегружая себя, не взваливая не по силам, он шел по кромке своих способностей, оценивая их все более точно. Это был безостановочный путь самопознания... ([4], с. 105).

В итоге своего анализа «этой странной жизни» Д. А. Гранин делает следующий важный, обобщающий вывод:

...Автор убежден, что проблема разумного, человеческого обращения со временем становится все настоятельнее. Это не просто техника экономии, проблема эта помогает понять человеку смысл его деятельности. Время — это народное богатство, такое же, как недра, лес, озера. Им можно пользоваться разумно, и можно его губить. Так легко его проболтать, проспаться, истратить на бесплодные ожидания, на погону за модой, на выпивки, да мало ли. Рано или поздно в наших школах начнут учить детей «временипользованию». Автор убежден, что с детства надо воспитывать любовь к природе и любовь ко времени. И учить, как беречь время, как его находить, как его добывать... ([4], с. 112).

К сожалению, нам неизвестны ни (кроме Д. А. Гранина) попытки осмысления замечательного опыта А. А. Любищева [здесь автор проявил неосведомленность; см., например, [5]. — А. А.], ни попытки практического воспроизведения — хотя бы использования основных идей его Системы [а вот об этом — и по сей день автор никакой информацией не располагает. — А. А.]. Возможно, отпугивает как раз максимализм, уникальность, недосыгаемость этого жизненного примера.

Проблема использования жизненного времени ставится сегодня и в научной литературе. В этом плане, как нам кажется, особого внимания заслуживает диссертационная работа С. Ф. Минаковой [6].

Позволим себе еще одно пространное цитирование:

...В целом бюджет времени индивида имеет рамки и ограничения, которые объективно заданы: физические границы суток и более длительных временных периодов, ограничения, накладываемые биологической природой человека (время, затрачиваемое на удовлетворение физиологических потребностей), структурные ограничения, задаваемые общественным способом производства (соотношение рабочего и вне рабочего времени, социальные ритмы труда и отдыха и т. п.). Однако в этих объективно заданных временных рамках активно действующий индивид относительно свободен.

Как объект воздействия природы и общества человек зависит от указанной структурно-временной регламентации, как субъект деятельности он стремится к ее преодолению, сообразно своим потребностям и интересам. Социально активный «человек, в котором его собственное осуществление выступает как внутренняя необходимость, как нужда» (Маркс К. и Энгельс Ф. Из ранних произведений. М., 1956, с. 596), как бы «прогибает» жесткие рамки физического, биологического и социального времени (выделено мною. — А. А.). Раздвигаются рамки именованного бюджета времени, в которых реализуется общая направленность личности... ([6], с. 12).

...Из наших исследований явствует, что большая часть дополнительного свободного времени затрачивается индивидом на основное, доминирующее занятие, с которым он идентифицирован. Величина свободного времени, оставшегося на другие занятия, может рассматриваться как обратный показатель силы направленности личности. Таким образом, данные бюджета времени позволяют выявить объект идентификации личности, систему предпочтений, общую направленность личности, а также силу этой направленности... ([6], с. 13–14).

Вряд ли есть необходимость дальше разворачивать перекличку между выводами художественного и научного исследований, между углубленным анализом уникального случая (Д. А. Гранин — об А. А. Любищеве) и попыткой выявить универсальный социально-психологический механизм (С. Ф. Минакова).

Еще в 1920–30-х годах А. А. Ухтомский, отправляясь от своей психофизиологической теории доминанты, пришел к важнейшим обобщениям, связанным с понятиями «доминанты», «хронотопа» и др., позволяющим научно поставить проблему взаимоотношений человека со временем. Не углубляясь сейчас в эту тему, укажем лишь на посмертную публикацию «Писем» А. А. Ухтомского, которые содержат очень ценные наблюдения и глубокие замечания в этой связи [7].

Однако в настоящей работе не ставится задача обзора всей имеющейся литературы по данному вопросу.²⁸

Опыт А. А. Любищева выступает примером «предельного» овладения человеком структурой жизнедеятельности (и тем самым — структурой собственной личности). Это — осознанное использование «времени жизни».

²⁸ Ретроспективно, пожалуй, самым значительным событием в истории исследований проблемы отношений человека со временем являются лишь недавно извлеченные из забвения труды замечательного русского философа Валериана Муравьева (репрессированного в конце 20-х гг.). См.: *Муравьев В. Н.* Овладение временем. М.: РОССПЭН, 1998.

(Труды В. Муравьева, думаю, не были известны Д. А. Гранину, в пору написания им «Этой странной жизни», иначе он наверняка включил бы их в круг своего рассмотрения, обсуждая «феномен Любищева».)

В этом подстрочном примечании мы вынуждены ограничиться лишь упоминанием имени Муравьева, а также одной, пионерной среди опубликованных о нем работ: *Аксенов Г. П.* Времявласность (О Валериане Муравьеве и его философии) // Вопросы философии, 1992, № 1.

ни» с **максимальным коэффициентом полезного действия** в рамках определенного, наиболее отвечающего интересам и способностям, вектора деятельности субъекта. Научная работа (кстати сказать, на совершенно оригинальных, небывалых стыках разных наук!) — вот предмет «общей (поведенческой) направленности личности» этого человека, пользуясь терминологией С. Минаковой.

Но разве иные способы самореализации личности не могут быть столь же ответственными и нравственно организованными?

Представляется важным выделить из уникального опыта А. А. Любищева именно универсальные элементы. К ним, на наш взгляд, могут быть отнесены: **систематизированная рефлексия и жизненный самоотчет**, с использованием широко известной (но применяемой с другими целями) методики **самофотографии бюджета времени**.

Вообще говоря, ауторефлексия, деятельность самопознания является глубинной человеческой потребностью. Одни живут, «как трава растет», другие довольно жестко программируют свою жизнь. Но почти нет людей, которые совсем не размышляли бы о собственной жизни. В тех случаях, когда указанная рефлексивная потребность субъекта достаточно развита и размышление о жизни претендует стать действенным, можно попробовать пойти по стопам Любищева. Но не слепо копируя его Систему, а отправляясь от ее основных идей.

В 1978 году автор этих строк, находясь под сильным впечатлением опыта А. А. Любищева, представленного в книге Гранина, разработал методику «концептуализированной самофотографии бюджета времени», которую назвал — **«Время жизни»**. Эта методика создавалась «для личного пользования». Автор решается теперь ее рекомендовать, лишь опробовав на самом себе в течение трех лет. Начнем с изложения нескольких исходных принципов, положенных в основание методики.

Принцип первый: осознание чрезвычайного многообразия способов полноценного самоосуществления личности, в соответствии с разнообразием индивидуальных человеческих способностей и склонностей, а также конкретных жизненных обстоятельств. При этом предполагается принципиальный отказ от «статусно-престижной» оценки тех или иных видов деятельности и их результатов (скажем, научная работа есть деятельность «ценная», а занятия домашним хозяйством — будто бы нет). Иначе говоря, признается относительное **равноправие** различных «объектов идентификации» или ведущих направлений деятельности (кроме, разве что, тех, которые имеют отчетливо выраженный асоциальный характер).

Принцип второй: взаимное соответствие временной структуры повседневной деятельности и социально-психологической структуры личности конкретного человека. Следует признать, что **каков способ использования человеком своего времени, таков и он сам** (в данный период своей жизни). В противном случае человек предпринял бы усилия для осуществления жизненной перемены, которая позволила бы иначе распоряжать-

ся своим временем. Этот второй принцип непосредственно вытекает из цитированной выше концепции С. Минаковой и рассматривается в ряде наших с нею совместных работ (см. [8], [9], [10]).

Принцип третий: доверие к способности человека достаточно надежно различить: деятельность, которая является для него **самоценной, осмысленной, свободной**, и деятельность **«инструментальную», не свободную, вынужденную**. (О той и другой можно сказать словами Маркса: первая — «свободное проявление жизни и поэтому наслаждение жизнью», а вторая — «возлагается на меня под давлением лишь внешней случайной нужды, а не в силу внутренней необходимой потребности» ([11], с. 36)).

И, наконец, принцип четвертый: признание того, что человек способен оптимизировать структуру своей жизнедеятельности, с точки зрения так или иначе поставленных жизненных целей, опираясь при этом на самокритичный анализ названной структуры жизнедеятельности.

Здесь следует оговорить, что дихотомия: **свободная** (самоценная) и **инструментальная** (вынужденная) деятельность — производится нами в социально-психологическом смысле. Эти категории не следует отождествлять, скажем, с категориями не отчужденного и отчужденного труда, представленными в философии (хотя определенные точки соприкосновения тут наверняка имеются). Тем более, наша дихотомия не имеет ничего общего с общепринятым в социологических методиках бюджета времени различием рабочего и вне рабочего времени, равно как и рабочего времени и времени досуга. Внутри **любого** из названных подразделений жизненного времени могут быть обнаружены элементы и целые зоны как свободной, так и вынужденной деятельности (в нашем смысле).

Перефразируя известное замечание Маркса, можно сказать, что время свободной (самоценной) деятельности есть главное мерило богатства личности. Человек по-настоящему самореализуется в деятельности, отвечающей ведущей поведенческой и ценностной направленности его личности (какова бы ни была эта направленность: на работу, на семью, на развлечения и т. д.). Именно здесь он **свободен** («не свободен», разве что, от самого себя). Тут он — хозяин, во всем же остальном — так или иначе подчинен жизненным обстоятельствам.

Как могут реализоваться эти общие принципы в конкретной методике? Нами разработана и опробована схема самофотографии бюджета времени, позволяющая, без особого напряжения, фиксировать ценностное **содержание, место и продолжительность** всякой деятельности в течение дня. Хронометраж — примерный, с точностью не до минут, а до получаса. Поэтому достаточно делать необходимые записи в конце дня (на худой конец — в начале следующего дня, пока помнится).

При этом ключевым подразделением деятельности (в течение дня) является то, что выше определялось как свободная (самоценная) и вынужденная (не свободная) деятельность.

В рамках зоны свободной деятельности различаются следующие категории:

- **творчество**;
- **восприятие**;
- **общение**.

Подчеркнем, что и то, и другое, и третье — трактуются нами как принципиально самоценные.

Конечно же, воспринимать что-либо, равно как и общаться с кем-либо, можно и «поневоле». Но такое «квазивосприятие» или «квазиобщение», в сущности, полноценными не являются. Что касается «вынужденного творчества», то это и вообще нонсенс (хотя импульс для творчества может быть не обязательно внутренним; но дальше уже от субъекта зависит, захочет ли он, сможет ли — включить в это занятие творческий элемент или мотив).

В обычных методиках бюджета времени используются так называемые объективные классификации (например, на досуге человек может: «читать», «смотреть телевизор», «заниматься спортом» и т. д.). Здесь — иное. Сущность, ценностное содержание деятельности могут быть выявлены лишь **через субъективную оценку**. То есть — через усмотрение самим человеком, является ли данная деятельность для него свободной либо вынужденной.

Понятно, что, по-видимому, одно и то же занятие (например, выполнение производственных обязанностей или домашний труд) может находить у человека различные субъективные определения в различных обстоятельствах. Но одна из главных задач методики как раз и состоит в выяснении соотношения свободы и несвободы в каждом конкретном виде деятельности. И — соответственно — пропорций различных видов занятий в зонах несвободы и свободы.

Универсальным измерителем выступает **время**. Бывает, что однозначная оценка конкретной деятельности в качестве самоценной или вынужденной — затруднительна. Тогда целесообразно либо дальнейшее квантование, дробление деятельности на отдельные элементы, либо условный перевод соотношения свободы и несвободы во временные пропорции, в рамках данного занятия.

Следует иметь в виду, что границы и между такими категориями, как творчество, восприятие, общение, всегда размыты (ведь и общение, и восприятие могут быть творческими; восприятие может осуществляться в ходе общения; и т. д.). Отсюда необходима выработка определенных (разумеется, условных, но единообразно применяемых самим субъектом) критериев определения того, что именно в данном занятии преобладает. Или же — условно распределить суммарную продолжительность занятия между разными рубриками.

Что касается **места** деятельности, то здесь классификация вполне объективная. В нашей методике различаются:

- **работа** (имея в виду место основной работы);
- **дом** (имея в виду собственное жилище);

— **учреждение** (всякое «не домашнее» помещение, исключая место основной работы; сюда входят и любое «присутственное» место, и, скажем, магазин или кинотеатр);

— **гости** (имея в виду любое жилище, кроме своего собственного);

— **транспорт** (любое средство передвижения);

— **улица** (пешее перемещение или просто пребывание вне помещения, кроме «природы»);

— и, наконец, **природа** (для городского жителя — пребывание за городом).

Простейшая матрица (образцы подневных записей см. в Приложении) позволяет единообразно и компактно отразить всю эту информацию на карточке или листе не больше тетрадного формата.

Такова общая схема. В принципе, не возбраняется фиксировать (скажем, на обороте карточки) конкретное занятие, иную содержательную информацию (скажем, читал — **что**; общался — **с кем**; и т. д.). Автор этих строк, как правило, так и делал. То есть — совмещал свою «концептуализированную самофотографию бюджета времени» с заметками для памяти, краткими дневниковыми записями. Эта информация полезна для последующего самоанализа. Особенно же важно сочетать самофотографию бюджета времени с параллельной (встроенной в нее) регистрацией значимых событий своей жизни в этот период. В таком случае данные хронометража становятся доступнее для истолкования, самооценки.

Чем более квантована деятельность, чем конкретнее предмет оценки, тем более вероятно, что эта оценка будет **адекватной**. Определить час или даже день своей жизни как «наслаждение жизнью» или как «насилие над собой» — можно надежнее, чем целую прожитую неделю, месяц, год. Простейшей процедурой накапливания материалов ежедневной самофотографии бюджета времени человек обретает возможность самопознания.

Обработка результатов такого самонаблюдения — элементарна. Данные суммируются понедельно, помесечно и т. д. Искомые соотношения категорий, пропорции свободы и несвободы могут быть усмотрены и из этих суммарных данных. Но еще удобнее приводить итоговую картину к показателям **среднесуточного времени**, уделяемого, скажем, творчеству, восприятию, общению, затрачиваемого на вынужденную деятельность и т. д. Или же — еще более дробно — измерять среднесуточное время творчества, скажем, дома и вне дома, время, проводимое на природе или в транспорте, и т. п.

Понятно, что время сна фиксируется объективно. Что касается времени на удовлетворение физиологических нужд (еда, личная гигиена), то оно специально не регистрируется, а условно отождествляется с «зоной неопределенности», или остатком от вычитания из времени суток (24 часа) суммарного времени свободной и несвободной деятельности, а также времени сна. В нашем опыте этот остаток составлял обычно час-полтора.

Ниже приводятся усредненные **для целых лет** (в данном опыте — три года) данные о среднесуточном использовании времени автором этих строк, полученные с помощью данной методики.

Таблица

Структура времяпользования А. А.	1979	1980	1981
Время сна	7,9	7,6	7,4
Время свободной (самоценной) деятельности	10,6	12,3	12,4
в том числе:			
— творчество	2,5	4,5	4,2
— восприятие	4,3	4,3	4,8
— общение	3,8	3,5	3,4
Время вынужденной (не свободной) деятельности	3,9	2,7	2,4
Не учтенные временные траты (включая удовлетворение физиологических нужд)	1,6	1,4	1,8
<i>Итого:</i>	24,0	24,0	24,0

Для интерпретации этой картины данных следует учитывать одно **значимое событие жизни субъекта**, ведшего такой хронометраж. Как раз на рубеже 1979 и 1980 годов произошла существенная жизненная перемена, а именно — смена места и характера основной работы, инициативный переход автора из ролевой позиции научного сотрудника академического института в позицию рабочего на заводе (в целях исследования производственной жизни изнутри, «глазами рабочего»). Наша методика позволила выявить (и в известном смысле измерить) структурные сдвиги в системе жизнедеятельности субъекта в новых условиях.

Понятно, что использованные нами категории анализа (творчество, восприятие, общение) получают существенно различное предметное наполнение в ситуациях работы в научном институте или в качестве рабочего на заводе. Со сменой работы возникли новые объекты и формы творчества, новые предметы восприятия, круги общения и т. д. Например, к профессионально-научному и общекультурному восприятию добавилось наблюдение ситуаций производственной жизни. Появилось социально-организационное и техническое творчество. Но сохранилась также и преемственность, в частности — в ведении традиционной научной работы (по совместительству или же на общественных началах).

С учетом задач нашего самонаблюдения (анализ соотношений времени свободной и вынужденной деятельности, а также временных пропорций творчества, восприятия и общения), различное предметное наполнение категорий деятельности вовсе не делает некорректными диахронические сопоставления. Из таблицы видно, что от 1979 к 1980 году более чем на 1,2 ч среднесуточного времени сузилась зона несвободы и на 1,7 ч расширилась зона свободы. Причем прежде всего — за счет увеличения времени, уделяемого творчеству.

(Здесь заметим, что для среднесуточного показателя изменение продолжительности занятий, относящихся к определенной категории

деятельности, на 1–2 часа — это очень много! Увеличение времени творчества чуть не вдвое — это еще более радикальное переструктурирование жизнедеятельности.)

Примечательно, что специальное выделение такого вида творчества, как научно-литературная работа, показало, что затраты времени на нее, в итоге указанной жизненной перемены, не уменьшились, а возросли. Соответствующие показатели (не отраженные в таблице): 1979 г. — 2,5 ч; 1980 г. — 3,1; 1981 г. — 2,4. Скачок вверх от 1979 к 1980 году может показаться парадоксальным, однако поддается объяснению, с учетом условий производственной занятости в первый год работы на заводе.

Наш опыт использования настоящей методики позволяет сформулировать несколько практически испытанных правил, или **способов интерпретации** получаемых результатов. Вот они.

Правило первое. Конкретные виды деятельности, составляющие преобладающее наполнение зоны свободы, достаточно точно указывают на общую (поведенческую) направленность личности субъекта (в терминах С. Минаковой). Методика позволяет не только идентифицировать эту направленность, но и отчасти измерить ее «силу».

Правило второе. Преобладание времени вынужденной деятельности над временем деятельности самоценной (или относительный дефицит последней) может рассматриваться как предупреждение или свидетельство жизненного кризиса. В таком случае уместно активное вмешательство субъекта в ход и течение собственной жизни. Необходимы жизненные шаги, направленные на перестройку всей структуры жизнедеятельности.

Правило третье. Для каждого человека складываются свои, отвечающие складу его характера и жизненным интересам, соотношения времени творчества, восприятия и общения. Однако в общей тенденции они должны быть сбалансированы. Относительный дефицит какой-либо из категорий деятельности не только дискомфортен, но и существенно обедняет, как бы выхолащивает остальные.

Можно сделать следующий **общий вывод**: методика «Время жизни», в случае достаточно развитой рефлексивной способности субъекта и высокой заинтересованности в трезвой самооценке и оптимизации своего способа жизни, открывает определенные возможности не только для самопознания, но и для саморегуляции жизненного процесса.

Проведенный нами методический эксперимент позволяет во всяком случае утверждать, что опыт А. А. Любищева, уникальный, как всякое открытие, вовсе не является не воспроизводимым. Этот опыт заслуживает как дальнейшего философско-этического осмысления, так и развития в научно-методическом и чисто прикладном планах.

В заключение предоставим слово самому А. А. Любищеву:

...Моя система способствует повышению продуктивности работы и вместе с тем является эквивалентом санатория... Путем постоянной тренировки я значительно увеличил свою работоспособность и потому я рекомендую попытаться применить эту систему в порядке опыта.

Каковы достоинства этой системы? 1) Повышение эффективности. Это иллюстрация к словам поэта: «Ты сам свой высший суд». Она приучает к точному учету всего того, что проделано, и к самоконтролю. 2) Полезно отражается на здоровье, избавляет от скуки, от возможности говорить, что «делать нечего». 3) Самокритика, самопонимание увеличивает тогда, когда вы видите, насколько вы правильно используете любое время... ([12], с. 14).

По утверждению самого А. А. Любищева, его система

...пригодна для тех, кто в известном смысле сходен со мной по следующим признакам: главный интерес в жизни — научная работа, не профессия, а основное содержание; большие поставленные перед собой задачи, требующие разносторонних знаний; с возрастом не сужение интересов, а, наоборот, все продолжающееся расширение... ([12], с. 9).

Конечно, ограничения, накладываемые А. А. Любищевым на применимость его Системы, справедливы. Слепое копирование всякого индивидуального опыта малоперспективно. Нашу методику «**Время жизни**» мы тоже не рекомендуем воспроизводить «один к одному». Но возможность пойти по стопам Любищева открыта для всякого человека, ищущего самопознания и самосовершенствования.

Литература

1. Гранин Д. А. Эта странная жизнь // Аврора, 1974, №№ 1, 2.
2. Гранин Д. Эта странная жизнь. М., 1974.
3. Александр Александрович Любищев. 1890–1972 / Под ред. П. Г. Светлова. Л.: Наука, 1982.
4. Гранин Д. Эта странная жизнь / Гранин Д. Выбор цели. М., 1975.
5. Время — союзник или враг? Диалоги о повести Д. Гранина «Эта странная жизнь» ведет критик Виктор Дмитриев — с учеными Н. Амосовым, Р. Баранцевым, С. Мейеном, Р. Хохловым, Ю. Шрейдером, а также с автором // Вопросы литературы, 1975, № 1.
6. Минакова С. Ф. Бюджет времени и общая направленность личности (по материалам исследования отношения рабочих и инженеров к продолжению образования). Автореф. канд. дисс. Л., 1979.
7. Ухтомский А. А. Письма / Пути в неизвестное. Писатели рассказывают о науке. Вып. 10. М.: Советский писатель, 1973.
8. Алексеев А., Минакова С. «Скажи мне, чем ты увлечен?..» // Литературное обозрение, 1980, № 9.
9. Алексеев А., Минакова С. Способ быть счастливым (социально-психологический этюд) // Нева, 1982, № 3.
10. Минакова С., Алексеев А. Овладение специальностью и овладение собой // Молодой коммунист, 1982, № 10.
11. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 42.
12. Любищев А. А. Такая добровольная каторга // Химия и жизнь, 1976, № 12.

А. Алексеев, июнь 1983²⁹

²⁹ См. также: Алексеев А. Н. Система «времяпровождения» (смысловая опечатка; надо: «время-пользования». — А. А.) А. А. Любищева и возможности ее применения и развития / Любищевские чтения. 1999. Ульяновск: Ульяновский гос. педагогический университет, 1999.

* * *

От автора — сегодня

«...Тот, кто однажды столкнулся с Любищевым, будет снова возвращаться к нему, — писал Д. Гранин в своей повести «Эта странная жизнь». — Автор заметил это не только по себе, но и по многим людям, число которых растет» (Д. Гранин. Эта странная жизнь. М., 1974, с. 184).

Здесь следует сказать, что система «времяпользования» А. А. Любищева является лишь одной из сторон удивительного человеческого и культурного феномена — гения, отраженный свет которого пал и на автора настоящей книги.

...Через год после того, как была написана вышеприведенная работа («Самофотография бюджета времени как способ индивидуальной ауторефлексии»), уже в 1984-м, состоялась знаменательная для меня **встреча** — начало дружбы с математиком и философом Рэмом Георгиевичем Баранцевым. Тот на протяжении многих лет переписывался с Любищевым.

(Любищев последние 20 лет своей жизни жил и работал в Ульяновске; Баранцев — живет и работает в Санкт-Петербурге.)³⁰

Из письма А. А. Любищева к Р. Г. Баранцеву (29. 11. 79):

«...Я давно думал, а сейчас укрепился в своем мнении, что Вас я считаю в случае смерти (возможно недалеко) моим душеприказчиком, стоящим в самом первом ряду претендентов на получение моего архива (довольно значительного). К таким идейно мне особенно близким людям я отношу (исключая лиц, мне близких по возрасту, так как в силу своего возраста они не являются надежными душеприказчиками) Юлия Анатольевича Шрейдера в Москве и Михаила Давидовича Голубовского в Новосибирске...». (Цит. по: А. Любищев. Линии Демокрита и Платона в истории культуры. СПб.: Алетейя, 2000, с. 5) Из воспоминаний Ю. А. Шрейдера:³¹

«...В октябре 1972 г. мне довелось участвовать в разборе архива скончавшегося за полтора месяца до этого в возрасте 82-х лет Александра Александровича Любищева... И вот мы троим (Р. Г. Баранцев — профессор Ленинградского университета — и двое москвичей С. В. Мейен и я) едем в Ульяновск, чтобы вместе с учениками А. А. Любищева В. С. Шустовым и Р. В. Наумовым решить судьбу оставшегося архива и библиотеки...» (Ю. Шрейдер. Три жизни профессора Любищева / Пути в неизвестное. Писатели рассказывают о науке. Сб. 14. М., 1978, с. 393–394).

Архив Любищева (2000 печ. листов), включающий неопубликованные научные труды, переписку, дневники, был впоследствии депонирован его дочерью Еленой Александровной Равдель (ныне покойной) и его «душеприказчиками» в Санкт-Петербургское отделение Архива РАН (фонд № 1033).

...Ныне, благодаря усилиям Р. Г. Баранцева и других младших друзей и учеников Любищева, творческое наследие замечательного ученого-энциклопедиста и мыслителя стало активно осваиваться.

Здесь ограничим перечислением **только монографических** публикаций А. А. Любищева, появившихся за последние 20 лет:

³⁰ О Рэме Георгиевиче Баранцеве подробно см. в главе 8: раздел «Дело Баранцева». Интермедия». См. также и др. разделы этой книги.

³¹ Выдающийся математик и философ, и тоже энциклопедист — Юлий Анатольевич Шрейдер скончался в 1998 г.

— *Проблемы формы, систематики и эволюции организмов*. М.: Наука, 1982; *Дисперсионный анализ в биологии*. М.: МГУ, 1986; *Каким быть (мое пожелание молодежи)*. Основной постулат этики. Двух станоев не боец. Партийность культуры. О морали, браке, любви. Ульяновск, 1990; *В защиту науки*. Л.: Наука, 1991; *Материалы в помощь начинающим научным работникам*. Ульяновск: УГПИ, 1991; *Расцвет и упадок цивилизаций*. Ульяновск-Самара: Русский лицей, 1993; *Мысли о многом*. Ульяновск: УГПУ, 1997; *Линии Демокрита и Платона в истории культуры*. М.: Электрика, 1997; А. А. Любичев — А. Г. Гурвич. *Диалог о биополе*. Ульяновск: УГПУ, 1998; *Этика ученого*. Ульяновск: УГПУ, 1999; *Линии Демокрита и Платона в истории культуры*. СПб.: Алетейя, 2000; *Наука и религия*. СПб.: Алетейя, 2000.³² (Во всех перечисленных изданиях имя Любичева — на титуле).

Суммарный объем этих посмертных публикаций уже далеко превысил объем прижизненных.

Литература о Любичеве на русском языке сегодня превышает 100 наименований. Еще в 1982 г. в биографической серии АН СССР вышла книга: Александр Александрович Любичев. 1890-1972. Л.: Наука, 1982. Недавно вышла книга: А. А. Любичев. *Творческий портрет*. Ульяновск: Симбирская книга, 2001, — включающая, среди прочего, 30 откликов на анкету натуралиста, философа и поэта Ю. В. Линника о Любичеве, распространенную им в 1977 г.

До 1990 г. Любичевские чтения, посвященные биологическим, общенаучным и философским проблемам, происходили в основном в Ленинграде и в Москве. Ныне центр этих чтений переместился в г. Ульяновск.

В 1990 г. (год столетия со дня рождения Любичева) на стене старого корпуса Ульяновского педагогического института (ныне Ульяновский гос. педагогический университет) был открыт мемориальный горельеф.

В апреле 2002 г. в Ульяновске состоятся очередные (уже четырнадцатые!) Любичевские чтения. Оргкомитет этих чтений в Ульяновском педагогическом университете (в составе: проф. Р. В. Наумов, доц. А. Н. Марасов, доц. В. А. Гуркин) является постоянно действующим.

«**Три жизни Любичева**»... По мысли Ю. Шрейдера, первая жизнь профессора Любичева — это «жизнь квалифицированного творческого специалиста в сравнительно узкой области, биологии»; вторая жизнь (после выхода на пенсию в 1955 г.) — «потрачена на осмысление и разработку методологических проблем науки, далеко выходящих за пределы собственно биологии».

«...То, что произошло потом [после смерти Любичева. — А. А.] не назывешь иначе как третьей жизнью, — пишет Ю. Шрейдер, — внезапно открылся масштаб творческой личности, возник массовый интерес к наработанному Любичевым запасу идей и к его личности».

Все это не похоже ни на ритуальное почитание памяти, ни на иллюзорное бессмертие застывших идей. Мысли Любичева не стали каноном. Пишущие о нем и работающие в его направлении продолжают диалог. То, во что трансформируются в дальнейшем идеи Любичева, может оказаться неожиданным для самого Александра Александровича.

³² Последние две фундаментальные работы А. А. Любичева вышли под редакцией Р. Г. Баранцева.

Может в этом наилучшая форма бессмертия, которое наука дарит тем, кто ее делал...» (Ю. А. Шрейдер. *Три жизни профессора Любичева / Пути в неизвестное*. Писатели рассказывают о науке. Сб. 14. М., 1978, с. 397).

И еще — значимое в контексте настоящей книги — замечание Ю. Шрейдера: «...Почти ровесник А. А. Любичева М. М. Бахтин (живший по странной случайности в Саранске — совсем близко от последнего места обитания Любичева) создал теорию диалога как способа познания человека. Любичев фактически осуществлял диалог в естествознании и в познании природы науки как человеческой деятельности...» (Ю. А. Шрейдер. *Указ. соч.*, с. 396).

Это писано (точнее сказано — напечатано) в 1978-м. А вот из «Заметок» Ю. Шрейдера о Любичеве, датированных январем 1973 г., т. е. лишь полгода после того, как Любичева не стало:

«...Александр Александрович Любичев прожил долгую, светлую и преисполненную радости жизнь».

С первым аспектом, вероятно, согласится любой человек средних лет, когда срок 82 года кажется еще достаточно большим.

Второй естественно приходит в голову всем, хоть немного знавшим покойного.

С третьим не согласятся очень многие. Этим многим Александр Александрович представляется человеком, незаслуженно обиженным судьбой, не оцененным по достоинству, обойденным почестями, известностью.

И все-таки я готов настаивать на том, что жизнь Александра Александровича была преисполнена **радости** (выделено мною. — А. А.), что в ней не было ничего пустого, ненужного, мелкого. Он не был наивным человеком, создающим себе иллюзию счастья. Вряд ли последнее понятие имело для него смысл. Но он жил поиском и отстаиванием истины и пребывал в радостном состоянии духа, которым заражал своих собеседников и корреспондентов...» (цит. по: Любичевские чтения. 1999. Ульяновск, 1999, с. 8).

Воистину так! (Июнь 2000 — ноябрь 2001).

6.5.2. Время жизни и триада свободной жизнедеятельности

[Особенно в последние годы автору этих строк приходилось неоднократно обращаться к «любичевской теме». В частности, в 1999—2001 гг. быть участником Любичевских чтений, ежегодно проходящих в г. Ульяновске.

В докладе, подготовленном для XIV Любичевских чтений (апрель 2002), осуществлена «ревизия» давней авторской классификации категорий деятельности в «зоне свободы» (творчество, восприятие, общение).

Ниже фрагмент из этого доклада, одноименного с названием этого раздела. — А. А.]

Из доклада для XIV Любичевских чтений (2002)

<...> Автор полагал тогда и сейчас исходит из той предпосылки, что индивидуальная человеческая жизнедеятельность есть некий сплав и одновременно конфликт **свободы** (она же — «внутренняя необходимость» и глубинная человеческая потребность) и **несвободы** (она же — «внешняя необходимость», обусловленность или заданность биологической приро-

дой человека и социальными обстоятельствами). Первая есть не что иное как действительное самоосуществление личности, а вторая эмпирически представлена теми сторонами жизни, без вовлеченности в которые «не обойтись» ищущему самореализации субъекту. Примем за отправной пункт нашего рассуждения тезис о принципиальном различии свободной (самоценной) и вынужденной («инструментальной») деятельности, в пределах всякого конкретного жизненного процесса.

Разумеется, это различие не абсолютно, ни в объективном, ни в субъективном отношениях. В объективном — поскольку самоценная и «инструментальная» деятельности сплошь и рядом тесно переплетены, взаимопроникают друг друга. В субъективном же — поскольку человек далеко не всегда отдает себе отчет в соотношении свободы и несвободы как в отдельных своих жизнепроявлениях, так и в собственной жизни в целом.

Однако идеальное разграничение этих двух аспектов жизнедеятельности возможно. И даже (как показал, в частности, наш опыт) они поддаются измерению путем самофотографии бюджета времени, учитывающей временные траты на занятия, которые человек определяет для себя как желанную (а стало быть — свободную) либо не желанную (а стало быть — вынужденную) деятельность.

Понятно, что такие самоопределения крайне субъективны. Но кому же, как не самому действующему субъекту, лучше судить — где и когда он свободен (делает то, что хочет), а где и когда несвободен (подчиняется «внешней нужде»!)

Тут надо сказать, что вовсе не обязательно быть «высокоразвитой» или «творческой» личностью, чтобы степень свободы жизнедеятельности в изложенном смысле была высока. Человек может находить удовлетворение и даже радость (скажем, «покой и волю») — и в, по-видимому, вынужденных бытовых занятиях, и в малосодержательных видах труда, и в примитивнейших формах отдыха, и в общественно не одобряемых формах поведения. Но как бы ни понимать свободу, в любом случае ее (не всегда артикулируемая) ценность для человека исключительно велика. Это, повторим, одна из глубинных человеческих потребностей. (В ряд с нею можно поставить, скажем, потребность в понимании, потребность любви, потребность самосохранения.)

Каковы же основные направления действительного самоосуществления личности, главные «русла» свободной жизнедеятельности? В нашей методике хронографического самонаблюдения конца 70-х гг. в качестве ключевых понятий были взяты: **творчество, восприятие и общение**. Эти общие категории операционализировались в методике, названной «Время жизни» и обращенной к самому себе, следующим образом. <...>

[Здесь опущено описание эмпирических характеристик свободной деятельности, в основном повторяющее сказанное в работе 1983; см. выше. — А. А.]

Понятно, что абсолютно разграничить эти три аспекта свободной жизнедеятельности невозможно. Скажем, чтение хорошей книги — это «сотруд» души (и постольку — творчество). Творчество часто осуществляется

в процессе общения, диалога. Само по себе собеседничество естественным образом предполагает восприятие и, вместе с тем, является творческим актом. И т. д., и т. п.

Но для нашего эксперимента такое различие направлений или «векторов» свободной жизнедеятельности оказалось не только эвристически ценным, но и «удобным»: оно работало!

Итак: время жизни человека, оказывается, можно идеально (а если сделать ряд условных допущений, то и эмпирически) подразделить на «зону несвободы» (вынужденная деятельность, включая также суррогаты творчества, восприятия и общения, осознаваемые субъектом в качестве таковых) и «зону свободы». В последней представлены «истинные» творчество, восприятие и общение как элементы свободной жизнедеятельности.

(Здесь не станем углубляться в вопрос о «мере свободы» физиологического поддержания человеческого существования. Понятно, что в «полное» время жизни входит и сон, и личная гигиена, и прием пищи, и физическая релаксация, в рамках нашей методики выведенные за рамки предложенной классификации.)

Обращаясь сегодня к изложенной выше концептуальной схеме, нахожу, что использованный мною в свое время термин «восприятие» неадекватен в одном ряду с «творчеством» и «общением». Теоретически корректно говорить о **познании, общении и творчестве** как элементах триадической глубинной структуры свободной жизнедеятельности. (Указанные выше эмпирические референты «восприятия» могут быть в равной мере отнесены и к «познанию».)

Как видно, двадцать с лишним лет назад, разрабатывая упомянутую ауторефлексивную методику, автор стихийно (как господин Журден, говорящий прозой, не ведая о том) сделал шаг на пути к тринитарной методологии. Когда, позднее (в середине 80-х), посчастливилось встретиться с Р. Г. Баранцевым и познакомиться с его трудами, у автора этих строк возникло предположение, что триада: познание, общение, творчество, — может рассматриваться как системная.

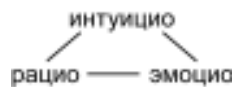
В частности, указанная структура представляется соответствующей открытому Р. Баранцевым триадному архетипу: **рацио, эмоцио, интуицио** (см. Баранцев Р. Г. Динамика как путь к синтезу / Семиодинамика. Труды семинара. СПб., 1994, и др. работы этого автора). В соединении рационального (явственно выраженного в познании), эмоционального (наиболее сильно представленного в общении) и интуитивного (всегда присутствующего в творчестве) аспектов достигается целостность самореализации личности как субъекта свободной жизнедеятельности. «В системной триаде каждая пара находится в соотношении дополнительности, а третий элемент задает меру со-единения» (Баранцев Р. Г. Тринитарный смысл культуры / Культура XXI века: Человек, Общество, Космос. Владивосток, 1996, с. 64).³³

³³ Подробнее об этом см. в приложениях к главе 8: раздел «Р. Г. Баранцев. Фрагменты о системных триадах».

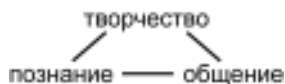
Ремарка: **системная триада** — изображение на плоскости.

Воспользуемся здесь предложенным Р. Г. Баранцевым способом графического изображения системной триады в виде правильного (равнобедренного) треугольника:

Триадный архетип (1)

Системная триада (2)

Если принять треугольник (2) за основание тетраэдра, то вершина этого последнего обозначит результат синтеза показанных здесь трех элементов: **свободная жизнедеятельность**. (Январь 2002).

Интересно, что давнее хронографическое самонаблюдение показало, в частности, что не просто расширение «зоны свободы» (за счет усилий по сокращению «зоны несвободы») потребно субъекту жизни. Относительный дефицит какого-либо одного из названных направлений или аспектов деятельности в процессе жизни (в тот или иной ее период) не только психологически дискомфортен для самосознающей личности, но и существенно обедняет, как бы выхолащивает остальные, эмпирически преобладающие. То есть необходим определенный (разумеется, не универсальный, а индивидуально изыскиваемый) «баланс», а также **внутренняя связанность** познания, общения и творчества, чтобы жизнь человека была гармоничной, осмысленной и эффективной.

<...> Подводя итог, можно сказать, что действительная свобода и целостность человеческого самоосуществления возможны лишь при условии воплощения в нем указанного триединства.

Возвращаясь же к «феномену Любичева», отметим: А. А. Любичев был гением Познания, Общения и Творчества, а точнее — их синтеза. При этом вся его жизнь являет для нас пусть недостижимый, но вдохновляющий пример свободной жизнедеятельности.

А. Алексеев, декабрь 2001

6.5.3. Будьте независимы! (Заветы Любичева)

Каким быть (мое пожелание молодежи)

<...> И вот я думаю, что я все-таки имею право дать совет молодым людям на их жизнь. Мой совет: **будьте независимы** [здесь и далее выделено мною — А. А.], и этот совет можно понимать в разных смыслах:

1. **Независимость от окружающих.** «Ты сам свой высший суд». Это вовсе не означает презрения к людям или культа собственной личности. Это просто означает, что высшим арбитром в решении спорных вопросов должны быть собственные разум и совесть.

2. **Независимость от условий среды.** Очень часто в оправдание обывательского загнивания приводят слова: «среда заела», говорят о скуке и однообразии тех или иных условий существования. Но мы знаем множество примеров, когда человек, усиленно работая над собой, преодолевая самые неблагоприятные условия, не только достигал хорошего среднего уровня, но подымался по своим результатам и по своему умственному развитию высоко над окружающим уровнем.

3. **Независимость от узкой специализации.** Специализация необходима и неизбежна, но это не влечет за собой разделения всего человечества на узких специалистов. Есть хорошее изречение: надо знать все кое о чем и кое-что обо всем. Умственная культура человека должна строиться не в одном направлении и не в одной плоскости, а по крайней мере в двух-трех, взаимоперпендикулярных направлениях; такой принцип осуществляет связь разных специальностей и обуславливает целостность и прочность всего мировоззрения человека.

4. **Независимость от догматов любого сорта:** если можно говорить о бесспорном выводе из истории человеческой культуры, то любое, самое прогрессивное учение, переходя в неподлежащий критике догмат, из стимула развития превращается в тормоз развития. <...>

А. А. Любичев, 25.01.56

(Цит. по: А. А. Любичев. Каким быть (мое пожелание молодежи). Основной постулат этики. Двух станов не боец. Партийность культуры. О морали, браке, любви. Ульяновск, 1990; см. также: XII Любичевские чтения. Ульяновск, 2000, с. 85).

6.6. «Время жизни»: результаты самонаблюдения и их обсуждение

[Ниже — материалы, относящиеся к применению методики «Время жизни» до и в период эксперимента социолога-рабочего (1979–1981). — А. А.]

6.6.1. Самофотография жизненного времени как обоснование жизненной перемены

Ремарка: отчет «для внутреннего пользования».

Среди публикуемых в этой книге текстов есть такие, о существовании которых автор начисто забыл и вот теперь случайно обнаружил в своем архиве. К ним относится и нижеследующий — приложение к научно-организационному отчету за 1979 г.

Сам по себе этот отчет был довольно насыщенным: семь публикаций; столько же подготовленных к печати работ; около десятка докладов на научных семинарах и конференциях; несколько научно-практических записок для партийных органов (жанр, особенно популярный в то время); четыре командировки (от Тынды до Будапешта).

Но вот инициативное приложение к отчету — «**Опыт самофотографии рабочего и жизненного времени социолога, ст. науч. сотрудника академического института на протяжении 300 дней (январь-октябрь 1979)**».

Этот документ «для внутреннего пользования», адресованный научному руководителю (В. А. Ядов), начинается с расчета количества рабочих дней, соответственно — количества часов, проведенных в помещении института и вне его. Далее следует самоанализ «временипользования». (Сентябрь 1999).

<...> Из общего фонда жизненного времени, А. в период с января по октябрь 1979 г. затрачивал в среднем за сутки:

- на сон — 7 час. 55 мин. ;
- на удовлетворение иных физиологических потребностей (прием пищи, личная гигиена) — 1 час 40 мин. ;
- на содержательную (свободную, осмысленную) профессиональную деятельность — 5 час. 00 мин. ;
- на бессодержательную (вынужденную) профессиональную деятельность — 2 час. 00 мин. ;
- на содержательную деятельность, не связанную непосредственно с работой («досуг») — 5 час. 30 мин. ;
- на бессодержательную деятельность, не связанную непосредственно с работой — 1 час. 55 мин.

Итого: 24 час. 00 мин.

Итак:

1. В течение рассматриваемого периода (300 дней) субъект затрачивал на профессиональную деятельность в среднем 7 часов в сутки, или в 1,4 раза больше положенного по сетке рабочих часов. (В среднесуточный расчет входят и выходные, и праздники).

2. Около 30% этого времени (2 часа в сутки) были заняты бессодержательной, бессмысленной (с точки зрения субъекта) деятельностью.

3. Остальные 70% этого времени (5 часов в сутки) затрачены на относительно содержательную, осмысленную деятельность (в той мере, в какой субъекту удавалось сделать ее таковой).

4. В структуре времени профессиональной содержательной деятельности около 40% (2 часа в сутки) приходится на профессиональное творчество и примерно по 30% (по 1,5 часа в сутки) на профессиональное восприятие и профессиональное общение.

5. Время содержательного досуга у субъекта оказалось несколько больше времени содержательного труда и составило 5 час. 30 мин. в сутки. (Около 45 мин. из них приходится на ту часть времени, проводимого в транспорте, которую удастся использовать для чтения).

6. В структуре времени содержательного досуга около 10% (35 мин. в сутки) приходится на непрофессиональное творчество, около 50% (2 час. 45 мин.) — на непрофессиональное восприятие, и 40% (2 час. 10 мин.) — на непрофессиональное общение.

7. Наконец, около 2 часов в сутки (1 час. 55 мин.) субъект затрачивал на такие перемещения в пространстве, которые не удастся совместить с чтением, на бытовые заботы и иные вынужденные траты времени, непосредственно не связанные ни с работой, ни с досугом.

Предоставляем читателю сделать самостоятельный вывод из настоящего опыта «драматической социологии» [вот, оказывается, когда впервые появился у автора этот термин! — А. А.], не навязывая своего **главного вывода** (помещенного на отдельной странице).

[*Главный вывод.* — А. А.]

Из проведенного анализа видно, что за достаточно продолжительный контрольный период (300 дней) среднесуточное «время творчества» субъекта составляло 2 час. 35 мин. (в том числе 2 часа профессионального творчества).

Может быть, кому-нибудь этот результат и покажется удовлетворительным (и даже обнадеживающим!), но мы так не думаем. Есть ли резервы для увеличения названной статьи бюджета жизненного времени?

В иные месяцы (например, март и июнь 1979 г.) время творчества (в основном профессионального) достигало 4 и даже 5 часов в сутки. Но это происходило не столько за счет сокращения времени вынужденной, бессодержательной деятельности, сколько за счет минимизации «времени восприятия» или «времени общения», т. е. за счет перераспределения временных затрат в зоне самой содержательной, свободной деятельности. В известных пределах это допустимо, однако форсирование такого пути чревато духовным истощением личности.

Другой путь связан со всемерным сокращением времени сна, удовлетворения физиологических потребностей и т. п. По-видимому, здесь тоже еще есть резервы, но чрезмерное их «вычерпывание» грозит физическим изнурением личности.

Напрашивается вывод, что главные резервы повышения творческого «кпд» личности, без ее истощения (в тех или иных формах), заключены в среднесуточных 2 часах бессодержательной профессиональной деятельности, а также в самом времени содержательной профессиональной деятельности (5 часов в сутки), львиная доля усилий в рамках которого уходит на «борьбу с энтропией» и на **наделение смыслом труда, настойчиво тяготеющего к бессмыслице.**

Иначе говоря, более эффективная и устойчивая творческая самореализация субъекта, если и достижима, то на пути **радикальной перестройки** всей структуры жизнедеятельности личности.

А. Алексеев, 2.11.79

[*Таким вот образом была (вовсе не умозрительно!) обоснована индивидуальная **жизненная переменная** — увольнение из института и поступление на завод в качестве рабочего.* — А. А.]

6.6.2. Социолог-наладчик: структура жизнедеятельности

[Нижеследующие фрагменты писем 1980 г., ввиду их тематической отнесенности к обсуждаемой методике, выделены мною из основного корпуса «Писем Любимым женщинам», представленного в главах 2 и 3: «Театр жизни на заводских подмостках». — А. А.]

А. Алексеев — Н. Шустровой (март 1980)³⁴

<...> В прошлом письме мне уже приходилось отмечать заметное возрастание «времени творчества», по сравнению с соответствующим периодом 1979 года. Вот данные самонаблюдения, включая последние дни февраля 1980 г.

Таблица

Время свободной (осмысленной) деятельности А., ч/сут	1979		1980	
	янв.	февр.	янв.	февр.
В среднем	10,3	10,5	11,8	12,4
<i>в том числе:</i>				
— время творчества	3,8	3,0	3,2	4,9
— время восприятия	2,7	3,6	5,0	3,9
— время общения	3,8	3,9	3,6	3,6

Итак, «зона свободы» расширилась. Это произошло: в январе — за счет существенного увеличения среднесуточного времени восприятия, а в феврале — за счет не менее резкого увеличения времени творчества. Все это — при стабильном (и мало отличающемся от 1979 г.) времени общения (см. табл.).

Но ведь изменились и собственные («внутренние») структуры творчества и восприятия! Специальный анализ данных (в таблице не отраженных) показывает, что в январе 1980 г. 2/3 времени восприятия так или иначе связаны с новой структурой жизнедеятельности (завод). В феврале 1980 г. — уже только 1/2 времени восприятия приходится на завод. Что касается творчества, то лишь 1/4 часть его времени приходится на заводскую жизнь (техническое и социально-организационное творчество), как в январе, так и в феврале 1980 г. Только в феврале, естественно, больше в абсолютном выражении (время творчества в этом месяце выросло почти до 5 часов в сутки).

Если быть совсем точным: из 141,5 час. творчества (в любых его формах) в феврале 1980 г. 38,5 час. составляет «заводское» творчество. Остаток — свыше 100 час. — это творчество собственно научное и общекультурное.

А год назад, в феврале, и всего-то было творчества 84,0 час. (И этот последний показатель, кстати сказать, выше среднемесячного за весь 1979 г.!) <...> А. А., март 1980

³⁴ См. ранее, в главе 2: раздел «Чем дальше, тем страшнее...».

* * *

А. Алексеев — А. Назимовой (май 1980)³⁵

<...> Что за «болдинская осень» такая? Признаться, при всем смиреннии паче гордости, я и сам заинтригован...

Ремарка: «отхожий промысел» социолога-рабочего.

Замечание про «болдинскую осень» относится к предшествующему обзору произведенной за 4 месяца 1980 г. собственно научной продукции, не имеющей прямого отношения к эксперименту социолога-рабочего.

То есть отмечен некоторый «взрыв» творческой, научно-профессиональной активности — после увольнения из института и поступления на завод. (Сентябрь 1999).

...Поищем ответов в данных ауторефлексивной методики «Время жизни».

Таблица 1

Структура жизнедеятельности А., ч/сут	В среднем за 1979 г.	1980 г.				В среднем за 4 мес. 1980 г.
		янв.	февр.	март	апр.	
Время сна	7,9	7,5	7,2	7,7	7,2	7,4
Время ухода за собой	1,6	1,8	1,7	1,5	1,5	1,6
Время вынужденной (инструментальной) деятельности	3,9	3,0	2,8	2,3	2,5	2,6
Время осмысленной (свободной) деятельности	10,6	11,8	12,4	12,5	12,9	12,4
<i>в том числе:</i>						
— время творчества	2,5	3,2	4,9	4,5	5,0	4,4
— время восприятия	4,3	5,0	3,9	3,9	4,2	4,25
— время общения	3,8	3,6	3,6	4,1	3,7	3,75

Таблица 2

Время осмысленной деятельности А., ч/сут	1980 г.				В среднем за 4 мес. 1980 г.
	янв.	февр.	март	апр.	
Время восприятия	5,0	3,9	3,9	4,2	4,25
<i>в том числе:</i>					
— заводское	3,3	1,8	1,5	1,1	1,9
— внезаводское	1,7	2,1	2,4	3,1	2,35
Время творчества	3,2	4,9	4,5	5,0	4,4
<i>в том числе:</i>					
— заводское	0,8	1,3	2,2	2,9	1,8
— внезаводское	2,4	3,6	2,3	2,1	2,6

³⁵ См. ранее, в главе 2: раздел «Производственные драмы и «ужасное дитя» цеха № 3».

Заметно, как от месяца к месяцу сужается время «заводского» восприятия (в период двухнедельной стажировки на заводе «Красногвардеец» на это уходил почти весь рабочий день).

...И ради одного среднесуточного часа «включенного наблюдения» стоило менять весь образ жизни? Нет, конечно!

Зато так же линейно в этот период растёт (расширяется) время «заводского» творчества. Да, к апрелю показатель социально-технического творчества поднимается до 3 час. в сутки.

Значит, «не врал», когда переосмысливал включенное наблюдение в наблюдающее участие (= социальное экспериментирование), еще не располагая этими данными.

Ну, а «внезаводское» творчество? Вот они — **мои** 2,5 часа в сутки, в среднем за 4 месяца! И не так важно, **что** делаю, важно — **делаю, что хочу**.

Вот сегодня пишу это письмо... А вчера — «Искусство и образ жизни». А позавчера — «Человека на БАМе». А еще позавчера — «Динамику театрального репертуара» и письмо Нине.

Да еще — «Комплект методических документов по обследованию потребности населения города в новогодних елях, источников их приобретения и отношения горожан к этой проблеме» (для «Зеленой дружины» ЛГУ, в которой состоит моя дочь Ольга).

...Здесь стоит обратить внимание на некоторое снижение (сужение) времени профессионально-научного (внезаводского) творчества с января по апрель 1980 г. (со «странным» пиком в феврале). Но не так важна констатация, как интерпретация. Это — лишнее свидетельство того, что **время — полезный, но не единственный измеритель деятельности...**

Кто докажет, что 2,1 час. (апрель) «меньше», чем 2,4 (январь)? А может $2 = 2,5$? А может, творческий потенциал растёт и при сохранении (или даже снижении!) количественных показателей?

(Впрочем, снижение-то — не ниже среднесуточных временных затрат на творчество в 1979 г., когда, напомним, почти все творчество являлось профессионально-научным и никакого «заводского» не было и в помине.)

Укажу еще на одно «уязвимое» (для автора этих строк) место. Какая разбросанность! «Движение театрального репертуара» и «Зеленая дружина»; «Человек на БАМе» и частотный словарь заглавий философских диссертаций; наладка координатно-револьверного пресса и «негэнтропийная деятельность» в цехе № 3...

Кажется, Ты с Виктором [В. Л. Шейнис. — А. А.] были первыми повременными поиска настоящего дела (1978).³⁶ А дело-то может быть любое, лишь бы — **свое!**

Свое дело — **то, которое никто за тебя не сделает**. Любое из предшествующего списка отвечает этому определению.

³⁶ Имеемся в виду разработка методики «Ожидаете ли Вы перемен?». См. ранее, главу 1.

И последнее замечание... Возможно, Ты видела документальный фильм «Семь шагов за горизонт» (или что-то в этом роде). Там психолог-гипнотизер (этакий «Воланд» — кажется, его фамилия Райков) «развязывает» способности заурядных людей. Так вот, оценивая собственные способности как вполне скромные, я полагаю, что их можно «форсировать» своеобразным самогипнозом.

Но этот мой «самогипноз» — вовсе не путем самоугаваривания типа аутогенного «Я все могу!». А — посредством **действия**, постановки собственной персоны в ситуации, в которых эти способности, с высокой долей вероятности, могут раскрыться или развиваться. <...>

А. А., май 1980

* * *

А. Алексеев — Г. Ж. (август 1981)³⁷

<...> Если отбросить месяц ученичества, или стажировки на заводе «Красногвардеец» (январь), и месяц военных сборов (июнь), то для того, чтобы запустить мой ПКР, понадобились: февраль-май и июль-ноябрь, итого — 9 месяцев. В месяце в среднем 21–22 рабочих дня. Итого — около 200 дней.

В рабочем дне 8 часов. Значит, 1600 часов? Но эти 1600 часов распределяются на собственно **производственный труд** и **накладные расходы** (всевозможные простои, ожидания и т. п.).

Нетрудно выяснить соотношение того и другого. Для простоты расчета измерим «накладные расходы» времени в целых условных днях: февраль — 4 дня из 22 рабочих дней; март — 1 день из 21; апрель — 4 дня из 24; май — 7 дней из 17; июль — не учитывался; июль — 11 дней из 23; август — 16 дней из 21 (!); сентябрь — 7 дней из 20; октябрь — 9 дней из 24; ноябрь — 1 день из 20. Итого: 60 дней из 202. Остальные 142 — как будто «производственный труд»...

Однако этот расчет скорее занижает, чем завышает долю «накладных расходов». Ибо здесь у меня учтено только время, которое я сумел использовать «**для себя**», т. е. не дал ему протечь «между пальцев» (писал, читал, иногда урывками, в своем «кабинете»...).

А в 142 условных дня, которые можно считать действительно **рабочими**, входит также все разнообразие «не отчужденных» мною от производственной занятости ожиданий, разговоров, перекуров, непроизводительных временных трат — всего того, что, конечно, небезынтересно для исследователя, но к эффективному рабочему времени отнесено быть никак не может.

В таком случае суммарный объем «накладных расходов» (как сбереженное, так и «впустую» потраченное время) может быть смело увеличен до 80–90 дней...

³⁷ См. ранее, в главе 2: раздел «Оживший памятник...».

А теперь попробуем посчитать иначе, с другого конца. 8 час. × 200 дней = 1600 час. Сколько же из них было посвящено собственно заводскому творчеству, восприятию и общению (согласно известной Тебе методике «Время жизни»)?

Таблица

1980 г.	Производственная деятельность, ч			
	Творчество	Восприятие	Общение	Итого
Февраль	38,5	52,0	27,5	118,0
Март	66,5	46,5	26,5	139,5
Апрель	84,0	30,5	26,5	140,0
Май	45,0	12,0	14,0	71,0
Июнь	—	—	—	—
Июль	22,5	24,5	19,5	66,5
Август	10,5	6,5	8,5	25,5
Сентябрь	60,5	26,5	9,0	96,0
Октябрь	61,0	34,0	14,5	109,5
Ноябрь	96,0	43,5	13,5	153,0
Итого:	484,5	279,0	158,5	ок. 920

(Считал вручную, лень искать ошибку в подсчетах — 3–4 час.)

920 час. времени, более или менее эффективно использованного для нужд производства. Делим на 8 час. (продолжительность рабочего дня). Получаем 115 условных рабочих дней.

Итак:

— из 200 дней (= 1600 рабочих часов), проведенных на заводе в феврале-ноябре 1980 г. (исключая июнь), иначе говоря, из 200 рабочих дней, прошедших с момента начала подготовки к запуску ПКР до выпуска первой производственной партии, было посвящено производственной деятельности, как таковой, около 60% времени (115 условных дней); и около 40% (85 дней) — составляют «накладные расходы» времени.

Из этих последних, 60 условных дней, как уже отмечалось, удалось употребить для «личных» (не производственных) нужд: чтение научной и художественной литературы; писание научных отчетов, статей, тезисов; сочинение «Писем...». И порядка 25 дней составляет «маргинальное» время: не производственное (ибо производственные функции не выполнялись!), но и не личное (ибо «себе» субъект не принадлежал).

Что же касается помесечных данных, то их заметные (из таблицы) колебания нетрудно соотнести с событиями, описанными в «Письмах...». <...>

А. А., август 1981

...И хотя каждому ясно, что абсолютной свободы не существует, человек нуждается в постоянном приближении к ней, к расширению сферы свободы...

Ч. Айтматов. Из предисловия к публикации повести Ананта Мурти «Самскара» (Иностранная литература, 1984, № 12) (@)

6.6.3. Хронометраж жизни: как это делается (Одна неделя июля 1981 г.)

[Ниже — данные подневной регистрации социологом-испытателем собственного «времяпользования», по методике «Время жизни», за неделю: 13–19.07.81. — А. А.]

Принятые сокращения:

Свобода — зона свободной деятельности, включающая: творчество, восприятие, общения

Несвобода — зона вынужденной («инструментальной») деятельности

Тво — творчество

Вос — восприятие

Общ — общение

Инс — «инструментальная» (вынужденная) деятельность

Сон — сон

Нео — «зона неопределенности»

Дом — свой дом

Раб — работа (основное место работы)

Учр — другие учреждения

Гос — гости («другой дом»)

Тра — транспорт

Ули — улица

При — природа

Примечание. В конце хронометража каждого истекшего дня, в скобках, «запись для памяти», фиксирующая «основное содержание» данного дня.

Таблица 1

ВЖ-81		13.07.81 (понед.)					
Дом	Раб	Учр	Гос	Тра	Ули	При	Итого
	2,5	2,0		Тво			= 4,5
2,5	1,0	2,0		Вос	1,0		= 6,5
		1,0		Общ			= 1,0
	2,0			Инс	1,0	1,0	= 4,0
5,0				Сон			= 5,0
7,5	5,5	5,0		Итого	2,0	1,0	= 21,0
				Нео			3,0
Свобода (тво + вос + общ) — 12,0 час.							
Несвобода (инс) — 4,0 час.							

(Доклад на секторе³⁸ и его эффекты.)

³⁸ Имеется в виду доклад «Образ жизни и жизненный процесс». См. выше: одноименный раздел. См. также ранее, в главе 3: раздел «Научно-институциональные будни...».

Таблица 2

ВЖ-81				14.07.81 (вторн.)				
Дом	Раб	Учр	Гос	Тра	Ули	При	Итого	
	4,0			Тво			= 4,0	
	6,0			Вос	1,0		= 7,0	
			1,0	Общ			= 1,0	
				Инс	2,0	1,0	= 3,0	
6,5				Сон			= 6,5	
6,5	10,0		1,0	Итого	3,0	1,0	= 21,5	
				Нео			2,5	
Свобода (тво + вос + общ) — 12,0 час.								
Несвобода (инс) — 3,0 час.								24,0

(Мастер просит работать в соответствии с отклоненной рацией наладчика. Бригаде невыгодны нормы ПКР. Исследование системы нормирования и «микрозабастовка».)

Таблица 3

ВЖ-81				15.07.81 (среда)				
Дом	Раб	Учр	Гос	Тра	Ули	При	Итого	
	6,0			Тво			= 6,0	
	2,5	1,5		Вос	1,0		= 5,0	
				Общ			= 0,0	
1,0		1,0		Инс	0,5	1,0	= 3,5	
6,5				Сон			= 6,5	
7,5	8,5	2,5		Итого	1,5	1,0	= 21,0	
				Нео			3,0	
Свобода (тво + вос + общ) — 11,0 час.								
Несвобода (инс) — 3,5 час.								24,0

(Кто кого хронометрирует? 2 часа «подготовительного» времени и 1 час «рабочего» времени... Исследование системы нормирования — продолжение.)

Таблица 4

ВЖ-81				16.07.81 (четв.)				
Дом	Раб	Учр	Гос	Тра	Ули	При	Итого	
	3,5			Тво			= 3,5	
	4,0			Вос	1,0		= 5,0	
3,5				Общ	1,5		= 5,0	
	1,0			Инс	0,5	1,0	= 2,5	
7,5				Сон			= 7,5	
11,0	8,5			Итого	1,5	2,5	= 23,5	
				Нео			0,5	
Свобода (тво + вос + общ) — 13,5 час.								
Несвобода (инс) — 2,5 час.								24,0

(Направленность личности — через периодизацию жизни. День встреч. «Пламя» Рериха.)

Таблица 5

ВЖ-81				17.07.81 (пятн.)				
Дом	Раб	Учр	Гос	Тра	Ули	При	Итого	
	2,5			Тво			= 2,5	
	3,5			Вос	0,5		= 4,0	
5,0				Общ			= 5,0	
1,0	2,5			Инс	0,5	0,5	= 4,5	
6,0				Сон			= 6,0	
12,0	8,5			Итого	1,0	0,5	= 22,0	
				Нео			2,0	
Свобода (тво + вос + общ) — 11,5 час.								
Несвобода (инс) — 4,5 час.								24,0

(Л. и телефон. Снова «в подполье» (на заводе). Пьесы И. Друцэ.)

Таблица 6

ВЖ-81				18.07.81 (субб.)				
Дом	Раб	Учр	Гос	Тра	Ули	При	Итого	
5,0				Тво			= 5,0	
		3,0		Вос	0,5	1,5	= 5,0	
				Общ			= 0,0	
1,0				Инс	0,5	0,5	= 2,0	
11,0				Сон			= 11,0	
17,0		3,0		Итого	1,0	2,0	= 23,0	
				Нео			1,0	
Свобода (тво + вос + общ) — 10,0 час.								
Несвобода (инс) — 2,0 час.								24,0

(Будни ДНД: сознательный дружинник; безнадзорные дружинники. Статья для «Молодого коммуниста».)

Таблица 7

ВЖ-81				19.07.81 (воскр.)				
Дом	Раб	Учр	Гос	Тра	Ули	При	Итого	
			5,0	Тво			= 5,0	
				Вос	1,0	0,5	= 2,5	
1,0			5,0	Общ			= 6,0	
1,0				Инс	1,5		= 2,5	
6,0				Сон			= 6,0	
8,0			10,0	Итого	2,5	0,5	= 22,0	
				Нео			2,0	
Свобода (тво + вос + общ) — 13,5 час.								
Несвобода (инс) — 2,5 час.								24,0

(Приехали в Колтуши вместе с Н., «без этюдника». «Анкета студента-вечерника».)

* * *

**Суммарные показатели «времяпользования» А.
по методике «Время жизни» за неделю 13–19.07.81**

Таблица 8

ВЖ-81				Неделя: 13–19.07.81				
Дом	Раб	Учр	Гос	Тра	Ули	При	Итого	
5,0	18,5	2,0	5,0	Тво			= 30,5	
2,5	17,0	6,5		Вос	6,0	2,0	1,0 = 35,0	
9,5		1,0	6,0	Общ		1,5	= 18,0	
4,0	5,5	1,0		Инс	6,5	5,0	= 22,0	
48,5				Сон			= 48,5	
69,5	41,0	10,5	11,0	Итого	12,5	8,5	1,0 = 154,0	
				Нео			14,0	
Свобода (тво + вос + общ) — 83,5 час.								
Несвобода (инс) — 22,0 час.								
							168,0	

[Поделив суммарные недельные результаты на 7, получаем **среднесуточные** показатели, а именно:

— В среднем за рассматриваемую неделю по 9,8 час. из 24-х проведено дома, 5,9 час. — на работе (завод), 1,5 час. — «в учреждении» (не завод), 1,6 час. — «в гостях», 1,8 час. — в транспорте, 1,2 час. — «на улице», 0,2 час. — «на природе».

— Среднесуточное время сна — 6,9 час.

— Среднесуточное время творчества — 4,4 час., восприятия — 5,0 час., общения — 2,6 час.; итого — «зона свободы» — 12,0 час.

— Среднесуточное время «инструментальной» деятельности («зона несвободы») — 3,2 час.

— Не учтенные затраты времени («зона неопределенности») — 1,9 час. в среднем за сутки.

Из приведенных данных явствует, что **итоговое время свободной деятельности (творчество, восприятие, общение) почти в 4 раза превысило время вынужденной («инструментальной») деятельности.**³⁹

Заметим, что структурные соотношения «времяпользования» за данную неделю принципиально не отличаются от структурных же соотношений за весь 1981 год (хоть они и несколько «хуже», чем годовые, в частности — по показателям времени вынужденной деятельности и времени сна).⁴⁰ — А. А.]

* * *

Ремарка: «Не зная, что есть время, нельзя разгадать, что есть жизнь...»

В книге философических эссе ульяновского биолога **А. Н. Марасова** «И звук, и свет» (1997) нахожу размышление о Времени, которое хочется здесь привести:

³⁹ «Не хватает — природы!» — заметила мой внутренний рецензент Зинаида Вахарловская. К сожалению, это действительно так — за данную неделю (хоть и была одна загородная поездка).

⁴⁰ Среднесуточный показатель вынужденной деятельности за весь 1981 г. составлял «всего» 2,4 час. (т. е. на данной неделе — «перебор»), а времени сна — 7,4 час. (т. е. на данной неделе — «недосып»). См. выше — таблицу, приведенную в разделе «Человек, смотрящийся в часы...».

«...Природа вся (?) в тисках времени: не зная, что есть время, нельзя окончательно разгадать, что есть рождение и смерть, что есть жизнь...»

Мир наш, мир земной весь (?) «завязан» на конкретное время, на «наше» время... Лишь память твоя разрывает необходимость, память твоя, которая упорядочена Словом, протестует против времени... Да все твое в идеале направлено к вечному! Собственно, Бог у нас, по меньшей мере, уравнивает распад человеческого (поддерживая веру в возвышенное), но более направляет дух твой к созиданию, объединению.

Бог — протест против разрушительного хода времени.

И время — требуемо: та «сетка» вечного, что так или иначе проявляется или проявится — мгновенна и неотвратима, ибо одно само по себе бытие не может без **иного**, как учит Платон, как учит Лосев.

Переживая время, мы страдаем неизбежно, видя, как уходит в небытие конкретное: невыносима потеря близких, велика потеря того, что было важным для тебя, когда любил ты, когда радовался, горевал, жил полно... Ведь сознание человеческое также «завязано» на конкретное время, и двух твой (Я твое) в нем — в сознании — «обживает» все новые и новые времена, и то ли в «старых» временах ты, то ли в «новых»... Скачущее время для нас, не плавное: осознаем мы **целостно** одну временную ситуацию, затем — совсем другую, но — сразу!

Наше Я, наш дух не может раздваиваться, наше Я неделимо: потому и больно, что утрата неизбежна, и время потому — всегда испытание.

А может быть вечное проявляется только во времени?

Вечность и время? Не может Начало великое быть «единицей», оно — сразу напряжение на поток, на структуры, на числовые ряды, великое Начало есть начало на «троицу»...» (А. Н. Марасов. И звук, и свет. Ульяновск: Ульяновский гос. педагогический университет, 1997, с. 187–188).

Как уже говорилось, Анатолий Николаевич Марасов — один из организаторов ежегодных Любичевских чтений в Ульяновске. (Июнь 2000).

6.7. «Человек — это прежде всего его собственная жизнь...» (Моление о даре)

[Ниже — открытое письмо, адресованное всем друзьям (лето 1983 г.). — А. А.]

Скажи мне, кто твои друзья, и я скажу тебе, кто ты.

(Пословица)

Друзья!

<...> На пороге последней трети жизни⁴¹ мне становится очевидным, что вовсе не «мои года — мое богатство», как утверждает в популярной песне. И даже не собрание собственных разнообразных сочинений, имевших потенциальную аудиторию от нескольких десятков до нескольких миллионов человек (чем больше был тираж, тем хуже сочинения!).

Действительным богатством человека можно считать круг его друзей (употребляю слово «друг» в смысле, который является одновременно и более

⁴¹ Через год автору должно было исполниться 50 лет.

широким, и более узким, чем общепринято). Круг людей, которым ты бывал нужен и которые бывали нужны тебе (опять же — не в расхожем смысле слова «нужен»). Люди, в глазах которых ты видишь свое отражение (в каждом — особое!) и которые сами могут увидеть себя, посмотрев тебе в глаза.

Итак, мои друзья — мое богатство!

Так что же нужно этому «странному Алексею» от своих друзей к собственному юбилею? Их самих, конечно.

Категорически запрещены поздравительные телеграммы. Не дай бог, кто-нибудь забудет послать или не будет знать, куда и когда послать (а что юбиляр может подумать?). Не говоря уж о том, что сколько таких юбилеев сам я успел «прозевать», по собственной ли невнимательности, по чужой ли скрытности.

Не зову домой. Вы же у меня в сердце еле умещаетесь, где уж разместить в квартире.

Подарков материальных не приемлю. (Вдруг один окажется дороже, а другой дешевле). А вот символического дара жду. Такого, что и цены не знает, и работы требует. Работы, отличной от беготни по магазинам.

Хочешь увидеть себя (пожалуй, уместное желание в день 50-летия), всмотрись в лица друзей. Пословица, взятая эпиграфом, кому не известна... Да, но как это сделать?

Друзья, моя то ли очень легкомысленная, то ли глубокомысленная просьба состоит в том, чтобы от каждого из вас получить в дар... его собственное **жизнеописание**. Curriculum vitae, это называется по-латыни. Автобиография — по-русски.

Я вас уважаю. Вы меня тоже? Доставьте мне эту скромную радость самоутверждения за ваш счет.

Ну вот, скажет насмешливый друг. Знаем мы этого А.! Мало ему собственной жизни для исследовательского полигона, ему еще наши понадобились...

А вот и неправда! Движим ваш корреспондент бескорытием, и вовсе не исследовательским. Тут, если угодно, страсть скупого рыцаря, открывающего сундук, чтобы перебрать свои сокровища.

В самом деле, кому каждый из нас доверяет свое жизнеописание? Отделу кадров? Там — куда денешься... А тут — зачем? Не знаю! Почему-то показалось мне это жизненно важным, а иногда полезно довериться интуиции.

Ладно, скажет снисходительный друг, где-то у меня валялся черновик автобиографии, писавшейся для последнего места работы. Отдам тебе... Не надо! Прошу, напиши для меня специально. Потрать три часа — четыре — день. Умешь печатать на машинке — перепечатай. Нет — напиши под копирку и отдай мне второй экземпляр. Пусть там будет 10–12 страниц (в пересчете на машинопись). Да чем же заполнить эти страницы?

Нет, не надо мне «исповеди»! А «проповедь» вы и сами не вздумаете писать. Пусть будут **факты**. Датированные, как в официальной биографии. С указанием места события. Смены места работы, жительства, семейного состояния. И про родителей своих не забыть, и про детей. А братья-сестры есть?

Ну, так, чтобы из этого можно было реконструировать, «вычислить» также и содержание листка по учету кадров (который мне, разумеется, не нужен).

Не пренебрегайте совсем уж бытом. Вряд ли получение отдельной квартиры или покупка автомобиля (впрочем, у кого же он и есть-то?) прошли для вас незамеченными.

Не жду ни жизненных самооценок, ни «случаев из жизни». Что же хочу вычитать в этих страничках? **Повороты судьбы... Жизненные вехи... И еще — мотивацию их смен.**

Вот тут действительное отличие от официальной автобиографии. Я же не отдел кадров... Я хочу не вас «проверить», а себя. То есть — **себя познать в вас!** Такое есть эгоистическое желание. Уж признаюсь. Хотя что-то побуждает меня к этой просьбе и кроме того, смутное и плохо формулируемое.

Тут, конечно, дело деликатное. Примем условно, что странички эти Вы высылаете по почте. (Для многих — так и получится, наверное.) А письмо затерялось. Как Вы себя почувствуете? Скверно? Такого, что заставило бы Вас беспокоиться, не пишите. Но уж и особо «темных» мест своей биографии без нужды не скрывайте. Может, они кому «темные», а кому светлые, мне, например.

Конечно, в жизнеописании возможно все, что угодно: от противостояния планет до смысловых заявлений. Самоирония и сухой отчет... Исторический фон и кустарный психоанализ... Ни в чем не стесняю, ни к чему не обязываю. Но на 10–12 стр. особенно не разбежишься, если нужно еще изложить точные факты. (А попроси написать 20 страниц — знаю, начнутся «муки творчества»; уберегу вас от них!)

Говорят, стиль — это человек. Возможно, и так. Но человек, по-моему, это прежде всего его собственная жизнь. Каждый из нас наделал в жизни немало ошибок. Однако стыдиться истории своей жизни, кажется, нет оснований. У тех, к кому я обращаюсь, по крайней мере.

Итак: факты биографии, события жизни и их мотивация или объяснение (если таковое представляется возможным или уместным). Хорошо бы еще фотографию... Любую.

Не предлагаю эталона, не адресую к прецедентам, хоть и есть. Не объявляю конкурса автобиографий, как в польских журналах. И обещаю относиться к этой коллекции как к **альбому**. Была же такая традиция еще в прошлом веке.

Мне почему-то кажется, что если я об этом не попрошу, никто из вас никогда этого не сделает. Пусть же тем самым окажу еще скромную услугу Вашим биографам; а не биографам, так детям, внукам. В самом деле, кто из нас помнит хотя бы год рождения своего деда? Впрочем, иногда храним семейные фотографии.

<...> Попытавшись было составить список: кому послать это «открытое» письмо, — заметил, что с большинством из своих друзей я связан профессиональными контактами и интересами. Ну, удивляться этому не приходится...

Как правило, я избегаю обращаться с этой просьбой параллельно к обоим супругам, когда дружен с целой семьей. Просто боюсь провалить

дело чрезмерным запросом, хотя радоваться буду аналогичному персональному подарку жены, независимо от мужа, и наоборот.

Сроки вручения этого знака вашего внимания могут быть любые. Хоть через неделю, хоть через полгода. Желательно — не позже июля 1984 г.

Это не первая, хотя может и последняя эксцентричная затея «этого странного А.» на данном этапе жизни. А может, и не последняя. Другим не привыкать. Стерпите эту, пожалуйста...

Довольный своей изобретательностью,
Андрей Алексеев, июль 1983

Ремарка: не выполненный замысел.

К сожалению, замысел собрать автобиографии друзей остался не осуществленным. Впрочем, пожалуй, к счастью (ввиду предстоявшего обыска).

В архиве сохранилась «запись для памяти» (январь 1984):

«... Не забыть отменить эту просьбу — всем тем, к кому я уже успел с нею обратиться!».

Да друзья и сами догадались — не спешить с выполнением просьбы юбилея, в 1984-м. (Сентябрь 1999).

6.8. Эстафета жизни и смерти

Памяти Владимира Малушенко

Роман Ленчовский был не первым из моих киевских друзей. Еще в конце 60-х встретился я на социологическом семинаре в Кяэрику (под Тарту) с математиком, доцентом одного из киевских вузов Владимиром Константиновичем Малушенко.

Он иногда приезжал потом в Ленинград, мы переписывались. Оказавшись в Киеве в начале 80-х, я познакомил Владимира со своими новыми друзьями — Романом Ленчовским и Валерием Хмелько.

А потом вдруг у В. М. обнаружился рак, и он скоропостижно скончался. То была, кажется, первая из смертей друзей-ровесников, которую довелось пережить.

Ниже — мое письмо Роману Ленчовскому, после известия о смерти Владимира Малушенко. (Сентябрь 2000).

А. Алексеев — Р. Ленчовскому (май 1983)

Дорогой Роман!

<...> Действительно, руку, протянутую тебе, надо пожимать вовремя. Я уже 2 недели как вернулся⁴², а за письмо не взялся. И сейчас не получится.

Письмо твое пришло, видимо, через несколько дней после моего отъезда.

Спасибо Тебе и Валерию [В. Е. Хмелько. — А. А.]. Вы не то чтобы заменили меня, когда Володя умирал, а сделали гораздо больше. Надо бы Люде [вдова В. К. Малушенко. — А. А.] написать, а не знаю как. <...> Посоветуй.

Верно: страдаешь, что не успел больше отдать другому — тому кто, вот, уже ушел. А все же — кое-что успел. И отдать, и взять. Иначе бы не страдал.

⁴² Речь идет о туристской поездке на Кубу в апреле 1983 г.

Лучшее, что могут сделать друзья для ушедшего, это **реализовать по черпнутое у него — в себе, в своей деятельности**. Не терять «взятого»... А о «недоданном» ему — поздно жалеть.

Вот и сообразил, что успели мы взять от Володи — Верности, Чистоты и Оптимизма, а кто и таланта успел перенять. Это — и сберечь.

Ты — рыцарь Незавершенности, и прав в одном смысле. А в другом — горька незавершенность.

Иногда полезно писать завещания. Пожалуй, напишу. Полезно быть готовым жить еще 50 лет, и вместе с тем — готовым умереть завтра. Кто бы этому научил людей...

Ладно, философствования неуместны. Помолчим. <...>

Тв. Андр. Ал., 9.05.83

6.9. Зачем нужна депрессия (Заметка на полях книги Д. Хелла)

[Недавно один из друзей обратил мое внимание на книгу Дэниэла Хелла «Ландшафт депрессии. Интегративный подход» (М.: Алетейя, 1999). Прочитал и вспомнил свои и совместные с С. Минаковой старые работы о механизме смены общей направленности личности («микрореволюции личности», по выражению С. М.).

Будучи, казалось бы, посвящена психиатрическим проблемам, работа Хелла ставит, по существу, ключевые вопросы «субъективной логики» жизнедеятельности в другое.

Заметки на полях этой книги резюмировались в личном письме. Извлечение из него уместно здесь привести в связи с обсуждаемой темой: «образ жизни, жизненный процесс, жизненный путь». — А. А.]

А. Алексеев — Н. Н. (май 2000)

<...> Мне не только импонирует гуманистический пафос Дэниэла Хелла, но и представляется эвристически очень ценной предлагаемая им «основная депрессивная модель», позволяющая усмотреть в депрессии («не запущенной», не успевшей стать глубокой, затяжной и т. д., т. е. «тяжелым страданием», хронической болезнью) — возможный смысл «**послания или попытки защиты**», по выражению Хелла.

То есть депрессия (это я уже «своими словами»...) — нормальное (естественное) и, в известном смысле, необходимое (спасительное?) для личности состояние на определенных отрезках жизненного пути.

Это своего рода сигнал (изнутри? извне? «свыше?»), который надо принять со смирением, и не только «услышать», но и расшифровать. «Welchen Sinn macht Depression?» — это значит: не «какой смысл в самой депрессии», а «какой смысл из нее, депрессии, может быть извлечен», или, говоря словами самого автора, «при каких обстоятельствах в депрессии может быть найден смысл» (Д. Хелл. Ландшафт депрессии. Интегративный подход. М.: Алетейя, 1999, с. 248).

Если заменить каузальную постановку вопроса («почему?») — телеологической («зачем, с какой целью?»), что является, пожалуй, сутью концепции Хелла, то окажется: депрессия — «для того», чтобы как-то изменить свою жизнь (причем еще надо сообразить — в каком направлении).

Конечно, меланхолический темперамент сам по себе предрасполагает к депрессивным состояниям (и даже заболеваниям); и экзистенциальный момент в депрессии может быть: «...Я убежден в том, что человек, не вкусивший горечи отчаяния, еще не познал значения жизни». С. Кьеркегор (см. у Хелла, стр. 19). Но я извлекаю отсюда то, что мне ближе: психосоциальное истолкование.

...Вспоминаю собственные, 20-летней давности, изыскания в области периодизации жизненного пути и «трехфазную» концепцию динамики личности в рамках всякого жизненного периода. Помнишь:

(1) «подъем», (2) «плато», (3) «приспособление либо взрыв» (по С. Минаковой)?⁴³

Депрессия оказывается тогда **формой перехода** от второй фазы к третьей, кстати — амбивалентной («приспособление либо взрыв»), фазе.

Депрессия (в этом отнюдь не психофизиологическом или психиатрическом смысле) предстает своего рода первичным ответом личности на «вызов» судьбы. Вторичный ответ — сознательная жизненная перемена, обуславливающая «обновление» личности.

<...> Напомню Тебе две депрессии, посетившие меня самого.

Первая — в конце 70-х. Исходом из нее стал «эксперимент социолога-рабочего». То был именно сигнал «свыше» или «изнутри»: «Ты жизнь свою обязан изменить!» (Р. М. Рильке). Вопрос — **как изменить?**

Вторая — по «завершении» упомянутого эксперимента, на рубеже 80–90-х, когда я, в итоге публикаций всесоюзных СМИ 1987–1988 гг., оказался едва ли не знаковой фигурой «перестройки» и т. д.: «эксперимент на самом себе», «борец с тоталитаризмом» и т. п.

Исходом из этой, другой депрессии стала новая культурно-психологическая «ниша» — организация известного Тебе общественного архива демократического движения и т. д.

В обоих случаях, выход из депрессии — самостоятельно организованная **перемена**, причем не общественная, а именно **индивидуальная** (то, что еще можно назвать «изменением жизненной траектории»).⁴⁴

Так что, получается, Д. Хелл для меня — «не новость», хотя всегда приятно, когда находишь в литературе подтверждение или профессиональное «переоткрытие» собственных жизненных выводов.

Интересно, что Д. Хелл, впервые издавший свою книгу в 1992 г., в послесловии к изданию 1994 г. берет себе в союзники двух авторов, выразивших в общем эту же самую мысль.

(1) Психолог Эмми Гут (в пересказе Д. Хелла):

⁴³ См. выше: разделы «Жизненный путь как смена способов жизни» и «Что такое счастье».

⁴⁴ См. ранее, в главе 1: раздел «Индивидуальная жизненная перемена. Социолог-рабочий...».

«...Она [Э. Гут. — А. А.] видит в депрессии положительную потенциальную силу в действительности. Она придерживается мнения, что в депрессивном состоянии могут быть переработаны ситуации неудач и утрат, так как депрессивная опустошенность принуждает к покою и одновременно предоставляет возможность выждать то, что поднимется из подсознания. В период депрессии, в тишине и покое, может развиться нечто новое. Тем самым депрессия может стать продуктивной...» (Д. Хелл. Указ соч., с. 272).

(2) Другой союзник Д. Хелла — писатель Людвиг Хол. Хелл пишет:

«...Для такого подхода писатель Людвиг Хол нашел очень выразительный образ: «Время от времени каждый должен перешагнуть то место, где все подвергается сомнению (что представляет собой основу всех наших депрессий). **Шаг через бездну.** [Здесь и далее выделено мною. — А. А.] Нового еще нет. Старого уже нет. Ты идешь по ущелью между двумя скалами. Крутой была скала, оставшаяся позади. Такая же ждет тебя впереди. И тут перед тобой разверзается пропасть».

Так Людвиг Хол помещает депрессию на пересечении путей, которое всегда приносит что-то новое. Он видит в депрессии спутницу, присутствующую **при возникновении нового**, но не самостоятельную созидательницу этого Нового» (Д. Хелл. Указ соч., с. 273).

...Итак, депрессия, вопреки традиционным представлениям, есть «состояние на пороге»: либо «шага в неизвестное», либо «провала в бездну» (уныния, которое, кажется, в средние века почиталось грехом; или болезни, что, понятно, уже не грех, а несчастье...). <...>

А. А., 10.05.2000

...Депрессия подобна даме в черном. Если она появляется, не гони ее прочь, а пригласи к столу, как гостью, и послушай то, о чем она намерена сказать...

Приписывается К. Юнгу.

(Эпиграф к книге Д. Хелла «Ландшафт депрессии»)

6.10. Время собирать камни...

[Адресат этого письма — Андрей Родионович Илларионов — новосибирский журналист. В 70–80-х работал собкором в газете «Известия». — А. А.]

А. Алексеев — А. Илларионову (май 1983)

Тетка!

<...> По моим подсчетам, мы с Тобой неуклонно движемся к 50-летнему рубежу. Пора «собирать» собрание своих сочинений. Не выхолощенное для какого-нибудь издательства «избранное», нет, а именно собрание сочинений, куда, по авторской логике и по авторским же гражданственно-художественным меркам, собирается все сделанное за 20–25 лет: как правило, напечатанное, но может быть — и не увидевшее света; как правило, «не причсанное», но может быть — и в том виде, в каком было опубликовано (если с сегодняшней высоты чужая редакторская правка покажется разумной).

Ни в коем случае не редактировать самому заново! Но на каждом очерке ставить **дату**. Ведь это же — документы эпохи и собственного роста.

Максимум, что можно позволить себе, это критические авторецензии в комментариях. Хотя полагаю, в большинстве случаев Ты сможешь сказать о себе: а ведь для того времени и для того возраста я был вовсе не так

глуп! Места, вычеркнутые редакцией или самим (по ее требованию) огородить квадратными скобками. Разумеется, точные ссылки — где что было напечатано. Включить туда все, что удовлетворяет Тебя (с поправкой на дату, т. е. время и возраст, когда писалось).

Сколько такого наберется? 30–40 печ. листов? Композиция — смешанная — хронологически-жанрово-тематическая. Если основное подразделение тематическое, то внутри тематических разделов — обязательно хронологический порядок. Собери, перепечатай, хочешь — даже переплети, а **потом** — «продавай» любыми частями, при любых изытиях, любым издательствам. Но пусть даже ни одного авторского сборника типа «Избранного» не выйдет — **твое** собрание сочинений найдет десяток-другой настоящих читателей (к каковым себя отношу) плюс... потомки.

А чего еще надо? Делать такую в общем необременительную и приятную работу стоит не спеша, со вкусом, «бескорыстно», и положить ее — как **главную** для себя...

Ну, как Ты смотришь на эту мою «жизнеорганизующую» идею? Буду признателен, если в свою очередь поделитесь соображениями <...>.

Твой Андр. Ал., 2.05.83

Ремарка: «...собрания сочинений...»

Отчасти эта идея реализована в настоящей книге. Автор горд тем, что ему удалось (если не тогда, то позже) подвинуть на такие «неофициальные» собрания сочинений также некоторых своих коллег и друзей. (Май 2000).

6.11. Мысль — слово — дело

[Ниже — одна из «заметок на полях» рукописи этой книги, принадлежащая Виктору Дудченко.⁴⁵ — А. А.]

Одичавшие слова забытых текстов

Вы промолвите тогда: «О, мой Господь!
этот воздух загустевший — только плоть
дум, оставивших призвание свое,
а не новое творение Твое!»

*И. Бродский. Из «А. А. Ахматовой», 1962 г.
(«Остановка в пустыне», Нью-Йорк, 1970)*

Какой-то необходимый вопрос, как заноза, зудит в моем мозгу. Уже в который раз я спотыкаюсь об него на шестой главе. Мне кажется (или хочется?), нет, я уверен, что где-то здесь, после твоего «Диалога с Романом», должно было (или могло?) произойти нечто такое, что полностью поменяло бы всю диспозицию. Причем не только в книге, но и в жизни. Как будто Роман, ты со Светланой Минаковой, вместе с Марксом из 42-го тома и некоторыми другими упомянутыми и не упомянутыми здесь людьми, в какой-то момент держали жар-птицу за хвост.

⁴⁵ См. о нем в приложениях к главе 1: раздел «Социологический случай на реке Ануй...».

Вспомни «веселое кадило» второй главы! Обычная человеческая жизнь, без экспериментов над собой с «людоедскими жертвами», лиловыми внутренностями которых сочатся стены многочисленных контор и учреждений. Нормальной жизни ведь не нужны специальные подпорки в виде «неустанной воли к действию» и тем более оправдание «повышенной ответственностью» автора (чем-то вроде повышенной температуры). Потому и написано (это видно) с удовольствием и читается с радостью!

К шестой главе мысль героев этой книги, освобожденная от административного присмотра и заключенная ими в свои тексты, поставила их волю вровень с обстоятельствами. Стало ясно, что разница между воздействием человека на обстоятельства (любые!) и обстоятельств на человека (или, как говорит автор, разница между «драматической социологией» и «социологией жизни») зависит лишь от выбранного **способа рассмотрения**. Остался лишь один свободный шаг, и изматывающая многолетняя борьба по правилам, не тобою установленным, из сюжета исчезнет, души героев сорвутся с ограничивающей (и привычно обязывающей) субъект-объектной привязи и уйдут из-под обложки на оперативный простор в головах воодушевленных читателей.

И тут вдруг чувствуешь, что все колеблется, что мысль скользит мимо и персонажи опять (и уже надолго) собираются глодать ту же заскорузлую веревку.

Один шаг вслед за мыслью, и больше никогда не надо было бы никому доказывать правильность своих поступков. Действие с новой (указанной мыслью) позиции не встретит перед собой живого противника. Смотри — глупость сытой «зряплаты» Сереге-«штрейкбрехера» может оставить его самого без советов Сартра, но ничего не может сделать с методами естественной людской обороны (о которой пишет Сартр). Что уж тут говорить про кооперацию с грамотными, ходившими в далекие рейды товарищами, такими, как Анри Кетегат.

Уже ясно как день, что универсальный пароль «Как Тебе Удобней» отогреет любые запоры, — и вот тут-то сами тексты (не только тексты этой книги, а все тексты — как класс явлений) без тени юмора крест-накрест перечеркивают только что засиявший ход на волю.

Независимо от заключенной в них мысли тексты как-то ненароком, незаметно и без всяких на то оснований становятся полноценными героями и начинают требовать со своих авторов и читателей полновесной живой дани. Оказывается, для того, чтобы делать, недостаточно подумать о деле, а надо написать апелляцию, докладную, возвышенный совет, ученую статью, черта в ступе, а потом согласовать это все еще и с другими текстами, которым несть числа. Тексты сорвались с цепи — редко увидишь хозяина, который сказал бы: «я думаю, что это вот мое мнение сейчас такое», или поручителя: «на этом я стою и не могу иначе!». Чаше наоборот, тексты волочат за собой оправдывающихся авторов — ведь и на самом деле: «что написано пером — не вырубишь топором!».

Тексты, тем не менее, нам не чужие. Они питаются чувствами и тайными стремлениями своих создателей, перерабатывая их не только по

своим грамматическим нормам, но и в соответствии с собственной структурой смыслов, которая несет на себе следы не только былого благородства, но и самых гнусных извращений за все века человечества. Иногда это замечают непосредственно. Н. Н. (Ефим Эткинд, профессор филологического ф-та ЛГУ) в предисловии к нью-йоркскому сборнику И. Бродского 1970-го года писал, что когда в конце 50-х «Бродский, ужасаясь и ужасая других, читал первые свои стихи, почти каждое их слово казалось ему нестерпимо бессмысленным, и он пропускал их по одному, по десятку, целыми строфами, надеясь продемонстрировать слушателю, как прекрасны были бы эти стихи, не будь они опозорены словами».

Составители текстов (если это не физики или не математики — там может что-нибудь взорваться или упасть не туда) обычно не удосуживаются заранее определить и вычистить область существования для смысла употребляемых ими слов — они черпают из того же потока. В результате даже у написанных с чистейшими намерениями текстов часто с остроумных выводов капает бешеная слюна древних и сиюминутных преступлений и самообмана, при этом составители только радуются их резвости и совсем не думают об устройстве намордников.

Тексты сбиваются в стаи — посмотри, чуть не за каждым в конце длинный список ссылок на другие такие же тексты, которые лицемерно предлагается «почитать»! На самом деле всем ясно, что этого делать никто не собирается, и листы ссылок — это боевой клич стаи: «Мы вместе! Смотрите, какие мы все тут умные и как нас много! О-го-го!!». И каждый вопит, что вот именно тут, в этом тексте заключена та самая реальная правда, которую, очевидно, человек сможет извлечь только вот из этого текста или, в крайнем случае, из другого, похожего, в этой же стае (там то же самое написано).

Унаследованный от всей человеческой истории контекст влезает между мыслью человека и его делом. Он заслоняет действительность. Накрытый пестрой стаей двусмысленных текстов читатель как будто забывает, что онтологических тупиков в жизни нет и быть не может, что тупики бывают только гносеологические, по академической глупости. Детский стишок про таракана (который не то «тараканище», не то «тонконогая букашечка, козявочка») на самом деле для взрослых, маленькие дети этого не путают.

Одичавшие тексты правят бал, пока люди забывают об их **инструментальном** предназначении и, соответственно, их собственной ничтожности. Как будто сложность описаний (и радость от собственной способности в них купаться) прячут из глаз людских следующий естественный шаг: сообразил — так и делай, не стесняйся! Какая-то выходит «пониженная до нуля» действительность, достойным следствием мысли признается всего лишь новый представленный текст (рецидив архаического доверия к печатному слову).

Конечно, может сложиться ситуация, когда текст прозвучит как гром небесный, так ведь не обязательно же!

Впрочем, прошу прощения, вопрос об отношении к слову на самом деле очень древний и тяжелый. Это еще из орфических мифов: мало знать

волю богов, надо соответствовать своему знанию о ней. Если видишь взаимоувязанность мира (иногда говорят — «целостность») и отсутствие в нем неразрешимых противоречий, то не боишься попасть в безвыходное положение — таких положений нет. Если в действительности нет тупиков, то всякая внутренне непротиворечивая (без тупиков) теория будет соответствовать действительности в меру определенности терминов, ее составляющих. Если четко ограничен смысл терминов, то взаимоувязанная теория (иногда говорят — «полная») станет нам послушным проводником и служанкой, которой — вот тут начинаются древние премудрости! — можно довериться. Сама по себе эта теория ничего не значит (не загоразивает мир), но, позволяя рассматривать вместе наши намерения и волю богов (отсюда: «люди как боги»), избавляет от страха перед всегда открытой настежь дверью на волю. Это помогает. Гейзенберг, помнится, писал, что именно уверенность Эйнштейна в первоочередном значении теории помогла ему сформулировать свое соотношение неопределенности.

Часто говорят: «непротиворечивые теории разрушаются действительностью». Это напоминает утверждение нерадивого школьника: «я решил задачу... неправильно!». Рассуждая без подтасовок, «решить» задачу «неправильно» нельзя, можно только «не решить». Выводы теории врут, если она внутренне противоречива или если ее термины применены к не обозначенным в ней предметам. Это наиболее частый, простой и коварный способ — подмена понятий, передергивание термина, чья область существования (применимость) не определена. Это плоть той своры текстов, что пытаются запугать человека его собственной волей. Естественно, таких теорий может быть много, поскольку их термины могут быть определены по-разному, главное, чтобы из определений следовали ясные ограничения их применимости, чтобы не напутать. <...>

Виктор Дудченко, 12.06–17.07.2000

Ремарка: решать читателю!

В. Д. писал про «тексты, сбивающиеся в стаи», уже прочитав обе части (все 10 глав) этой книги. Поэтому, прав мой внутренний рецензент или не прав в этой своей реплике, читателю легче будет решить, последовав его примеру. (Июль 2000).

* * *

Вместо заключения (к главе 6)

Вся совокупность представленных в этой главе авторских материалов конца 70-х — начала 80-х может быть — ретроспективно! — определена как поиск подходов к «социологии жизненного пути»...

*О мере успешности этого поиска — судить не мне. Но в одном автор этих строк уверен: именно тогда ему посчастливилось **открыть** (для себя!) **новых учителей жизни**.*

Напомню их имена: Альберт Швейцер, А. А. Ухтомский, А. А. Любищев. (Сентябрь 1999 — декабрь 2000).

Приложения к главе 6

П. 6.1. Альберт Швейцер: благоговение перед жизнью

[Ниже — композиция извлечений из «Философии культуры» Швейцера (выписки, сделанные еще в конце 70-х). В скобках указаны страницы по изданию: А. Швейцер. Культура и этика. М.: Прогресс, 1973. — А. А.]

Из «Культуры и этики» А. Швейцера (1923)

<...> Углубленное миро- и жизнеутверждение состоит в том, что мы обладаем волей сохранять жизнь и все существующее, если оно каким-то образом подвластно нам, и рассматривать жизнь как высшую ценность. Оно требует от нас признания идеалов материального и духовного совершенствования людей, общества и человечества и постоянного руководства ими в своей деятельности и стремлениях. Оно не разрешает нам ограничиваться в своих действиях только самим собой, но требует от нас, чтобы мы проявляли живой и деятельный интерес ко всему, что совершается вокруг нас. Всегда и везде проявлять беспокойный интерес к миру и не искать покоя в самоуглублении — вот к чему обязывает нас глубочайшее миро- и жизнеутверждение. (278).

<...> Мое знание о мире есть знание внешнее, а потому всегда несовершенное. Знание же, полученное моей волей к жизни, непосредственно определяется сокровенными стимулами жизни, такой, какова она есть.

Высшим знанием, следовательно, является знание о том, что я должен доверять моей воле к жизни. Это дает мне в руки компас для плаванья, которое я должен совершить ночью и без карты. Поэтому стремление прожить жизнь правильно, возвышенно и благородно является естественным. Всякое принижение воли к жизни — это заблуждение или явление патологическое. (281).

<...> Мы не знаем, каким образом возникло в нас это стремление. Но оно дано нам вместе с жизнью. Мы должны следовать этому стремлению, если хотим оставаться верными таинственной воле к жизни, заложенной в нас. (282).

<...> Воля к жизни, ставшая сознательной и пришедшая к глубокому миро- и жизнеутверждению, также стремится к счастью и добивается успеха, ибо воля к жизни есть воля к осуществлению идеалов. Однако она не живет только этим счастьем и успехами. Если ей выпадает счастье, она рада этому и благодарно принимает его. Но она полна решимости действовать и тогда, когда ей отказывают в счастье и успехе. В этом случае она **подобна тому пахарю, который сеет, не рассчитывая собрать урожай** *[здесь и далее выделено мною. — А. А.]*. Воля к жизни — не пламя, которое постоянно нуждается в топливе благоприятных событий. Она горит чис-

тым светом и тогда, когда использует лишь свои внутренние ресурсы. Даже когда события обрекают ее на страдания, она не перестает быть деятельной волей. В глубоком благоговении перед жизнью воля к жизни придает ценность нашему существованию даже тогда, когда, согласно обычным представлениям, оно утратило уже всякий смысл, ибо и в этом существовании она переживает свою свободу от мира. (283).

<...> В самоотречении ради абсолютного возникает только мертвая духовность. Это чисто интеллектуальный акт. В нем не даны мотивы действия. Даже этика смирения могла влачить на этой почве интеллектуализма лишь жалкое существование. В мистике же действительности это самоотречение перестает быть чисто интеллектуальным актом и становится таким актом, в котором участвует все живое человека. В нем господствует, таким образом, духовность, которая в элементарной форме включает в себе стремление к деятельности. (303).

<...> Субъективная ответственность, и вглубь и вдаль уходящая в бесконечность ответственность за всю жизнь, принадлежащую сфере влияния человека, ответственность, которую постиг человек, ставший внутренне свободным от мира, и которую он пытается реализовать в жизни, — это и есть этика. Она рождается из миро- и жизнеутверждения, а осуществляется в жизнеотречении. Внутренне она связана с оптимистическим желанием. Теперь вера в прогресс уже не может быть отделена от этики, подобно плохому прикрепленному колесу у повозки. Обе они прочно посажены на одну ось.

Единственно возможный, содержательный, постоянно и конкретно полемизирующий с действительностью принцип этики гласит: самоотречение ради жизни из-за благоговения перед жизнью. (304).

<...> Всякое истинное познание переходит в переживание. Я не познаю сущность явлений, но я постигаю их по аналогии с волей к жизни, заложенной во мне. Таким образом, **знание о мире становится моим переживанием мира. Познание, ставшее переживанием, не превращает меня по отношению к миру в чисто познающий субъект, но возбуждает во мне ощущение внутренней связи с ним. Оно наполняет меня чувством благоговения перед таинственной силой жизни, проявляющейся во всем.** Оно заставляет меня мыслить и удивляться и ведет меня к высотам благоговения перед жизнью. Здесь оно отпускает мою руку. Дальше оно может уже меня не сопровождать. Огненные моя воля к жизни сама должна найти свою дорогу в мире. (306).

<...> Философия Декарта исходит из положения: «Я мыслю, следовательно, я существую». Это убогое, произвольно выбранное начало уводит ее безвозвратно на путь абстракции. Его философия не находит контакта с этикой и задерживается в мертвом миро- и жизнеощущении. Истинная философия должна исходить из самого непосредственного и всеобъемлющего факта сознания. Этот факт гласит: **«Я есть жизнь, которая хочет жить, я есть жизнь среди жизни, которая хочет жить».** Это не выдуманное положение. Ежедневно и ежечасно я сталкиваюсь с ним. (306).

<...> Поистине нравствен человек только тогда, когда он повинуется внутреннему побуждению помогать любой жизни, которой он может помочь, и удерживается от того, чтобы причинить живому какой-либо вред. Он не спрашивает, насколько та или иная жизнь заслуживает его усилий, он не спрашивает также, может ли она и в какой степени ощутить его доброту. Для него священна жизнь как таковая. (307).

<...> Этика есть безграничная ответственность за все, что живет. (308).

<...> Этика есть благоговение перед волей к жизни **во мне и вне меня**. (311).

<...> Борьбу против зла, заложенного в человеке, мы ведем не с помощью суда других, а с помощью собственного суда над собой. Борьба с самим собой и собственная правдивость — вот средства, которыми мы воздействуем на других. Мы их незаметно вовлекаем в борьбу за глубокое духовное самоутверждение, проистекающее из благоговения перед собственной жизнью. **Сила не вызывает шума. Она просто действует. Истинная этика начинается там, где перестают пользоваться словами**. (312).

<...> Не из чувства доброты по отношению к другому я кроток, миролюбив, терпелив и приветлив — я таков потому, что в этом поведении обеспечиваю себе глубочайшее самоутверждение. Благоговение перед жизнью, которое я испытываю по отношению к моей собственной жизни, и благоговение перед жизнью, в котором я готов отдавать свои силы ради другой жизни, тесно переплетаются между собой. (313).

<...> Этика благоговения перед жизнью заставляет нас почувствовать безгранично великую ответственность и в наших взаимоотношениях с людьми. Она не дает готового рецепта для объема дозволенного самохранения, она приказывает нам в каждом отдельном случае полемизировать с абсолютной этикой самоотречения. В согласии с ответственностью, которую я чувствую, я должен решить, что я должен пожертвовать от моей жизни, моей собственности, моего права, моего счастья, моего времени, моего покоя и что я должен оставить себе. (317).

<...> Этика благоговения перед жизнью не считает, что людей надо осуждать или хвалить за то, что они чувствуют себя свободными от долга самоотречения ради других людей. Она требует, чтобы мы в какой угодно форме и в любых обстоятельствах были людьми по отношению к другим людям. Тех, кто на работе не может применить свои добрые человеческие качества на пользу другим людям и не имеет никакой другой возможности сделать это, она просит пожертвовать частью своего времени и досуга, как бы мало его ни было. Подыщи для себя любое побочное дело, говорит она, пусть даже незаметное. Открой глаза и поищи, где человек или группа людей нуждается немного **в твоём участии, в твоём времени, в твоём дружеском расположении, в твоём обществе, в твоём труде**. (319–320).

<...> Кто в силах перечислить все возможности использования этого ценного капитала, называемого человеком! В нем нуждаются во всех уголках мира. Поэтому поищи, не найдешь ли ты применения своему человеческому капиталу. Не пугайся, если вынужден будешь ждать или эксперименти-

ровать. Будь готов и к разочарованиям. Но не отказывайся от этой дополнительной работы, которая позволяет себя чувствовать **человеком среди людей**. Такова твоя судьба, если только ты действительно этого хочешь. (320).

(Цит. по: А. Швейцер. Культура и этика. М.: Прогресс, 1973)

* * *

Из книги А. Швейцера

«Из моей жизни и мыслей. Автобиография» (1931)

<...> Когда меня спрашивают, кто же я, пессимист или оптимист, я отвечаю, что мое знание пессимистично, но мои воля и надежда оптимистичны.

Я пессимист в том, что в полной мере испытываю на себе всю тяжесть того, что выражается словами «отсутствие целенаправленности в ходе мировых событий». Лишь в редкие моменты я бываю по-настоящему рад, что живу. Я не могу не ощущать, сочувствуя и сожалея, что те страдания, которые я вижу вокруг себя, страдания не только людей, но и всего сотворенного. Я никогда не пытался выйти из этой общины страдания. Мне казалось само собой разумеющимся, что каждый из нас должен взять на себя часть той тяжести страдания, которая гнетет мир. Еще школьником я ясно сознавал, что никакое объяснение существования зла в этом мире никогда не сможет удовлетворить меня; я чувствовал, что все такие объяснения являются софистикой и, по сути дела, не имеют другой цели, кроме той, чтобы дать человеку возможность не так остро переживать окружающее его несчастье. Каким образом такой мыслитель, как Лейбниц, мог прийти к такому жалкому выводу, что хотя мир действительно нехорош, он является лучшим из возможных миров, — этого я никогда не мог понять.

Но как бы ни занимала меня проблема несчастья в мире, я никогда не позволял себе целиком погрузиться в размышления о ней; я всегда твердо держался той мысли, что каждый из нас может что-то сделать для того, чтобы какая-то часть этого несчастья прекратилась. Так мало-помалу я пришел к необходимости удовлетвориться знанием того, что есть только одна вещь во всей этой проблеме, которую мы в состоянии понять, и заключается она в том, что каждый из нас должен идти своим собственным путем, но это должен быть путь человека, намеревающегося помочь в деле избавления от несчастья.

В оценке ситуации, в которой находится в настоящее время человечество, я также являюсь пессимистом. Я не могу заставить себя поверить, что ситуация не так плоха, как кажется. Напротив, я внутренне убежден, что мы находимся на пути, который, если мы будем продолжать идти по нему, приведет нас в новое средневековье. Духовные и материальные несчастья, которым современное человечество подвергает себя своим отказом от мышления и от идеалов, порожденных мышлением, я рисую себе в самых мрачных красках. И все-таки я остаюсь оптимистом. Одна вера сохранилась у меня с детства, и я уверен, что никогда не потеряю ее: это

вера в истину. Я уверен, что дух истины сильнее, чем сила обстоятельств. На мой взгляд, человечеству не предуготована никакая иная судьба, кроме той, которую оно, посредством своего умственного и духовного состояния, готовит себе само. Поэтому я не верю, что оно неизбежно должно идти до конца по пути, ведущему к гибели.

Если найдутся люди, которые восстанут против духа бездумия и, благодаря своим личным качествам, сумеют сделать исходящие от них идеалы этического прогресса действенной силой — тогда начнется духовная деятельность, которая будет достаточно сильной, чтобы изменить умственное и духовное состояние человечества.

Так как я убежден в могуществе истины и духа, я верю в будущее человечества. Этическое миро- и жизнеутверждение содержит в себе оптимистические волю и надежду, которые никогда не могут быть утрачены. Поэтому оно не боится повернуться лицом к мрачной реальности и увидеть ее такой, какова она на самом деле. <...>

(Цит. по: А. Швейцер. Упадок и возрождение культуры. Избранное. М.: Прометей, 1993, с. 227–228)

...Кто не против вас, тот за вас...

Лк. 9, 50 (цит. по: А. Швейцер. Жизнь и мысли. М., 1996, с. 508)

П. 6.2. А. А. Ухтомский — уникальное явление в русской культуре

[Ниже — композиция извлечений из предисловия Г. М. Пуриковой и И. С. Кузьмичева к книге: А. Ухтомский. Интуиция совести. Письма. Записные книжки. Заметки на полях. СПб.: Петербургский писатель, 1996. В скобках указаны страницы по названному изданию. — А. А.]

<...> Алексей Алексеевич Ухтомский — явление в русской культуре уникальное.

Физиолог с мировым именем, он отличался удивительным разнообразием гуманитарных интересов, энциклопедической начитанностью в области философии и литературы, свободным творческим взглядом на многосложность социальных, нравственных, эстетических и религиозных проблем. Его эпистолярное и мемуарное наследие — настоящее откровение. Оно долго было спрятано от глаз, сохранилось далеко не полностью, да и то, что лежит в архивах, по сей день не все разобрано. (3).

<...> В литературном наследии Ухтомского нет завершенных канонических произведений, но его письма, например, можно рассматривать и как страницы эпистолярного романа, и как фрагменты философских трактатов, и как лирическую исповедь. В его наследии — отрывки из дневников; вроде бы случайные записи в рабочих тетрадях рядом с набросками научных статей — регулярные в двадцатых годах и все более редкие к середине тридцатых; совсем миниатюрный жанр — пометки на полях прочитанных книг.

В сущности, оставленное Ухтомским писательское наследие — это самобытная интеллектуальная проза: ей присущи мощь и ясность авторской мысли, талант живописания, искренность чувства, народный ум, психологическая проницательность и плюс ко всему живое ощущение грозной поступи истории. (3).

<...> Биография Алексея Алексеевича Ухтомского (1875–1942) внешне незамысловата, хотя внутренне трагична, при видимом благополучии. В глазах учеников, учениц особенно, он выглядел чудаковатым профессором — носил вызывающее для университетских аудиторий одеяние наподобие толстовки, студенты болтали, что под суконной рубахой он прячет вериги. (3–4).

<...> По характеру Ухтомский был человек замкнутый, с детства приученный к душевной сосредоточенности — рано ощутив прямую и потаенную связь с Богом ли, с Космосом или Вечностью, как это ни назови, и еще — силу Разума, его неудержимый зов и невозможность этому зову противиться. (4).

<...> Родился Ухтомский в пошехонской глубинке, детство провел в славном городе Рыбинске, хранившем корни допетровской, старообрядческой культуры, а происхождения был княжеского, от Рюриковичей. (4).

<...> По окончании [кадетского. — А. А.] корпуса Ухтомский поступил на словесное отделение Московской духовной академии, где его прежде всего заинтересовала философия... (5).

<...> Обращение к философии, к науке и вместе с тем — к Богу для Ухтомского показательно. <...> ...Обозначая свои цели, [Ухтомский. — А. А.] записывал в дневнике в 1897 году: «...мое истинное место — монастырь. Но я не могу себе представить, что придется жить без математики, без науки. Итак, мне надо создать собственную келью — с математикой, с свободой духа и миром. Я думаю, что тут-то и есть истинное место для меня». (5).¹

<...> Лицам с духовным образованием сфера наук естественных была официально заказана, поэтому Ухтомский в 1899 году поступает сперва на восточный факультет по еврейско-арабскому разряду — с тем, чтобы год спустя перевестись на естественное отделение.

В двадцать пять лет он снова попал в студенты и через два года уже работал лаборантом на кафедре физиологии животных у профессора Николая Евгеньевича Введенского, бесконечно почитаемого им учителя. Университету, кафедре Ухтомский отдал сорок лет жизни. Здесь, студентом, опубликовал первую научную статью, позже вел занятия и читал лекции, защищал магистерскую диссертацию, а в 1922 году, со смертью Н. Е. Введенского, принял заведование его кафедрой. (6).

<...> Он жил одиноко, затворником, не создавая семьи, решив раз и навсегда, что «подлинное, на всю жизнь незабываемое счастье», человек испытывает лишь в вершинные моменты «подъема и труда», когда он, пусть мимолетно прозревает «то, что выше его».

¹ Характерна тема кандидатского сочинения Ухтомского при окончании Духовной академии: «Космологическое доказательство Бытия Божьего».

И словно поощряя такую целеустремленность и аскетизм, судьба временами по-царски одаривала Ухтомского эпизодами «удавшегося человеческого общежития». Среди них, пожалуй, самый яркий — лето 1922 года, проведенное им со студентами и помощниками в Университетской физиологической лаборатории возле Петергофа, в «прекрасной нашей Александрии» — так они ее называли.

Тем летом Ухтомский приступил вплотную к итоговому формулированию своего главного открытия — закона **доминанты**, несказанно радуясь, что вокруг него сплотился маленький дружный коллектив, объединенный чрезвычайным единодушием и взаимной любовью. (7).

<...> В 1922 году он наконец обнародовал закон **доминанты** — развивая идею, подсказанную нечаянным наблюдением при опыте над животным почти два десятилетия назад.

Недаром еще в молодости интересовался он психологией религиозного подвижничества и задавался вопросом: откуда черпают люди решимость и силу, ступая, казалось бы, за барьер отпущенных им возможностей? Почему они, подчас забывая о страхе, в состоянии, похожем на восторг, восходят на плаху?... Попытки найти физиологические мотивации явлениям такого рода — и множеству им подобных — привели ученого к закону о доминанте. (7–8).

<...> Доминанта, утверждает Ухтомский, «есть не теория и даже не гипотеза, но преподносимый из опыта принцип очень широкого применения, эмпирический закон, вроде закона тяготения...». (8).

<...> Доминанта — это принципиально нарушенное равновесие в нервной системе, когда господствующий очаг возбуждения разгорается, привлекая к себе волны возбуждения из самых различных источников. Одновременно доминанта тормозит все прочие, в том числе и постоянные раздражители. (8)

<...> Доминанта и устойчива, и подвижна. Угасая, она не исчезает, а погружается в глубину сознания. Наши понятия и представления — все индивидуальное психическое содержание, каким мы располагаем, — есть следы пережитых нами доминант. (8).

<...> «Суровая истина о нашей природе, — писал Ухтомский, — что в ней ничего не проходит бесследно и что **природа наша делаема**, как выразился один древний мудрый человек. Из следов прошлого вырастают доминанты и побуждения настоящего для того, чтобы предопределить будущее. Если не овладеть вовремя зачатками своих доминант, они завладеют нами. Поэтому, если нужно выработать в человеке продуктивное поведение с определенной направленностью действий, это достигается ежеминутным, неусыпным культивированием требующихся доминант. Если у отдельного человека не хватает для этого сил, это достигается строго построенным бытом». (9).

<...> Какую же из доминант, организующих наше сознание, выделяет Ухтомский как важнейшую?

Он ее называет «доминантой на лицо другого». И суть ее в том, чтобы «уметь конкретно подойти к каждому конкретному человеку, уметь войти в его скорлупу, зажечь его жизнью», рассмотреть в другом не просто нечто равноценное тебе, но и ценить другого выше собственных интересов, отвлекаясь от предвзятостей, предубеждений и теорий... (9).

<...> Изучая природное «устройство» душевной жизни, Ухтомский не оставлял в стороне личный опыт. Тем ценнее его дневниковые заметки и письма, где он зачастую «обкатывал» научные формулировки и старался привить своим адресатам убеждения, которые вынашивал годами. (12–13).

<...> Круг проблем, обозначенный в этих письмах, содержит и проблему «двойника», и концепцию «заслуженного собеседника». (13).²

<...> Не умаляя значения разума, Ухтомский отдавал приоритет в познании чувству, эмоции, возникающей в подсознании. «Интуиция, — писал он, — раньше, принципиальнее и первоосновнее, чем буква». Если чувство не затронуто, знание — мертвый груз. И там, где нет собеседования с Бытием, сочувствия и сопереживания, нет и ответственности человека — и человечества! — перед Бытием. (15).

<...> «Сердце, интуиция и совесть — самое дальнзоркое, что есть у нас, — писал Ухтомский, — это уже не наш личный опыт, но опыт поколений, донесенный до нас, во-первых, соматической наследственностью от наших предков и, во-вторых, преданием слова и быта, передававшимся из веков в века, как копящийся опыт жизни, искусства и совести народа и общества, в котором мы родились, живем и умрем». (15–16).

<...> Никаких иллюзий по поводу новой власти Ухтомский не ведал и в январе 1918 года предостерегал свою адресатку /В. А. Платонову. — А. А./: «...Вы очевидно не отдаете себе отчета в том, что такое большевики! Они именно вполне последовательны, уничтожая христианское богослужение; логическая последовательность приведет их к прямым, принципиальным и, стало быть, жесточайшим гонениям на христианство и христиан! Вы это имейте в виду, чтобы представить себе вещи, как они есть в действительности!». (20).

<...> «То, что кажется таким **новым и небывалым** для самих «творцов» всех этих новейших дел, оказывается для нас, — писал он В. А. Платоновой в январе 1918 года, — древнейшим, давно **предсказанным типом событий**, свойственным всем тем эпохам, в которые особенно ярко сказывается нравственное падение и растрепанность общества, но, вместе с тем, подымается гордыня древней злобы, все пытающейся быть «яко бози»...». (20).

<...> Вспоминая в письме к Платоновой, как впервые попал в ЧК — в 1920 году в Рыбинске, — он рассказывал, что только счастливое стечение обстоятельств, «маленькая бумажка от Петроградского совета, бывшая в кармане» спасло его от смерти, когда «какой-то весь серый

² Речь идет в данном случае о письмах к Е. И. Бронштейн-Шур 20–30-х гг. См. ранее, в главе 6: раздел «Мой «заслуженный собеседник»...».

человек голосом привычного бойца со скотобойни уже спрашивал, все ли готово для расправы». (21).

<...> С той поры зловещий «серый человек», в разных обстоятельствах и в разном обличии, не однажды напоминал Ухтомскому о себе — и в 1922-м, и в 1934-м, и в 1937-м, и в другие приснопамятные годы.

Унизительный гнет этих лет не мог, конечно, не влиять на моральное состояние Ухтомского и не отражаться на его переписке. Неспроста в 1934 году он писал Платоновой, что «нужно оградить себя молчанием», по крайней мере, быть осторожным в словах и, подобно египетским пустынным, «бывать друг у друга самым главным — сознанием общности делания», а в 1937-м жаловался ей: мол, все чаще, чего раньше с ним не случалось, обнаруживает в себе «подозрительность, нездоровую мнительность в отношении людей»... (21).

<...> В сентябре 1940 года, сокрушаясь, как «трудно идут теперь наши дни», придется ли еще увидиться, он писал Платоновой: «Да и все человечество в целом вошло в какую-то новую, очень тяжелую полосу своего бытия, когда мир вступает в новые муки рождения своего будущего». (21).

<...> Алексей Алексеевич Ухтомский скончался 31 августа 1942 года в блокадном Ленинграде. Ему неоднократно предлагали выехать из осажденного города, но он догадывался, что болен безнадежно, и считал неразумным тратить остатки сил на далекое переселение. (21).

<...> Вклад академика Ухтомского в физиологическую науку всемирно известен и неоспорим. И почти неизвестно его гуманитарное, иначе — литературное наследие. Познавая как ученый тайны дарованной человеку жизни, он сполна изведал «странную» потребность писательства. Завещанное им слово учителя и проповедника, подобно великим книгам, зовет людей к духовному братству. (21–22).

(Г. Сурикова, И. Кузьмичев. Странная профессия — писательство / А. Ухтомский. Интуиция совести. Письма. Записные книжки. Заметки на полях. СПб, 1996)

П. 6.3. А. А. Любищев: масштаб личности и духовное наследие

[Ниже — статья Р. Г. Баранцева, опубликованная, под названием «О духовном наследии А. А. Любищева», в журнале «Реальность и субъект» (1999). — А. А.]

Р. Г. Баранцев об А. А. Любищеве (1999)

С 1890 по 1972 год в России жил человек, который, будучи виталистом, открыто критиковал материалистическое мировоззрение и в качестве основного постулата этики призывал способствовать победе духа над материей. Не имея академических званий и широкой прессы, Александр Александрович Любищев был известен сравнительно небольшому кругу людей. Но он оставил гигантское рукописное наследие, по мере освоения которого постепенно вырисовывается подлинный масштаб ученого-гуманиста.

Архив Любищева превышает 2000 печатных листов. Наряду с научными трудами он включает переписку (600 л.) и дневники (200 л.), о которых писал Д. А. Гранин в повести «Эта странная жизнь». В последние годы опубликованы книги Любищева: «Проблемы формы, систематики и эволюции организмов»; «В защиту науки»; «Расцвет и упадок цивилизации»; «Линии Демокрита и Платона в истории культуры»; «Мысли о многом»; готовится к публикации книга «Наука и религия». В г. Ульяновске, где он провел последние годы жизни, ежегодно проводятся Любищевские чтения. Имя А. Любищева стало упоминаться рядом с именами К. Линнея, Д. Менделеева, Н. Вавилова, В. Вернадского.

Чем же интересно, актуально, значительно наследие Любищева?

Лет 15 назад один из молодых людей после недельного погружения в его архив сказал: «Я нашел ответы на вопросы, которые еще не успел себе поставить». Наше крутое время успело поставить множество горячих вопросов. И если выделить те фундаментальные вопросы, которые связаны со сменой парадигмы, то ответы на них скорее можно найти в трудах Любищева, чем в море публикаций современных социологов. Переживаемый ныне кризис мировоззрения заботил Любищева задолго до того, как его осознано общественное мнение. Корни ошибок он правильно связывал с одномерной структурой мышления, указывая, что диалектика не сводится к антитезам «или-или». И во всех своих работах он демонстрировал диалектику многомерную. Так, в книге «Наука и религия» упоминаются 5 форм суеверий и 6 степеней защиты религии, а 4 вида жертв инквизиции сопоставляются с аналогичными категориями в современных преследованиях. Системы мировоззрений он обычно рассматривал в 5-мерном пространстве: онтология, гносеология, биология, этика, социология.

Одновременно Любищев разрабатывал такие проблемы многомерной диалектики как ортогонализация осей семантического пространства, комплексирование признаков по критериям реальности, синтезирование целостных сущностей. Еще в 40-е годы он ставил вопрос о «преодолении всех форм плюрализма в едином высшем синтезе», в 70-е годы писал: «Проблема целостности сопряжена с глубочайшими философскими вопросами».

Открытая методология, которую с трудом постигает сегодняшняя синергетика, была доступна Любищеву во все годы господства идеологии закрытого общества. В письме к Д. А. Никольскому от 20.12.60 он утверждал:

Детерминизм является не только антинаучным, но ответственным за многие выводы, которыми многие ученые и неученые пытаются оправдать все мерзости истории.

В статье, посвященной принципу дополнительности, он отмечал, что согласно Бору высшая мудрость должна обязательно быть выражена путем использования таких слов, смысл которых нельзя определить однозначно, и между прочим само понятие дополнительности трактовал в 4-х вариантах. В письме к В. Н. Беклемишеву от 05.11.58 читаем:

Я думаю, что среди открытий XX века следует различать три группы: 1) те, которые поддерживают сделанные выводы, но не ставят никаких новых проблем, 2) те, которые ставят по новому казалось бы разрешенные проблемы, 3) те, которые оказываются совершенно непредвиденными. Первую категорию следует признать приятными открытиями, вторую — полезными, третью — интересными.

Прогресс в обществе Любичев признавал в смысле гуманизации, огорчивая однако, что он идет не прямолинейно, а зигзагообразно. Откликаясь на речь В. А. Энгельгардта «Творчество ученого» по радио 19.12.64, Любичев писал 21.12.64:

В. И. Вернадский и Тейяр де Шарден, отошедшие уже в вечность, все время настаивали, что с появлением человека народилась новая сфера бытия, ноосфера, область действия сознательного разума. Не этот ли инстинкт, стремление к чистому знанию, к рационализации всего бытия, является основным принципом развития ноосферы, подобно эктропизму в биосфере. Может быть, для биосферы можно согласиться в первом приближении, что природу к жизни побуждают голод и любовь, но следование этому положению в ноосфере, как ведущему принципу, есть предательство человека по отношению к своему высшему назначению... Порыв ученого к познанию, сходный с «жизненным порывом», есть нечто первичное, в подлинном смысле слова ведущее.

По поводу слов о рационализации всего бытия развернулась острая дискуссия Любичева с П. Г. Светловым, который писал:

Познание не обязательно результат рационализации. Знание имеет множество источников и рефлектирующий разум — лишь один из них... Часто знание противопоставляют вере. Антитеза: «чистое» знание и «слепая» вера. Однако, как знание может быть слепым и нечистым, так и вера может быть не слепой и чистой... За пределами применимости разума залегает огромная область, океан своего рода, о котором нам дают понятие внеразумные источники знания, каковые служат и фундаментом разумного.

Любичев отвечает:

Я... чувствую себя в одной компании с Эйнштейном, Эддингтоном, Гейзенбергом, Шредингером, Вейлем... Все они — рационалисты, как и Кант: религия в пределах чистого разума; а глубоко религиозные люди, как наш покойный друг В. Н. Беклемишев и ты, интуиционисты. Вот этого у меня нет и потому я совершенно бессилён в размышлениях на темы религии в духе, например, П. А. Флоренского... Но я высоко ценю все разумное, что дала в частности христианская религия. Проповедь любви и учение о Логосе, данное апостолом Иоанном, интернационализм апостола Павла и то критическое отношение, которое дано в поведении апостола Фомы.

Свой рационализм Любичев видел в том, чтобы не ставить априорных пределов возможностям познающего разума. Такое понимание рационализма далеко выходит за рамки классического идеала и представляет интереснейший объект для современных охотников расширенного толкования этого термина. Склоняясь к пантеистическому мировоззрению, Любичев стремится к высшему синтезу Истины, Красоты и Добра на пифагорейском пути в развитии Культуры. Не случайно в своей работе он приводит слова А. Эйнштейна: «Все религии, искусства и науки являются ветвями одного дерева».

Дополняя голод и любовь жадной познания, а полезное и приятное — интересным, Любичев фактически образует системные триады. Отталиваясь от традиционной постановки вопроса о двух линиях в филосо-

фии, он неминуемо приходит к мысли, что «надо говорить не о двух линиях — Платона и Демокрита, а по крайней мере о трех. Третья линия — линия Аристотеля, которую строго говоря, нельзя отнести ни к чистому идеализму, ни к чистому материализму».

Потрясающая эрудиция, удивительная работоспособность, гражданское мужество Любичева получили широкое признание. Покоряет самостоятельный, независимый, свободный стиль его жизни и работы, предельная честность и щедрость в науке, уважение к инакомыслящим. Находит понимание его многомерная диалектика, ценится рационализм, оптимизм, гуманизм. И в масштабе уходящего века можно видеть его как гигантский мост разума над бездной упадка, ведущий от нравственных традиций российской интеллигенции к грядущему подъему духовности.

(Р. Г. Баранцев. О духовном наследии А. А. Любичева // Реальность и субъект, 1999, № 1/2, с. 154–155).

П. 6.4. К вопросу о гуманитаризации научного знания

Несколько вступительных слов

В апреле 1999 г. мне довелось участвовать в XI Любичевских чтениях в г. Ульяновске.

Эти чтения отличаются особой «аурой». Чтения — памяти Любичева... (Как, впрочем, и вообще чрезвычайно сильна духовная аура интеллектуальной среды этого «провинциального» русского города на Волге.)

Бывают «не-встречи», по выражению М. Цветаевой... А бывают встречи, в частности, с «заслуженным собеседником», по выражению А. Ухтомского. Среди таких — моя встреча с Анатолием Николаевичем и Лидией Ивановной Марасовыми.

А. Н. Марасов — доцент Ульяновского педагогического университета им. И. Н. Ульянова, биолог, один из организаторов Любичевских чтений и автор замечательных философских эссе о человеке и мире.³ Л. И. Марасова — учитель одной из ульяновских средних школ, преподает английский.

А дочь Л. И. и А. Н. Марасовых — Олеся Анатольевна Козина — в прошлом журналист, а ныне — преподает социологию в Ульяновском гос. университете. В 2000 г. она защитила диссертацию о философско-эстетических аспектах неомифологии Н. К. и Е. Н. Рерихов (науч. рук. — докт. филос. наук Ю. В. Линник). Олеся — талантливый поэт; недавно вышли два ее поэтических сборника.⁴

Ниже — извлечения из доклада О. А. Козиной на Любичевских чтениях 1999 г. (Декабрь 1999 — апрель 2001).

Из доклада О. Козиной (1999)

<...> Вопрос об этике в науке возникает вместе с введением критерия личности, то есть когда во главу угла ставится человек со всем спектром его интересов. Последнее приводит к гуманитаризации знания (нау-

³ Марасов А. Н. Катехизис. Ульяновск, 1993; Марасов А. Н. Природа. Ульяновск, 1994; Марасов А. Н. И звук, и свет. Ульяновск, 1997; Марасов А. Н. Арабески. Ульяновск, 2001.

⁴ Козина О. Выбор. Ульяновск, 2000; Козина О. Формы. Ульяновск, 2000.

ки). В этом смысле гуманитаризация науки тождественна **этизации** науки. Кроме того, этизация науки предполагает не менее важный по значимости вопрос **гармонизации** знания, предполагающий определенный идеал **целостной науки**.

Здесь подразумевается методологический контекст: обусловленность необходимости универсального подхода и стремления к гармоничному знанию. Иными словами, возникает необходимость перехода к синтезу как мировоззренческо-методологической установке.

<...> Принцип синтеза в методологии, кроме этического, имеет и эстетический аспект, наглядно продемонстрированный концепцией А. А. Любищева, разнообразие теоретических систем подчиняется единому ориентиру (или целям так называемой метанауки).

<...> Преимущество эстетического аспекта научного познания заключается не только в стремлении к ценностному соотношению и соответствию внутренней мере осваиваемого предмета и человеческим идеалам, но и в формировании творческой сферы свободы.

Эстетическое отношение, подразумевающее свободу относительно объекта, во многом определяется **игрой** с ним. Используемый здесь термин «игра» имеет статус принципа деятельности и характеризует исключительно творческий компонент познания. Наряду с требованием определенных духовных компонент (стремление, увлеченность, энтузиазм, состязательность и т. п.), особого внимания заслуживает важная составляющая игры — воображение, сохраняющее дистанцию между субъектом и объектом. Что, в свою очередь, вносит в игру противоречие: играющий субъект одновременно находится в двух сферах — условной и реальной. Моделируя двуплановую реальность, игра создает возможность так называемой «игровой бесконечности» как моделирования, так и выбора.

В связи с этим творческий принцип становится необходимым компонентом эвристической деятельности, аналогом которой на предыдущей «ступени» служит игровая ситуация, а тенденция к творчеству — тенденция к высшей игре разума, восприимчивость к идеям, новаторству, поиску, новизне.

<...> Кроме того, можно утверждать, что принципиальность науки в целом определяется ее этикой. Истина же предстает как понятие, интегрирующее ценностный, эстетический и этический аспекты. Тем не менее, доминанта должна быть смещена в сторону моральности. В противном случае, истина не может служить телеологическим оправданием развития науки. Кроме того, правильнее было бы ставить вопрос о сугубо индивидуальной сущности истины как таковой, при некоем целостном принципе личности, ибо самая суть данного принципа формируется исключительно в пределах мироотношения. Этика же науки, определяющая ее принципиальность, целиком обусловлена этикой ученых, ее представляющих. В связи с этим в настоящее время необходима выработка адекватных нравственных императивов науки, задающих ее вектор развития, односторонний с вектором культуры.

Таким образом, вопросы гуманитаризации и эстетизации науки образуют единую понятийную область, неотделимую от ценностно-оценочных категорий и затрагивающую проблематику мировоззрения личности ученого. <...>

(О. А. Козина. Проблемы гуманизации и эстетизации науки / Любищевские чтения. 1999. Ульяновск, 1999)

Ремарка: нравственные императивы науки

С вышеприведенным рассуждением О. Козиной я не только согласен (в основном), но и полагаю его объясняющим некоторые мои собственные профессиональные поиски. Представляется, однако, не бесспорным утверждение о необходимости «смещения доминанты в сторону моральности» (применительно к науке). Если, как справедливо отмечает О. К., в истине интегрируются ценностный, этический и эстетический аспекты, то почему одному из интегрируемых аспектов отдается предпочтение? Или я чего-то не понял? (Декабрь 1999).

* * *

Умножить скорбь, избрав познания плен.
Избавить смех от лишних наслоений.
Не встать с колен.
Но мочь стоять без позволений...
Родившись, быть. Оберегать
Себя от алчущего гнева.
И вновь искать
Пути миро-творенья чрева...
Платить собой. Смеяться и рождать.
Играя боль среди горных растворовений.
Не избежать
Смертей сияющих прозрений.

О. Козина, 24.11.1999

Мудрость не знает сомнений.
В мудрости мы откровенней:
совесть сидит на цепи.
Без удручающих рвений
Четки границы суждений,
Ясны, суровы, легки...
Мудрость бежит словопрений,
Тропок лукавых томлений:
Мудрые, чутки шаги.
В дебрях из бликов и теней,
Чуждая символам мнений,
Мудрость молчит вопреки.
Там же, где духа решенье
Ждет от души искупленья,
Мудрость не прячет щеки.

О. Козина, 9.10.1999
(из сборника «Выбор», с. 47–48)